

**Константин
Петришин**

**БИТВА
ЗА ЯСЛИ
ГОСПОДНИ**

Константин Петришин
Битва за ясли господни

«Издательские решения»

Петришин К.

Битва за ясли господни / К. Петришин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961374-5

Роман рассказывает о малоизвестных страницах истории «Крестового похода» армий Англии, Франции, Турции и их союзников против России в 1853 — 1856 годах с целью расчленив её на отдельные государства и лишит непокорный народ православной веры как основы русской государственности.

ISBN 978-5-44-961374-5

© Петришин К.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	49
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	64
ГЛАВА ПЯТАЯ	75
ГЛАВА ШЕСТАЯ	89
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	110
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	121
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Битва за ясли господни

Константин Петришин

© Константин Петришин, 2019

ISBN 978-5-4496-1374-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Христианство есть единственное
убежище русской земли от всех ее зол.
Федор Достоевский*

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Императрица Александра Федоровна с трудом уговорила супруга встретить наступающий Новый 1853 год в Красном Селе, а на Крещение вернуться в Петербург. Николай Павлович согласился только после того, когда Александра Федоровна в сердцах заявила, что ей надоело смотреть на его постоянные любовные интриги на балах с ее фрейлиной графиней Варварой Нелидовой и она готова уехать куда угодно, но подальше от Петербурга.

Николай Павлович не удивился осведомленности своей супруги. Он знал: Двор кишел сплетниками и доносчиками. И все же не удержался и спросил, делая вид незаслуженно оскорбленного до глубины души человека:

– Дорогая, но это же чушь!.. Кто тебе сказал?

Наверное, он это сделал напрасно. У Александры Федоровны полыхнул яркий румянец на щеках.

– Кто сказал? – Александра Федоровна метнула в сторону Николая Павловича быстрый недобрый взгляд. – Я тебе скажу. Мне принесли письмо графини Нессельроде, в котором она сообщает своему сыну, что государь... Да, да... Ты! Все больше и больше занят моей фрейлиной Нелидовой! Это у вас, сударь, что? Наследственное? Твой родитель император Павел держал в любовницах графиню Нелидову, а ты решил продолжить это занятие с ее племянницей? Побоялся бы бога!..

Николай Павлович, не ожидавший такого бурного разговора, даже растерялся.

– Но это все досужие выдумки и не более. У нас просто дружеские отношения, – ответил он. – Мало ли что в голову приходит этой... – Николай Павлович хотел сказать «старой дуре», но воздержался, подумав, что если его слова каким-нибудь образом дойдут до графа Нессельроде, которого он уважал и ценил за длительную и преданную службу сначала на посту министра иностранных дел, а затем в должности канцлера, может произойти то, чего бы он не желал.

Однако Александра Федоровна, задетая за живое, расценила недомолвку мужа по-своему.

– Я знаю, что ты, дорогой, хотел сказать! – заявила она. И на её усталых и нежных глазах навернулись слезы обиды и гнева. – Но тогда объясни мне: с графиней Мери Пешковой и графиней Бутурлиной у тебя тоже дружеские отношения? А с баронессой Крюндер? Кстати, прескверная немка эта баронесса!

Александра Федоровна отвернулась и тыльной стороной ладони смахнула с глаз непрошенные слезы.

«Боже мой! – со смутным ужасом подумал Николай Павлович. – Да она всё знает!..»

И ему не то, что стало неловко или стыдно, он почувствовал, насколько он виноват перед этой терпеливой и прекрасной женщиной, матерью его детей и терпеливой сострадалицей.

Николай Павлович подошел к супруге и неуверенно привлек её к себе.

– Прости, – сказал он. – Я полагал, ты ничего не знаешь... Как ты теперь поступишь – воля твоя. Но я даю тебе слово – больше ничего подобного не повторится.

– Я надеюсь на это, – ответила Александра Федоровна и тихонько высвободила плечи из объятий супруга. – Через полгода ты будешь отмечать свои 57 лет. В такие годы мужам на место ветрености приходит мудрость. Правда не со всеми это случается, – добавила она.

Николай Павлович вдруг вспомнил слова графини Россет, которая однажды в разговоре с ним полусерьезно заявила, что при Дворе много говорят о его тайных посещениях с графом Адленбергом воспитанниц Смольнинского института. И при этом так загадочно улыбнулась, что ему стало не по себе.

...Встреча Нового года в Красном Селе прошла утомительно и скучно. Бал был похож на все предыдущие.

Императрица Александра Федоровна больше времени сидела в кресле, уединившись со своей подругой графиней Александрой Осиповной Россет.

После 12 ночи к Николаю I подошел граф Адленберг с двумя бокалами шампанского. На нем была шутовская маска, которая, однако, не прикрывала розового шрама на лбу. Еще будучи детьми они играли в войну и Николай в запальчивости ударил прикладом небольшой винтовки своему другу прямо в лоб. Увидев хлынувшую кровь, испугался до смерти, убежал и спрятался в покоях отца, боясь неминуемого наказания со стороны ненавистного наставника графа Ламсдорфа, который, не стесняясь, бил его и старшего брата Александра головой о стену или еще хуже – шомполом. Мать, Мария Федоровна, не видела в этом ничего дурного, и только отец мог спасти от подобного наказания.

– ...За Новый год, ваше величество! – сказал граф Адленберг, подавая Николаю I бокал с шампанским. – Что-то я не вижу радости на вашем лице, мой государь, – смешливо заметил он. – Кто вас так расстроил?

Николай I усмехнулся.

– Ты, дорогой друг...

У графа Адленберга от удивления даже вытянулось хлыщеватое напомаженное лицо.

– Я-я-я? – переспросил он с удивлением. – Чем?

– Да так... Ни чем. Просто я пошутил... – ответил Николай I и переменял тему разговора. – Смотрю я на нашего канцлера и думаю: что бы делал без него? Он с самого начала бала порывался подойти ко мне и сообщить, по всей видимости, какую-нибудь прескверную неприятную новость, однако почему-то до сих пор не подошел.

Граф Адленберг обернулся и отыскал глазами в дальнем углу зала графа Нессельроде. Тот стоял рядом с министром иностранных дел графом Титовым и князем Меншиковым, и время от времени поглядывал в сторону государя.

– Да-а-а... – протянул граф Адленберг. – Глядя на лицо нашего канцлера, не скажешь, что он рад Новому году.

– Значит, буду не рад и я, – заметил скучно Николай Павлович. – Да бог с ним. Утро вечера мудренее. Посмотрим, что скажет он мне завтра...

– Уже сегодня, – уточнил граф Адленберг.

– Да, ты прав, – согласился Николай I. – Однако, я полагаю, он мне хотя бы выспаться даст.

...В полдень 1 января, когда Николай Павлович направился в покои императрицы Александры Федоровны, чтобы пожелать ей доброго дня и справиться о ее здоровье, дежурный флигель-адъютант доложил, что в приемной его дожидается канцлер граф Нессельроде.

«Ну вот... Сбылось», – подумал Николай Павлович и, запахнув халат, пошел в приемную. Завидев государя, Нессельроде поспешил ему навстречу. Вид у канцлера был озабоченный.

– Ваше величество, простите меня за несвоевременный доклад, но у меня неотложное известие...

Николай I остановился и с легкой тревогой посмотрел на графа Нессельроде.

– Слушаю вас, Карл Васильевич.

– Ваше величество, мне вчера стало известно, что наш двухгодичный спор с Константинополем и Парижем о принадлежности ключей от Вифлеемского храма, решен не в нашу

пользу. Император Наполеон убедил турецкие власти забрать ключи от Вифлеемского храма у православной общины и передать их католикам. В Париже уже ликуют по этому поводу, – упавшим голосом добавил Нессельроде.

Николай I почувствовал, как у него внутри вспыхнула и разлилась по всему телу горячая гневная волна.

– Сволочи! – тихо произнес он, но в его голосе было столько испуганной ненависти, что граф Нессельроде даже содрогнулся.

Попросив разрешения уйти, он тут же быстро удалился. А государь направился в покои императрицы. Первое, что пришло в голову: заставить любыми средствами султана Порты отменить свое решение. «Иначе, – подумал он, – одолеют черти святые места».

...Александра Федоровна встретила Николая Павловича приветливо, поинтересовалась его самочувствием и вдруг спросила:

– Ну и что ты теперь намерен делать?

Николай Павлович удивленно посмотрел на Александру Федоровну.

– Вы о чем, сударыня? – нарочито насмешливо спросил он.

– О том, о чем тебе только что доложил граф Нессельроде, – ответила она.

Николай Павлович качнул головой.

– Ну и ну... Верно говорят в народе: в мешке шила не утаишь. А при моем Дворе это шило и в стог сена не упрячешь. Значит, тебе уже доложили. Не графиня ли Россет? Она вчера весь бал от тебя не отходила.

– Нет, дорогой, – загадочно улыбнувшись, ответила Александра Федоровна. – Графиня Россет здесь не причем.

– Значит, у тебя при Дворе есть свои шпионы?

На продолговатом лице Николая Павловича появилось неподдельное изумление.

– Конечно, есть, – ответила императрица. – Иначе бы я откуда знала всё... Но ты не ответил на мой вопрос.

Николай Павлович сразу помрачнел. Он и в самом деле не знал, как ему теперь поступить. Начатый два года тому назад Парижем спор с Россией за ключи от храма яслей Господних, Николай I расценивал как посягательство на законные права греко-русской православной общины. Да и на территории самой Османской империи православие исповедовало чуть ли не половина подданных султана.

– Не знаю, – ответил Николай Павлович. И тут же спросил: – А что ты мне посоветуешь? Александра Федоровна внимательно посмотрела на Николая Павловича.

– В делах человеческих сам бог свидетель и потому я бы посоветовала тебе не принимать необдуманных решений, – ответила она и немного помолчав, добавила. – Ты же знаешь: сегодня половина Европы настроена против тебя и в первую очередь – Париж. Помнишь, когда к власти во Франции пришел герцог Орлеанский Людовик Филлит, ты приказал выдворить из русских портов все французские корабли, которые подняли на своих мачтах трехцветный республиканский флаг. Потом, когда этого выскочку сменил Людовик Наполеон Бонапарт и провозгласил себя императором, ты и его не признал. Вернее полупризнал. Ты что мне тогда сказал? «Это лучше, чем республика, но признать его – выше моих сил».

Николай Павлович грустно усмехнулся.

– И ты все это запомнила?

– К сожалению, видимо, не я одна... – ответила Александра Федоровна.

– Ну и что я теперь должен делать?

Вопрос Николая Павловича прозвучал отрешенно и даже, как показалось Александре Федоровне, растерянно. Она встала из кресла, подошла к супругу и, слегка дотронувшись кончиками тонких почти прозрачных пальцев до его щеки, ответила:

– Я знаю, ты не благосклонен к Пушкину, но он был прав, когда однажды сказал тебе, что Европа по отношению к России всегда была невежественна и неблагодарна. Но сейчас не это главное. Тебе надо найти понимание и поддержку среди наших друзей.

– Ты хочешь убедить меня в том, что в этом споре я останусь один? – немного подумав спросил Николай Павлович.

– Это уже не спор, дорогой. Против тебя объявлен крестовый поход...

До конца дня Николай I не находил себе покоя. Он уединился в своем кабинете и приказал флигель-адъютанту генералу Васильчикову никого к нему не пускать.

Сначала он долго сидел в кресле, потом медленно ходил и все думал, как случилось, что он позволил своим недругам возомнить, что им дозволено все.

... Не прошло и года после того страшного декабрьского дня 1825 года, когда он с божьей помощью переборов в себе страх и вселив веру в немногих оставшихся преданных ему офицеров, сумел подавить бунт на дворцовой площади, как на него снова обрушилось новое испытание. Персия без объявления войны напала на пограничные русские укрепления. Но и на этот раз бог оказался милостив. Сначала русские войска под командованием генерала Манакова разбили персов на реке Шамхора, затем войска блистательного генерала Паскевича заставили бежать персидские войска в свои пределы. Весной следующего года Паскевич с русской армией вступил на территорию Персии и в начале октября осадил и взял главную крепость персов Эривань. И зазвенели по всей России благовестные колокола о его первой серьезной победе.

Николай потребовал от Паскевича предъявить персам за их разбойное нападение самые жестокие условия мира. В результате к России отошли две пограничные области: Эриванская и Нахичеванская.

Европа словно не заметила случившегося на Кавказе. Беспокойство проявила только одна Англия. Кавказ давно привлекал внимание англичан. Через него проходили все торговые пути, связывающие Европу с Индией. И англичане не прочь были держать их под своим контролем.

Однако на Кавказе оставался еще один беспокойный сосед – Османская империя, чьи владения охватывали значительную часть Закавказья, северное и восточное побережье Черного моря, доходили до Средиземноморья, включая Балканы и Северную Африку...

Все эти воспоминания словно в калейдоскопе промелькнули в сознании Николая I и оставили тяжелый след.

... Ранние январские сумерки уже проникли в кабинет Николая I, когда вошла Александра Федоровна.

– Приказал бы свечи зажечь, – проговорила она, тревожно вглядываясь в лицо Николая Павловича. – Не заболел ли?

Она действительно была встревожена отсутствием супруга в течение дня.

... Прошло много лет после того несчастного случая, когда во время поездки Николая I по России на дороге между Пензой и Тамбовом его коляска опрокинулась и государь получил сильный ушиб головы и перелом ключицы.

Ключица со временем срослась, однако головные боли у Николая I стали с того дня постоянным явлением. От того он часто раздражался и ходил с бледным, словно полотно, лицом.

– Свечи зажечь? – рассеянно переспросил Николай Павлович. – Да будет исполнена ваша воля, сударыня.

Он тяжело встал из кресла, подошел к двери и, приоткрыв ее, попросил флигель-адъютанта распорядиться, чтобы зажгли свечи в его кабинете.

Когда свечи были зажжены, и они снова остались вдвоем, Николай спросил:

– Долго ли мы еще будем находиться в Красном Селе, ваше величество?

Слова были произнесены насмешливо, но императрица уловила в них тревожные нотки и все поняла.

– Если хочешь, завтра можно возвращаться в столицу, – ответила она с обворожительной улыбкой.

Николай Павлович посветлел лицом.

– Вот и славно! – отозвался он. – Значит завтра поутру сбор и в дорогу. – На минуту задумался и продолжил: – Ты сказала мне о крестовом походе против меня. Если это так, я буду биться за ясли Господни до последнего своего дня. Я это уже решил. Мой спор с Наполеоном о ключах – это не прихоть. Я знаю, многие осудят меня за это. Для них высшим благом является жить в просвещенном обществе, как они говорят. И им наплевать, быть христианской вере на земле или не быть...

Николай Павлович говорил и говорил, а Александра Федоровна слушала, стараясь скрыть не ясно откуда взявшуюся тревогу. Наконец, когда он умолк, спросила:

– Ты хочешь начать войну за христианскую веру?.. – вопрос этот Александра Федоровна задала осторожно. И тут же продолжила: – Однако ты обязан быть уверен, что тебя поймут и поддержат те же христианские народы, коих много и в самой Османской империи.

Николай Павлович вздохнул так, словно он был обречен.

– У меня нет другого выбора, – ответил он еле слышно. И добавил: – Под богом я хожу и ношу его волю. И пока я не развяжу раз и навсегда турецкий узел, ждать добра России не придется. Ты, наверное, не забыла, как я еще в 1826 году принудил султана подписать договор, по которому он обязался обеспечить автономию православным народам Малахии и Молдавии и не посягать на независимость Сербии. А что же получается на деле? Турки, на бумаге признавая автономию Дунайских княжеств, на деле попирают ее и по-прежнему грозят сербам. А что делает в это время просвещенная Европа?

– Созерцает на твои труды и завидует тебе, дорогой, – ответила Александра Федоровна.

– И не только созерцает и завидует! – словно возражая императрице, заметил Николай Павлович. – Она еще и наполняется злобой против меня! Но почему? Если бы ни Россия, революции и бунты в сорок восьмом и сорок девятом годах превратили бы половину Европы в пепел!.. Ну ничего!.. Они уже не раз поплатились за это. Поплатятся и еще! Ибо берут на себя великий грех!

Александра Федоровна согласно кивнула головой.

– Да... да... Я помню, – сказала она, – как австрийский фельдмаршал Кабога валялся в ногах у нашего генерала Паскевича, моля его спасти Австрию от венгерской революции...

– А император Франц Иосиф, при всех целовал мне руку, – добавил Николай Павлович с горькой усмешкой. Немного помолчал и продолжил: – Короткая же у них память... И это не мудрено. Старая шлюха Европа всегда была себе на уме. И попомни мои слова: все наши беды замышлялись, замышляются и будут замышляться в Европе! И кто об этом забудет – горе тому!

Эти слова Николай Павлович произнес настолько прискорбно, что у Александры Федоровны даже екнуло что-то под сердцем.

Ей вдруг показалось, что перед ней уже не тот Николай I, перед которым пресмыкалась Европа в страхе и ужасе от обрушившихся на нее революций и переворотов. А совсем другой, истерзанный мучительными сомнениями и обидами, человек.

Она радовалась за него, когда в 1826 году Николай I предложил чопорной Англии заключить договор о совместных действиях против Султаната, дабы заставить ее признать независимость православной Греции и Лондон поспешно согласился. Дал свое согласие и Париж. Теперь же все они готовы были выступить против России и ее законных требований.

«...Значит, что-то произошло, что-то случилось... – подумала она с тревогой. – А впрочем, чему удивляться: сатана и святых искушает».

– ...Единственная держава в Европе, на которую я еще могу как-то положиться, – продолжил свою мысль Николай Павлович, – это Австрия... Возможно Пруссия. Но прусакам я не верю. Ты уж не обижайся на меня...

Александра Федоровна была хорошо осведомлена графом Нессельроде о планах Николая I по отношению к Австрии и Пруссии. Одно время Николай Павлович даже вынашивал мысль о передачи Австрии польского города Кракова, а чтобы укрепить трон Габебургов, Николай I послал за Карпаты 100-тысячную русскую армию для подавления восстаний в Венгрии и Ломбардии – владениях Австрийской империи.

...Ужинали они вместе. Затем Александра Федоровна удалилась в свои покои и до полуночи, стоя на коленях, молилась перед святыми образами, вымаливая у Всевышнего милости божьей и благословения для супруга в его помыслах во имя спасения веры христианской. Она верила – велико имя Господне на земле и потому полагала, что он не оставит их в делах божьих.

...Утро следующего дня выдалось на редкость солнечным. В девятом часу Николай I вернулся с прогулки. Выглядел он посвежевшим и был в хорошем расположении духа.

В девять часов в столовую подали кофе. Этот распорядок был заведен Николаем I давно и неукоснительно соблюдался.

Александра Федоровна с утра оделась по-дорожному, чтобы своим видом показать супругу готовность возвращаться в Петербург.

Николай Павлович это заметил и улыбнулся.

– Ты знаешь, за что я тебя люблю?

– За что? – спросила императрица.

– За то, что ты всегда умела показать свою покорность.

– Для женщины это необходимо, – ответила Александра Федоровна. – Это для вас покорность связана с честолюбием... А для нас – это оружие против вас. Так что ты решил? – вдруг спросила она.

Николай Павлович сделал глоток кофе из чашки, поставил ее на стол и только после этого ответил:

– По приезду в Петербург я немедленно отправлю князя Меншикова в Константинополь. Если он не убедит султана изменить свое решение в отношении ключей от Вифлеемского храма, я заставлю его это сделать иным путем...

2

Решение Николая I направить в Константинополь князя Александра Сергеевича Меншикова чрезвычайным послом для ведения переговоров с турецким правительством было не случайным.

Князь Меншиков, правнук светлейшего князя Ижорского, одного из сподвижников Петра Великого, в свои 65 лет был человеком известным не только в России и в Европе, но и в Турции.

В первой турецкой кампании он командовал отрядом отдельного кавказского корпуса, овладел крепостью Анапа, затем брал Варну. Был начальником главного морского штаба, а когда в Финляндии началась смута, Николай I назначил туда князя Меншикова генерал-губернатором.

...На второй день по возвращению в Петербург Николай I вызвал к себе графа Нессельроде и поручил ему пригласить в Петербург князя Меншикова, а министру иностранных дел графу Титову снабдить Меншикова всеми необходимыми документами и подготовить его поездку в Константинополь в качестве посла с чрезвычайными полномочиями.

Граф Нессельроде внимательно выслушал государя и, когда тот закончил говорить, спросил:

– Ваше величество, простите, но меня интересует, каким временем мы располагаем для подготовки этой поездки?

Николай I на мгновение задумался.

– Не больше трех недель, – ответил он. – И еще, убедительно прошу вас, Карл Васильевич, забыть о своей неприязни к князю Меншикову хотя бы на это время...

– Ваше величество!.. Помилуйте!.. – воскликнул граф Нессельроде и театрально взмахнул руками.

– Я все знаю, Карл Васильевич! – прервал его государь. – И прошу помнить, что я вам сказал. Спрос будет не только с князя Меншикова, но и с вас вместе с министром Титовым. Все. Я вас больше не задерживаю.

Граф Нессельроде сделал низкий поклон и бесшумно, словно тень, вышел из кабинета Николая I.

...С министром иностранных дел графом Титовым Нессельроде встретился в этот же день на казенной квартире, которая располагалась на Васильевском острове.

Граф Титов ни сколько не был удивлен, когда услышал от Нессельроде волю государя.

– Все шло к тому, – спокойно и даже, как показалось Нессельроде, равнодушно ответил граф Титов. – Наши походы против засилья турками интересующих Россию территорий ровным счетом ничего не дали. Кроме бесчисленных жертв.

Нессельроде в ответ иронически усмехнулся.

– Я бы так не сказал, – возразил он. – Во-первых, вы, дорогой граф, забываете, что в результате этих, как вы выразились походов и бесчисленных жертв, Россия приобрела твердую границу с турками в Европе по Пруту и Нижнему Дунаю. Во-вторых, дунайские княжества получили свободу богослужения и независимое управление от султана. В-третьих, в Азии мы отодвинули свои границы к югу, получили торговый город Ахалцык и крепость Ахалкалахи. И наконец, в-четвертых, Сербия вернула себе шесть округов, ранее принадлежащих туркам. Все это стоило понесенных жертв, – заключил Нессельроде и выжидающе посмотрел на слегка смутившегося графа Титова, который почувствовал, что разговор с канцлером пошел не по тому руслу и даже мог стать небезопасным для него.

– Да... да... Вы правы, Карл Васильевич, – согласился поспешно граф Титов с видом человека, который глубоко осознал свою ошибку. – Государь иначе поступить и не мог. Отодвинуть турок с южных границ было заветным желанием и прародительницы его величества Екатерины. К этому же стремился и Великий Петр, – граф Титов сделал глубокомысленную паузу, затем продолжил: – Воля государя для нас – закон. К тому же, все, что случается, – не по нашему хотению, а по божьему изволению. И я тот час же приступлю к делу.

Титов подумал, что все вопросы уже обговорены и можно откланяться, однако Нессельроде не торопился его отпускать. Это было видно по всей его угрюмой фигуре.

– Карл Васильевич, вы что-то еще хотели мне сказать? – спросил Титов, заметив тень раздумья на лице канцлера.

– Да... – ответил тот и бесцельно поправил круглые очки в золотой оправе. – Надо полагать, поездка в Константинополь нашего чрезвычайного посла не останется без внимания европейских держав.

– Конечно, не останется! – живо согласился граф Титов. – И в первую очередь со стороны Парижа и Лондона. И если англичане пока ведут себя сдержанно, французы только и ищут повод для ссоры с нами...

– Этот повод у них уже есть... – задумчиво произнес граф Нессельроде.

– Карл Васильевич, видит бог, но они сами идут на обострение, – словно возражая Нессельроде, заметил граф Титов. – Насколько мне известно, архиепископ парижский Сибур открыто проповедует за священную войну с Россией, призывая сокрушить ересь! Надо полагать, он имеет в виду греко-русскую православную церковь!..

Нессельроде грустно качнул головой.

– Нелегко придется нашему князю Меншикову, – сказал он. Подумал и добавил: – Как бы и нам с вами головы не сносить...

Последние слова канцлера, казалось, не произвели на графа Титова никакого впечатления.

– На все божья воля, – ответил он. – Человек ходит, а бог водит...

– Это верно, – согласился Нессельроде. – Однако на господа-бога надейся, а сам не плошай... Ну что ж... Я полагаю, мы все обсудили?

– Будто бы все, Карл Васильевич...

– Тогда за дело, дорогой граф. Времени у нас действительно мало.

Проводив графа Титова в приемную и, попрощавшись там с ним, Нессельроде прошел в гостиную, где его ожидала супруга.

– Поговорили? – спросила она и, отложив в сторону кружева, которыми занималась с величайшим удовольствием, продолжила: – Хочешь дам тебе один совет?

Нессельроде чуть заметно усмехнулся. Он всегда считал государственное занятие не женским делом.

– Сударыня, вы желаете участвовать в государственных делах? – спросил он, не в силах скрыть иронии в голосе.

– Нет, сударь, – в тон ему ответила графиня. – В наших делах. Так вот мой совет: не теряя времени, прикажи проследить за перепискою иностранного ведомства и самого графа Титова, и ты узнаешь больше, чем будет докладывать граф Титов государю. Это тебе может очень пригодиться в нужную минуту. Что касается князя Меншикова, то третьему отделению его величества канцелярии тоже не помешает проследить и за его перепиской.

Граф Нессельроде, не ожидавший от супруги такого разговора, даже почувствовал легкую растерянность, но тут же справившись с собой, спросил:

– Ты это, матушка, сама придумала или кто-то посоветовал?

Графиня обиженно поджала тонкие сухие губы.

– А ты как думаешь?

Нессельроде слегка пожал плечами. Он решил сгладить обиду, невольно нанесенную супруге.

– Я полагаю, ты права. Спасибо, дорогая, за совет, – поблагодарил супругу Нессельроде и поцеловал ей руку, надеясь, что этим искупит свою вину.

Графиня же расценила слова супруга по-своему. Хорошо зная недостаток Карла Васильевича легко поддаваться порывам паники и откровения, она решила продолжить начатый разговор.

– Если я права, дорогой сударь, тогда позволь дать тебе еще один совет. Барон Корор как-то сказал мне, что господа из третьего отделения глупы и никогда ничему не учились. Я не знаю, так ли это или нет. Однако они находятся под покровительством государя. Поэтому, дорогой, будь осторожен с ними...

На высоком с залысинами лбу Нессельроде отразилось удивление. Супруга еще раз заставила его испытать легкое чувство растерянности.

– Я знаю этих рьяных опекунов русского общества, – успокоил супругу Карл Васильевич. – Извини, но мне пора и за дела браться, – добавил он и удалился.

...Ночь для графа Нессельроде прошла в смутной душевной тревоге. Сначала он лег в постель, потом встал и прошел к креслу стоящему в углу его спальни. Свечей не зажигал. Его мысли, расстроенные каким-то невнятным предчувствием, не давали успокоиться и заснуть. Он вдруг вспомнил годы царствования Александра I, который мог без труда овладеть Константинополем, пользуясь внутренними раздорами в султанате, открыть России пути выхода из Черного моря и защитить греко-русскую православную церковь. Однако этого не произошло.

Нессельроде прошел к окну и слегка отодвинул тяжелую бархатную штору. На улице в свете луны тускло серебрился лохматый снег, заваливший все кругом. Чуть слышно монотонно гудел напористый ветер, да где-то под крышей позванивали невидимые ледяные сосульки.

«...Александр I слыл романтиком, – подумал Нессельроде, – и ему чужды были идеи, которые лежат в основе любой войны. Что же теперь предпримет более жесткий и решительный Николай I, чтобы защитить православную веру? Объявит войну? Но это немыслимо!.. Россия не готова к такой войне...»

Под утро Нессельроде все же уснул, так и не найдя ответа на свой вопрос.

3

Не первый год, возглавляя правительство России, граф Нессельроде не мог не видеть, как ухудшаются отношения с Францией.

Избранный президентом в 1848 году Людовик Наполеон, не довольствуясь президентской властью, 20 ноября 1851 года совершил переворот, подавил недовольных военной силой и через год объявил себя императором Наполеоном III.

Николай I был раздражен случившимся во Франции. И хотя государь как-то сказал Нессельроде, что лучше Наполеон III, чем республика, признать нового императора он не хотел.

Будучи прожженным политиком Нессельроде уже тогда понял: Наполеону как воздух нужен успех, добытый не внутри Франции, а вне нее. И Нессельроде не ошибся.

Сначала Наполеон намеревался объявить войну Англии, которую боялись и ненавидели половина французов. Но взвесив все за и против, он отказался от рискованной затеи, памятуя поражение французской армии от англичан в Булонском сражении. Была и другая причина, которая удерживала его от этого шага. Изганный из Франции в юные годы, он нашел себе укрытие и понимание в Англии. Благодарность, которую он еще хранил в душе к этой стране, сдерживала его и заставляла все больше и больше думать о мести России и за проигранную русским войну в 1814 году, и за пренебрежение русского монарха к его императорскому титулу.

В конце прошлого года Нессельроде получил из Парижа от своего посла депешу, в которой сообщалось о том, что в ноябре в Булонском дворце состоялась секретная встреча министра иностранных дел Франции де Лакура с министром иностранных дел Англии лордом Русселемом, на которой шла речь о возможном союзе в войне против России, если она не уступит в споре о ключах от Вифлеемского храма.

Когда Нессельроде доложил о содержании депеши Николаю I, тот воспринял эту неожиданную новость совершенно спокойно, заметив при этом, что извечные враги не могут быть хорошими союзниками.

Теперь, вспоминая об этом, граф Нессельроде и сам приходил к выводу: войны не миновать. Зачем тогда государю посылать князя Меншикова в Константинополь? Оттянуть время, или он все же надеется избежать конфликта в борьбе за святое дело? «Скорее всего, последнее, – решил Нессельроде. – Однако пусть бог рассудит... Чему быть – того не миновать...»

...6 января во второй половине дня графу Нессельроде доложили, что прибыл князь Меншиков.

Нессельроде вышел его встречать. Провел в кабинет и усадил в кресло.

– Угощать, князь, я ничем не буду, – сказал Нессельроде, усаживаясь в кресло напротив. – Не до угощений теперь.

Князь Меншиков снисходительно улыбнулся, и эта улыбка не ускользнула от внимательного взгляда Нессельроде, как и то, что Меншиков приехал в парадном мундире при орденах и лентах, и выглядел так, словно собрался на парад.

Нессельроде вскипел внутри, но тут же взял себя в руки, памятуя наказ государя держаться с князем Меншиковым в мире.

– Я и не рассчитывал на угощение, – ответил князь Меньшиков. – Коль дела у нас предостоят серьезные, давайте не будем терять времени на пустословие.

Нессельроде снес и эту скрытую обиду.

– Я полагаю, князь, вы уже знаете, зачем вас пригласили в столицу? – спросил Нессельроде.

– В общих чертах, Карл Васильевич – ответил князь Меньшиков.

Нессельроде понял, что тон разговора надо менять иначе получится словесная дуэль, а не обсуждение плана переговоров в Константинополе.

– Александр Сергеевич, я выполняю волю государя и хочу, чтобы ваша поездка в Константинополь увенчалась успехом. Поверьте в мою искренность, – сказал Нессельроде.

– Я тоже этого желаю, Карл Васильевич, – смягчился князь Меньшиков. – Я слушаю вас.

...Когда их разговор подошел к концу и все детали будущих переговоров были обсуждены, за окнами уже начали сгущаться фиолетовые сумерки.

– ...На днях государь отправит через графа Титова послание султану. Я надеюсь, Титов с ним вас ознакомит, – сообщил Нессельроде. – Мы все будем молить бога, и надеяться на положительный исход ваших переговоров. Хотя... – он сделал короткую паузу и сокрушенно развел руки. – Если вдуматься во все происходящее за последнее время, веры остается мало...

Откровенное признание канцлера слегка смутило князя Меньшикова.

– Вы не верите в успех переговоров? – прямо спросил он.

– Дорогой князь, верить я обязан господу богу и царю, божьему помазаннику. Во всем остальном я обязан по долгу своей службы сомневаться, – ответил Нессельроде и продолжил: – Вы не хуже меня знаете, что на протяжении уже долгого времени идет спор между греко-русской православной и римско-католической церквями за владение святыми местами. Можно понять и султанат, который навлекает на себя гнев то России, то Англии с Францией...

– Но позвольте, граф, – нетерпеливо перебил Нессельроде князь Меньшиков. – До половины нынешнего столетия, ключи от Вифлеемского собора были в руках православной общины и ни у кого это не вызывало сомнений. Все началось с появления на французском троне Людовика Наполеона!.. Разве не так?

– Я с вами согласен, Александр Сергеевич, – тут же согласился Нессельроде. – Однако нам от того не легче. По сведениям, которыми я располагаю, в Константинополе уже побывал французский генерал Опик и в ультимативной форме потребовал от правительства Турции передать французским монахам право на владение кроме святыни Рождества Господня, так же гроба Пресвятой Богородицы, камня помазания и право на ремонтные работы купола Святого Воскресения, который пострадал, как вы знаете, при пожаре в 1808 году. Есть опасения, дорогой князь, что турецкие власти снова пойдут на уступки Парижу. На этом и основана моя тревога, – пояснил он и продолжил. – А потому мой вам совет: лучше начать переговоры в Константинополе с Верховным визирем Турции Мехмедом Али. По моему мнению, он является одним из тех, кто наиболее разумно подходит к нашим требованиям. Ну и последнее, князь, – произнес Нессельроде, поднимаясь с места. Он прошел к столу, взял несколько бумаг и подал их князю Меньшикову. – Это копия договора Турции с Францией на пользование Святыми местами, который был подписан ими еще в 1740 году. Он вам может пригодиться. Дело в том, что в этом договоре нигде не перечислены те святыни, на возврат которых настаивал генерал Опик.

Князь Меньшиков оживился.

– Карл Васильевич, это в корне меняет положение дел! – сказал он. – Почему же вы сразу мне об этом не сказали?

Нессельроде лукаво улыбнулся и поправил двумя пальцами свое безупречное жабо.

– Должен же я был чем-нибудь вас порадовать под конец беседы. Однако хочу вас предупредить сразу. Вы особенно не надейтесь на этот документ. Азиаты – народ хитрый и лукавый.

Ко всему прочему в Париже снова появилась брошюра местного священника. Если не изменяет мне память... По-моему Боре, – вспомнил Нессельроде после минутного раздумья. – Брошюра откровенно враждебная к нам. Одним словом этот Боре призывает светские и духовные власти Франции идти с мечом и крестом за права латинской церкви владеть палестинскими святынями. Надо полагать, Наполеон этим воспользуется. Я боюсь одного. Если нас не поддержит Европа, она поддержит Наполеона.

– Даже Австрия и Пруссия? – с некоторым удивлением спросил князь Меншиков.

– Насчет Австрии и Пруссии не знаю. Хотя надежды и на них мало...

– А как же наша императрица Александра Федоровна?..

Граф Нессельроде удрученно вздохнул.

– Да... да... да... Фредерика-Луиза-Шарлота-Вильгельмина, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма. Это вы хотели сказать?

– Совершенно верно, – подтвердил князь Меншиков. – Я полагаю семейные и кровные узы должны что-то значить.

Граф Нессельроде как-то странно хмыкнул и снова погрузился в кресло. Бесшумно побабанил пальцами по кожаному валику и только после этого ответил:

– Дорогой мой, князь Александр Сергеевич, я бы тоже так хотел думать. Однако наш государь отдавал предпочтение в делах своих больше Австрии, нежели Пруссии. Единственное на что мы с вами можем надеяться – это на сочувствие православных, живущих в землях, где наш государь-император, не жалея средств, строил и содержал церкви и монастыри, исполняя свой долг будучи царем единственной в мире державы, на протяжении веков исповедующей православие и учение греко-русской церкви. И если они, связанные с нами узами единоверия, будут это помнить, посягать на Россию – значит посягать на все эти народы. Тогда можно надеяться на то, что наши с вами бескорыстные и праведные труды принесут пользу Отечеству и удовлетворение государю.

Последние слова граф Нессельроде произнес почему-то с оттенком неподдельной грусти и князь Меншиков вдруг понял: Нессельроде знает больше, чем сказал ему. Да и сам князь Меншиков понимал: на долю государя выпадало испытание более тяжкое, нежели то, которое он испытал на себе в конце 1825 года.

...В ту осень император Александр уехал с императрицей Марией Федоровной в Таганрог по настоятельному совету врачей. С царицей творилось что-то неладное. Она то задыхалась, то жаловалась на боли в груди. В семье Александра поселилось мрачное настроение. Все переживали за Марию Федоровну. И вдруг из Таганрога пришла печальная весть: тяжело заболел государь. С каждым днем состояние здоровья Александра становилось все хуже и хуже.

...27 ноября в церкви Зимнего дворца шел молебен во здравие государя. Молебен подходил уже к концу, когда к великому князю Николаю Павловичу подошел расстроенный камердинер и что-то тихо ему сказал.

Николай Павлович побледнел и растерянно оглянулся по сторонам.

Князь Меншиков находился недалеко от Николая Павловича и увидел его глаза полные ужаса и страха.

Состояние великого князя заметили и другие. Священник остановил молебен. В церкви наступила гробовая, холодящая душу, тишина. Все взоры были обращены в сторону Николая Павловича.

– ...Государь Александр Павлович скончался, – почти по слогам с трудом объявил Николай Павлович и добавил: – Мне только что передали...

По церкви прокатился глухой вздох. В нем сплелись и ужас, и горечь, и отчаяние. Это князь Меншиков скорее почувствовал, чем услышал.

Затем кто-то заплакал навзрыд и вдруг плачущий вопль огласил всю церковь. Он потряс князя Меншикова больше, чем известие о кончине государя.

Меньшиков помнил, как он снова перевел свой взгляд на Николая Павловича. Тот подошел священника и приказал ему тот час принести крест и присяжный лист...

Когда священник выполнил волю великого князя, Николай Павлович, глотая слезы и задыхаясь от охватившего его волнения, стал торопливо приносить присягу Константину, своему брату, который в это время жил в Варшаве и имел право на престолонаследие, но еще в 1822 году отказался от наследия в пользу Николая. Акт отречения Константина и манифест Александра I хранились тайно в Сенате и в Успенском соборе в Москве.

Знал ли об этом сам Николай Павлович? Видимо знал. Почему же тогда он так торопился принести присягу Константину?

Князь Меньшиков был уверен, что Николай Павлович в тот час переживал какое-то никому кроме него неизвестное смятение, которое он должен был преодолеть, испытал и себя, и тех, кто намеревался стать ему ближайшим окружением.

...С графом Нессельроде князь Меньшиков попрощался по-дружески.

– Не забудьте, князь, перед отъездом встретиться с графом Титовым, – напомнил Нессельроде. – Я полагаю, кроме содержания письма султану, он расскажет и еще кое-что интересное вас. С этого дня, Александр Сергеевич, волею господ-бога и его императорского величества, мы с вами в одной упряжке... – добавил он, а про себя подумал: «Ну, умная голова – разбирай божьи дела...»

4

На время пребывания князя Меньшикова в Петербурге государь приказал поселить его в Аничковом дворце, где князю были отведены две комнаты, которые ранее служили императору Павлу для покоев.

Сюда же тайным курьером от графа Титова привезли множество документов, свидетельствующих о делах министерства иностранных дел по защите святых мест за последние два года.

На встрече с графом Титовым, которая состоялась через два дня после посещения князем Меньшиковым канцлера Нессельроде, тот сообщил, что решение султана о передаче ключей от Вифлеемского храма католикам уже состоялось. И теперь переговоры в Константинополе еще более осложнятся. Титов так же напомнил, что этим решением нарушено закрепленное ранее договорами право русского монарха на покровительство православия на всей территории султаната.

На вопрос князя Меньшикова: «Готово ли письмо императора турецкому султану?» Титов ответил, что письмо он еще не получил, а торопить государя он не может.

В первый же день своего «заточения» в Аничковом дворце, а оно, по мнению князя Меньшикова, и было таковым: у входных дверей его комнат круглосуточно стоял караул из гвардейцев по причине нахождения у него секретных государственных бумаг. Из привезенных документов князь Меньшиков, в первую очередь, просмотрел всю переписку с посольством в Константинополе, а так же бумаги, направленные султану, главному визирю и министру иностранных дел Турции по спорному делу.

Князь Меньшиков был ни мало удивлен, когда среди этой обширной переписки нашел копию письма Николая I к турецкому султану, написанное еще год тому назад. В нем государь выражал недоумение по поводу несоблюдения султаном своих обязательств, взятых ранее на себя и закрепленных в договорах с Россией.

Письмо это, как было видно из сопроводительных записей, вручил султану сам граф Титов.

«Почему же он не сказал мне об этом ни слова, – подумал князь Меньшиков. – Неужели забыл?...» Эта мысль озадачила князя Меньшикова настолько, что он решил снова встретиться с графом Титовым и узнать был ли ответ на письмо и если был, то какой. Чем больше князь Меньшиков размышлял над прочитанными бумагами, тем больше приходил в недоумение.

Турецкое правительство неоднократно предлагало составить совместную комиссию из государственных и духовных чиновников, которая бы в архивах могла бы отыскать подлинные документы, свидетельствующие о законном праве греко-русской православной общины на владение ключами от Вифлеемского собора. Однако такая комиссия, по всей видимости, составлена не была.

Князь Меншиков собрался было уже ехать к графу Титову за разъяснениями, как вдруг на глаза ему попалось секретное донесение поверенного в делах в Константинополе графа Озерова, который сообщал, что в Константинополь в начале февраля этого года прибыл французский посланник де Лавалетт и пригрозил туркам: в случае, если они пойдут на уступки русскому монарху, император Наполеон пошлет к берегам Сирии французский военный флот.

Далее граф Озеров подробно излагал ответ султана на угрозу французов и его решение подтверждающее право греко-русской православной общины на владение Святыми местами.

Католикам султан даровал только право наравне с армянами владеть ключами от северных и юго-восточных ворот большой Вифлеемской церкви. Ключи же от главного входа предписывалось иметь греко-русской православной общине. О чем и был поставлен в известность иерусалимский патриарх.

В недоумении Меншиков еще раз перечитал депешу графа Озерова. «Что же произошло с того времени? – подумал он. – Почему султан так опрометчиво переменял свое решение?»

Князь Меншиков был уверен, принимая решение, которое по сути дела перечеркивало все ранее достигнутые договоренности, султан не мог не знать, чем это может закончиться.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что Турция, скорее всего, заручилась поддержкой Франции и Англии.

Князь Меншиков окончательно утвердился в своей правоте, когда отыскал еще одну депешу графа Озерова, присланную августом 1852 года. В ней поверенный в делах в Константинополе сообщал о прибытии в Константинополь французской миссии на военном корабле «Карл Великий», что само по себе было открытым нарушением конвенции, подписанной в Лондоне Россией, Англией и Францией, которая запрещала проход военных кораблей всех стран через проливы Босфор и Дарданеллы.

Просматривая далее бумаги, князь Меншиков нашел также сообщение графа Озерова, датированное уже октябрём. В нем поверенный в делах подробно излагал содержание речи министра иностранных дел Турции Фуад-Эфенди на заседании правительства, где он заявил, что если Россия пойдет на крайние меры, против нее поднимется вся Европа и тогда будет положен конец религиозному влиянию русского монарха на единоверных ему подданных, находящихся под покровительством султаната.

Для самого князя Меншикова спор, возникший за ключи от Святых мест, сначала казался каким-то надуманным. Однако за эти дни, проведенные в разговорах и просмотре документов, он понял: спор за ключи от Святых мест – не прихоть государя, это даже не вопрос о религии. Это вопрос – быть России или не быть великой христианской державой, ибо для того, чтобы выжить в новом времени, несущем с собой неизвестность, мало сохранить веру только в собственных границах.

«Хорошо, что государь это понял, но не слишком ли поздно?..» – подумал он.

...12 января князь Меншиков встретился с графом Титовым в министерстве иностранных дел. Тот выглядел не лучшим образом. Он все время хмурился, часто вздыхал, порой начинал нервничать. Это было заметно по его рукам, которые граф Титов не знал куда деть.

– ...Особых новостей, Александр Сергеевич, у меня нет, – сразу заявил граф Титов. – Однако кое-что появилось, что свидетельствует о неуверенности султана в правильности принятого им решения.

Князь Меншиков с откровенным любопытством посмотрел на графа Титова. Министр иностранных дел очень походил в эту минуту на тонущего человека, хватающегося за соломинку.

– Извольте сказать, – ободряюще улыбнулся князь Меншиков и приготовился слушать.

– Буквально вчера мне стало известно, что султан отдал распоряжение своему комиссару в Палестине разрешить грекам тайно распорядиться в Святых местах...

Князь Меншиков с удивлением посмотрел на графа Титова.

– Но это же направлено на прямое столкновение с католиками. Неужели вы этого не понимаете?

Вопрос князя Меншикова совсем смутил графа Титова.

– Вы так полагаете? – спросил он.

– Конечно...

– Ну тогда я не знаю, чем еще могу быть вам полезен, – и добавил: – Если бы мы в свое время не занимались донкихотством, перед нами давно не было бы этой проблемы.

– И кто же, по вашему мнению, у нас был рыцарем печального образа? – поинтересовался князь Меншиков, догадываясь кого имел ввиду граф Титов, говоря о донкихотстве.

Граф Титов в ответ вяло махнул рукой.

– Да будет вам... Вы все прекрасно знаете... А впрочем, поинтересуйтесь у графини Анны Федоровны Тютчевой. Она лучше меня ответит на ваш вопрос. И еще, князь, будьте осторожны с графом Нессельроде. У меня есть все основания полагать, что он приложил немало усилий, будучи вот на этом месте, – и граф Титов постучал указательным пальцем правой руки по столу, – чтобы испортить наши отношения со всеми в Европе, включая и Пруссию. Для Нессельроде единственным идеалом был только австрийский император Меттерних. Карл Васильевич давал советы государю, от коих мы до сих пор терпим одни убытки...

Такое откровение графа Титова настолько удивило князя Меншикова, что он даже немного растерялся. О делах графа Нессельроде он кое-что знал. Ак с подачи Нессельроде при подписании Лондонского договора в 1832 году, государь дал согласие на то, чтобы на греческий престол взошел пятнадцатилетний баварский принц Оттон. Греки были возмущены, подняли восстание и баварский принц бежал из Греции. Подобная история произошла, когда египетский паша Магмет Али восстал против султаната. Граф Нессельроде и на этот раз уговорил государя стать на защиту султаната. Внимательно выслушав Титова, князь Меншиков поблагодарил его за доверительный разговор и уже прощаясь, спросил:

– Как насчет государева письма?

– Наш канцлер пообещал в конце недели передать письмо мне или прямо вам в руки, – ответил граф Титов. И добавил: – Карл Васильевич любит повторять русскую народную притчу, только на австрийский манер. И звучит она так: самому мириться – не годится, а посла звать – вдруг люди будут знать...

5

Январь был на исходе, а князь Меншиков по-прежнему еще находился в Аничковом дворце. Время от времени курьеры привозили ему одни бумаги, забирали другие, и ему уже начинало казаться, что государь переменял свое решение посылать его в Константинополь.

Однако в последний день месяца приехал граф Титов с письмом государя султану. На этот раз он выглядел уверенным и даже слегка самодовольным.

– Вот, Александр Сергеевич, – сказал Титов, торжественно передавая Меншикову пакет. – Здесь письмо и проект нашей конвенции. И еще, Нессельроде как глава правительства передал инструкции, которые надлежит вам изучить вместе с письмом, – добавил он.

Князь Меншиков пригласил Титова присесть и тут же поинтересовался:

– Я могу в вашем присутствии ознакомиться с конвенцией?

– Конечно, Александр Сергеевич. Для того я вам и привез эти документы.

Меньшиков достал из пакета текст конвенции. Она была написана на двух листах на французском языке. И состояла из шести статей.

В первой напоминалось турецким властям о необходимости неукословного соблюдения ими дарованных преимуществ и льгот греко-российской вере, приводились факты притеснения властями Турции христианского населения Молдавии, Валахии и Сербии. В остальных пяти статьях содержались требования признать патриаршескую деятельность митрополитов и епископов Константинопольских, Антиохийских, Александровских и Иерусалимских, и не чинить им препятствий. А так же выражалась просьба назначить в Иерусалиме или в его окрестностях место для строительства православной церкви и странноприимного дома для больных и неимущих паломников.

В конце конвенции князь Меньшиков нашел то, что должно было стать главным в его переговорах: требование о соблюдении исторического права патриаршей Иерусалимской церкви владеть Святыми местами, предоставленными православному духовенству издревле.

Дочитав текст конвенции до конца, князь Меньшиков отложил её в сторону.

– Ну что ж... Мне все ясно. Письмо государя я читать не буду. Однако полагаю, это не всё. Насколько я знаю, мне придется столкнуться с сопротивлением не только со стороны турецкого министра иностранных дел Фуада-Эфенди, но и тех, кто представляет интересы Парижа и Лондона в султанате. Я правильно понимаю это? – уточнил князь Меньшиков.

– Я рад, что вы об этом заговорили сами, – оживился граф Титов. – Давайте обсудим и это. Граф Нессельроде рекомендует вести себя осмотрительно по отношению к позиции Парижа. Я придерживаюсь иного мнения. Людовик Наполеон хотя и признан нашим государем... – Титов замялся и, мгновенно подумав, продолжил, – ну... скажем не совсем...

– И как же я, по вашему мнению, должен в такой ситуации вести себя? – спросил князь Меньшиков.

– Очень просто, Александр Сергеевич, – ответил Титов. – Нет необходимости выражать презрения к Людовику в лице его подданных. Видите себя обходительно, но и не уступайте ни в чем. Если в Константинополе будет французский посланник де Лавалетт, что вполне вероятно, дело тогда осложнится. Этот человек не имеет ни стыда, ни совести, но умен и тверд в своих убеждениях. Если будите с ним общаться, постарайтесь понять, чем руководствуется Людовик Наполеон в этой неприглядной истории.

– И чем же он может руководствоваться, на ваш взгляд?

Этот вопрос действительно интересовал князя Меньшикова.

Титов загадочно улыбнулся.

– О-о-о, дорогой князь! У этого новоиспеченного монарха на уме может быть: первое – стремление взять под свое покровительство французское духовенство и прослать в качестве духовного пастора католической церкви в Европе. Разве это не привлекательно?

– Может быть, – подумав, согласился князь Меньшиков. – Что ещё?

– Он может искать конфликт с Россией для достижения своих далеко идущих целей, побудив при этом к действию против нас Турцию, Англию, Бельгию и другие державы, которые боятся нашего влияния, как в султанате, так и в Европе.

Князь Меньшиков на этот раз с удовлетворением отметил про себя логичность мыслей графа Титова и, пожалуй, впервые отнесся к нему с уважением.

– Если даже одно из двух ваших предположений верно, – сказал он, – ожидать от Людовика Наполеона какой-либо разумной уступчивости нам не придется.

Меньшиков уже почти был уверен, что на переговорах в Константинополе основной узел ему придется развязывать не столько с турками, сколько с французами и англичанами.

– Есть еще одна деталь, – продолжил граф Титов, – о которой я вам должен сказать. Буквально на днях французский посол был у меня и предложил договориться в споре о Святых местах тайно... Он имел ввиду подписать тайный договор между нашим государем и Людови-

ком Наполеоном, – пояснил граф Титов и, заметив недоумение на лице князя Меншикова, добавил. – Представьте себе, Александр Сергеевич, это не бред. Дипломатия — грязное дело....

– Тайно от Турции? – уточнил князь Меншиков.

– Совершенно верно, Александр Сергеевич...

– Ну и что же вы ему ответили, если не секрет?

Сказанное графом Титовым заинтересовало Меншикова не менее, чем предшествующий разговор.

– Я ответил: пока Париж будет отрицать все ранее достигнутые договоренности между великими державами о праве на Святые места, другие договоренности не будут иметь значения. Тем более что в нашей дипломатии всякое тайное через какое-то время становится явным.

Князь Меншиков не смог не согласиться с мнением графа Титова. И все же решил уточнить.

– Государь знает об это?

– Знает. Он одобрил мой ответ. Государь уверен, что Людовик Наполеон задумал очередное коварное дело против России. Хотя... – граф Титов на мгновение задумался. Потом продолжил: – В предложении французов я усматриваю желание избежать прямого столкновения с нами. Этого тоже нельзя отрицать. Посол даже уверял, что в случае нашего согласия будет отозван из Константинополя их посланник граф де Лавалетт и заменен более понимающим интересы России человеком.

– И это тоже вас не убедило? – любопытствовал князь Меншиков. И вдруг подумал: «А что если Людовик Наполеон и в самом деле ищет выход из затянувшегося спора?»

И словно угадывая мысль Меншикова, граф Титов сказал:

– Людовик Наполеон зашел слишком далеко, чтобы отступить. Да и государь ему не верит. Что же касается англичан, то тут есть надежды на взаимное понимание. Секрет весь в том, что Лондон ревниво относится к политике Наполеона и не заинтересован в усилении влияния Франции в султанате. Мои отношения с прежним министром иностранных дел лордом Русселем имели положительные результаты. Нынешний же министр лорд Эбедин мне малоизвестен. Но, тем не менее, надежда на взаимное понимание есть...

– Не означают ли ваши слова, граф, что я могу найти понимание со стороны англичан?

Граф Титов молча достал из папки, которую держал под рукой на столе, несколько листов бумаги, скрепленных печатью министерства иностранных дел и подал их князю Меншикову.

– Это послание отправлено мною десять дней тому назад на имя министра иностранных дел лорда Эбедина, где сделана оценка политики Людовика Наполеона в Азии и описание целей вашего пребывания в Константинополе. По тем сведениям, которые я получил из Лондона, лорд Эбедин уже предпринял некоторые шаги по предупреждению недоброжелательных действий со стороны французского посланника в Константинополе. Это, князь, добрый знак. Не так ли?

И в глазах графа Титова появилась довольная усмешка.

– Я рад это слышать, – ответил князь Меншиков.

– Однако обольщаться особенно не стоит, – тут же заметил Титов. – В Лондоне новый кабинет. Сами понимаете... Относительно прочих европейских держав – вы уже все знаете. Повторяться не буду. Единственное на что вам надо будет обратить внимание – это на позицию Австрии. Несмотря на то, что Австрия является католической страной, ее правительство не разделяет взглядов Людовика Наполеона и видит в них не религиозный спор, а политический замысел. К тому же австрийские власти никогда не разделяли стремления Франции покровительствовать католикам всей Европы.

Эти слова графа Титова еще больше укрепили надежду князя Меншикова в том, что не все так безнадежно. И все же он поинтересовался, чтобы рассеять оставшиеся сомнения:

– Вы уверены в позиции Австрии в том, что она поддерживает нас?

– Уверен, князь, – ответил Титов. – На днях Нессельроде получил депешу от венского кабинета с заверением в том, что Австрия не поддерживает стремлений Людовика Наполеона взять на себя роль католического пастыря Европы. Поэтому, если у вас возникнет необходимость, вы можете смело обращаться к уполномоченному венского Двора в Константинополе. И позвольте, князь, дать вам последний совет. Не упускайте из виду одно, но очень важное обстоятельство: существующее пока разногласие между Лондоном и Парижем по отношению к Святым местам, – граф Титов сделал паузу, словно желал подчеркнуть важность того, что он сейчас скажет, затем продолжил: – И Париж, и Лондон всегда стремились покровительствовать в вопросах веры. Париж – католикам, Лондон – протестантам. Но так как подавляющее большинство населения находящегося под покровительством Турции – исповедуют православие, французы и англичане были вынуждены считаться до недавнего времени с тем, что ключи от Святых мест находились в руках православных священнослужителей. Я не думаю, что наш государь жаждет войны, однако и не стать на защиту прав греко-русской общины, было бы равносильно придать забвению заветы своих предков и чаяния греко-русской православной церкви. И в Париже, и в Лондоне это понимают. Но по-разному. Вот на этом и можно попытаться построить вашу дипломатию, Александр Сергеевич.

Граф Титов закончил говорить и выжидающе посмотрел на князя Меньшикова.

– Благодарю вас, граф, – сказал князь Меньшиков. – Скажу без преувеличения: вы на многие вещи сегодня открыли мне глаза. И я буду надеяться, что все, о чем вы поведали, пойдет на пользу в наших переговорах. Боюсь только одного и буду молиться богу, чтобы у государя нашего хватило терпения и здоровья до конца пройти этот тернистый путь.

Уже прощаясь и подавая руку князю Меньшикову, граф Титов чуть заметно усмехнулся и произнес:

– Я тоже буду просить господ-бога избавить государя от излишних советчиков в этом деле...

– Вроде нашего канцлера? – уточнил князь Меньшиков.

– Вы угадали, Александр Сергеевич. Такие люди вездесущи. И у них постоянная потребность вмешиваться во все. Двор до сих пор не может забыть позора, которому государь был подвергнут в ходе неудачных переговоров выдать замуж великую княгиню Ольгу Николаевну за австрийского принца эрцгерцога Стефана...

– Я это помню, – сказал князь Меньшиков. – Однако причем тут граф Нессельроде? – не без удивления спросил он.

– При том, Александр Сергеевич, что за это дело взялся Нессельроде и успешно довел до неслыханного позора. Однако прощайте. Может случиться, что мы с вами уже не свидимся. День вашего убытия в Константинополь будет назначен государем в ближайшее время. И еще. Государь велел передать вам: в случае успешных переговоров и удовлетворения требований конвенции, вы на словах можете передать султану лично, что Россия возьмет на себя обязательство помогать султанату морскими и сухопутными силами в случае враждебных действий против Османской империи со стороны любого европейского государства. И да хранит вас бог.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Из Одессы в Константинополь князь Меньшиков отплыл 14 февраля на военном пароходе «Громоносец». Его сопровождала свита, подобранная канцлером графом Нессельроде, состоящая из военных и светских сановников. Среди всех представившихся ему уже на пароходе, было только двое, которых князь Меньшиков знал: это вице-адмирал Корнилов и генерал-майор Непокойчицкий. И потому Меньшиков попросил командира парохода выделить каюты Корнилову и Непокойчицкому рядом со своей.

Вечером он пригласил их к себе на ужин. Пока князь Меньшиков и вице-адмирал Корнилов вспоминали о времени, когда Меньшиков был начальником главного штаба военноморского флота России, генерал-майор Непокойчицкий молча слушал. Он оживился лишь когда речь зашла о пребывании Меньшикова в Финляндии, где они и познакомились на одном из светских балов.

О предстоящей миссии в Константинополе заговорили уже в конце ужина.

– ...Завтра в полдень, если погода и дальше будет нам благоприятствовать, – сказал вице-адмирал Корнилов, – мы будем в Константинополе... Хотелось бы знать, как нас там встретят.

– Надо полагать не хлебом с солью, – усмехнулся в ответ генерал Непокойчицкий.

– И, тем не менее, мне это тоже не без интересно, – поддержал вице-адмирала Корнилова князь Меньшиков. – Не ведаю как вы, а я в некоторой степени волнуюсь, – признался он и продолжил: – Порой мне кажется, если бы в свое время государь не удалил со Двора Магницкого и Фотия, и не приблизил к себе масона графа Сперанского, и ещё кое-кого из ныне здравствующих, может быть вся эта история развивалась бы по-другому...

И Корнилов, и Непокойчицкий догадались, кого из ныне здравствующих имел ввиду князь Меньшиков.

– Что теперь об этом говорить, Александр Сергеевич, – со вздохом заметил вице-адмирал Корнилов. – Времена нашего великодержавного романтизма прошли, наступило другое время – жестокого абсолютизма. И как результат: на место терпимости и взаимного уважения в Европе с идеями Меттерниха воцарились подозрения, зависть, стремление покровительствовать не только в своих странах, но и в чужих.

Мысль вице-адмирала Корнилова была верна, хотя и не очень понравилась князю Меньшикову. Однако он промолчал. Зато генерал Непокойчицкий не смог сдержать своих эмоций.

– Извините, Владимир Алексеевич, однако я с вами не могу согласиться. Меттерних мне не интересен! Я хочу сказать о другом. Да, наш государь в отличие от Александра, царство ему небесное, не любитель философии. Да, ему нравятся инженеры. И это при нем мы начали строить мосты, дороги, крепости! Государство на одной философии не продержится! Да, Сперанский был масон, однако он был и первый составитель светских и военных законов, собранных им со времен Петра Великого в одно единое издание, что позволило государю внушить обществу и всей России уверенность в том, что мы живем по законам, и Россия управляется на их основании!

Речь генерала Непокойчицкого была настолько взволнованной, что князь Меньшиков, не желая, чтобы разговор перешел в ссору, поспешил успокоить и генерала Непокойчицкого и адмирала Корнилова. Да и нечаянно оброненные слова о Сперанском тоже могли быть истолкованы по-разному.

– Вы, мои друзья, совершенно правы, как один, так и другой! Приходят новые времена, возникают новые идеи, а значит и носители этих идей. Что касается нашего государя, то он делает все, что в его силах для процветания России. А пока же у нас одна забота – добиться

успеха в переговорах с турками и постараться обеспечить России мир, а православной вере благоденствие.

Вскоре после этого разговора вице-адмирал Корнилов и генерал Непокойчицкий, пожелав князю Меншикову спокойной ночи, ушли по своим каютам.

...Утром в кают-компани за завтраком князь Меншиков стал невольным свидетелем разговора двух чиновников из министерства иностранных дел, которые, как ему доложили, были направлены в русское посольство для оказания помощи послу графу Озерову.

Один из них, тучный в накрахмаленном жабо и с лорнетом, который ему, скорее всего, был без надобности, негромко, но с возмущением, говорил своему собеседнику:

– ...Этот самодовольный карлик, если не мытьем, так катаньем втянет нас в войну с Европой! Граф Титов перед моим отъездом из столицы сообщил по секрету, что это он посоветовал государю, в случае неудачи нашей миссии, ввести русские войска в Дунайские княжества и тем самым вынудить турок пойти на уступки.

Собеседник тучного господина, полная противоположность ему по внешнему виду – он был худой, высокий, одет во фрак по английскому покрою, равнодушно ответил:

– А что же вы хотели? Граф Нессельроде всегда проповедовал легитимизм, который даже в Европе многим не по душе, – и, снизив голос до шепота, продолжил: – Однако государь поддерживал его даже там, где это было не в наших интересах.

Князь Меншиков хотел было вмешаться в разговор, в котором по сути дела вместе с графом Нессельроде осуждался и государь, однако сановники прекратили его сами. И хотя Меншиков не придавал особого значения этому разговору, на душе у него остался неприятный осадок.

...В константинопольском порту князя Меншикова и сопровождающую его свиту приехали встречать все сотрудники русского посольства во главе с поверенным в делах в Константинополе графом Озеровым. Собралась огромная толпа греков, проживающих в городе.

Князь Меншиков сошел по трапу «Громоносца» и сразу оказался в окружении пестрой толпы. Матросы с «Громоносца» с трудом потеснили греков и сопроводили князя Меншикова к коляскам.

Когда длинная вереница колясок тронулась с места, толпа греков последовала за ними. Они что-то выкрикивали, и размахивали руками. Стоящие по обеим сторонам улицы, тоже, по всей видимости, греки, или другие христиане посыпали в след коляски князя Меншикова крестные знамена.

На взволнованных лицах людей князь Меншиков видел искреннюю неподдельную радость. И от того еще не спокойнее становилось на душе. Только теперь он вдруг отчетливо почувствовал, какой груз лег на его плечи.

«...Господи, – мысленно взмолился князь Меншиков, – смилуйся надо мной и этими рабами божьими. Помоги мне в святом деле. Не ради корысти прошу... Ради их будущего, будущего их детей и внуков!...»

Тем временем возбужденная толпа, следующая за колясками, все увеличивалась и скоро заполонила всю узкую улицу, ведущую от гавани до дома русского посольства.

С не меньшим трудом князю Меншикову удалось пройти из коляски к подъезду посольства. Со всех сторон к нему тянулись руки людей. Они, словно надеялись прикосновением к Меншикову, послу русского царя, приобрести надежду на свое святое право быть православными.

Толпа возле посольства не расходилась даже после того, как за князем Меншиковым закрылись массивные двери, окованные железом.

Граф Озеров только после этого с облегчением вздохнул.

– Наконец-то!.. – произнес он усталым голосом. – Я думал мое сердце выскочит из груди от волнения. Надо же... Столько народу собралось! Александр Сергеевич, пока будет приготовлен стол к обеду, позвольте, не теряя времени, обговорить наши дела на завтрашний день.

– Давайте, – согласился князь Меньшиков.

Волнение, которое и он испытал по дороге, улеглось и ему не терпелось знать, чем он займется по прибытию в первую очередь. Ибо, как он полагал, в посольстве заранее должны были позаботиться о его визитах и переговорах с необходимыми лицами турецкого правительства.

– Александр Сергеевич, дипломатический церемониал, установленный в Турции, – продолжил граф Озеров, – предписывает в таких случаях первый визит нанести министру иностранных дел...

– Фуад-Эфенди? – уточнил князь Меньшиков.

– Да, Александр Сергеевич...

– Не могу! – решительно заявил князь Меньшиков. – Не могу! – повторил он почти по слогам. – Фуад-Эфенди не порядочный дипломат и двуличный человек! Как я буду с ним вести переговоры?

От такой реакции князя Меньшикова граф Озеров даже растерялся. Наконец, кое-как справившись со своей растерянностью, произнес:

– Александр Сергеевич, но так положено!..

Князь Меньшиков встал из кресла и заходил по кабинету.

– Нет, нет и нет! – решительно сказал он. – Я послан в Константинополь государем не для пустого времяпрепровождения! Встречаться с Фуад-Эфенди – это значит напрасно тратить время!..

Граф Озеров, который тоже встал из кресла, снова почти отрешенно опустил в него.

– Александр Сергеевич... Ваша светлость... Может возникнуть непонимание в турецких кругах, да и среди других иностранных посланников... И это с первого дня вашего пребывания в Константинополе... – попытался переубедить князя Меньшикова граф Озеров.

– Ни у кого и никакого непонимания не появится, кроме убеждения в моей решительности выполнить волю государя-императора России! – жестко заявил князь Меньшиков.

Граф Озеров сокрушенно развел руки.

– Воля ваша, – сказал он. – С кого тогда начнем?

– С Верховного визиря Махмед-Али, – немного подумав, ответил князь Меньшиков. – Насколько я осведомлен он один из тех, кто сочувствует нам и в состоянии повлиять на султана. Поэтому прошу вас, граф, испросить у Махмеда-Али согласия на мой прием, – Меньшиков немного подумал и добавил: – Только пусть этот прием будет... Ну, скажем, не официальным. Это так... На всякий случай.

На следующий день около 11 часов граф Озеров выехал из посольства. Вернулся довольно скоро и сообщил князю Меньшикову, что Верховный визирь готов принять его завтра сразу после обеденной молитвы.

– Вот и прекрасно! – с тайным облегчением вздохнул князь Меньшиков и вдруг спросил: – А вы знаете, как в народе учат плавать детей? Нет? Их просто бросают в воду, и дитя начинает барахтаться. Проявляется инстинкт самосохранения и, таким образом, урок становится более полезным.

– А если ребенок утонет? – чуть усмехнувшись, поинтересовался граф Озеров. Он прекрасно понял, о чем хотел сказать Меньшиков, однако ему захотелось узнать, что ответит сам князь.

– Не утонет, граф! – ответил тот. – Родители не дадут...

– А если не захотят спасать или не успеют? – решил продолжить словесную игру граф Озеров.

Князь Меньшиков помрачнел.

– Значит на то господня воля...

Остаток дня и половину следующего князь Меньшиков провел наедине с собой. Обед и ужин подавали ему в отведенные для него комнаты. И только перед самым отъездом к нему зашел вице-адмирал Корнилов.

– Александр Сергеевич, сами поедите или с графом Озеровым? – спросил он.

– Сам... Тем более, что эта встреча, по моей просьбе, не будет носить официальный характер.

– Возьмите тогда с собой переводчика из посольства, – посоветовал Корнилов. – Верховный визирь Махмед-Али не знает ни одного европейского языка.

...То, что увидел князь Меньшиков, оказавшись в длинном и высоком коридоре огромного здания правительства, поразило его, как гром среди ясного неба. По обеим сторонам вдоль стен был выстроен почетный караул. Турецкий офицер что-то отрапортовал ему и, сделав шаг в сторону и назад, жестом пригласил пройти дальше. Сопроводил его в зал, где перед князем Меньшиковым предстал Верховный визирь в парадном мундире и при орденах.

Меньшиков даже слегка смутился. Рассчитывая на неофициальную встречу с Махмедом-Али, он надел повседневный фрак и поверх пальто.

Махмед-Али первым поприветствовал князя Меньшикова. Тот, в свою очередь, ответил словами благодарности за столь высокий прием, на который он не мог рассчитывать.

Переводчик добросовестно сделал перевод. Это князь Меньшиков заметил по лицу Верховного визиря, которое из торжественно-холодного превратилось в доброжелательное.

Махмед-Али предложил князю Меньшикову присесть на софу.

Меньшиков снял пальто и, не зная, куда его повесить, положил рядом. Затем, не теряя времени, изложил цель своего прибытия в Константинополь.

Махмед-Али внимательно выслушал князя Меньшикова и сказал, что решение султана принято, по всей видимости, на основании докладов, сделанных непорядочными министрами, и что он, со своей стороны, готов к налаживанию добрососедских отношений с Россией. Однако необходимо привлечь к переговорам министра иностранных дел Фуад-Эфенди, как человека знающего историю этого недоразумения.

– Ваша светлость, я не могу вести переговоры с Фуад-Эфенди в силу недобросовестности и двуличия этого человека! – решительно заявил князь Меньшиков. И сделав знак переводчику, чтобы он не торопился с переводом, продолжил: – Я желаю исполнить волю моего государя, а не тратить время на пустые споры и ненужные доказательства правоты дела, с которым я прибыл в Константинополь!

Когда переводчик сделал перевод, лицо Верховного визиря стало озабоченным.

Немного подумав, Махмед-Али ответил:

– Князь, разделяю ваши чувства, а так же понимаю ваше желание выполнить почетную миссию и потому постараюсь оказывать всестороннюю поддержку. Разумеется, в пределах моей власти, – добавил он и встал, давая понять, что встреча окончена.

Затем Махмед-Али слегка взял князя Меньшикова под локоть и проводил его до двери. Секунду подумал и вышел вместе с ним в коридор, медленно двигаясь к выходу.

Возле одной из множества дверей, выходящих в коридор, Верховный визирь приостановился и указал глазами на чиновника в мундире, стоящего рядом с дверью.

– Господин чрезвычайный посол, – тихо сказал Махмед-Али. – Это и есть министр Фуад-Эфенди. Не желаете с ним познакомиться?

Выслушав переводчика, князь Меньшиков ответил:

– Нет, ваша светлость...

И прошел мимо.

2

На следующий день перед завтраком граф Озеров отыскал князя Меншикова в саду за домом посольства, где тот прогуливался с вице-адмиралом Корниловым.

– Александр Сергеевич, у меня две новости, – начал было Озеров, но князь Меншиков перебил его.

– Как у нас водится: одна хорошая, другая плохая, – усмехнулся он и, извинившись, сказал: – Я слушаю вас.

– Вы угадали, Александр Сергеевич, – продолжил граф Озеров. – Начну с хорошей новости. Султан дал согласие принять вас 24 февраля. Время приема будет уточнено.

– Действительно хорошая новость, – искренне обрадовался князь Меншиков. – Ну а плохая?

Граф Озеров мельком взглянул на вице-адмирала Корнилова.

– Говорите, говорите, – разрешил князь Меншиков. – У меня от вице-адмирала секретов нет.

– Вчера генерал-майор Непокойчицкий тайно встречался с английским поверенным в делах в Константинополе полковником Розем...

– Я это знаю, граф. Встреча была по моей просьбе. Позже я все вам расскажу, – добавил князь Меншиков, заметив недоумение на лице графа Озерова.

...В этот же день в русское посольство пришло еще одно известие: министр иностранных дел Фуад-Эфенди неожиданно подал прошение на имя султана о своей отставке и о назначении вместо него посланника Турции в Вене Рифаат-паши.

23 февраля графу Озерову сообщили, что князь Меншиков будет принят султаном завтра в 10 часов утра в Чераганском дворце.

Так же была достигнута договоренность, что князя Меншикова будет сопровождать поверенный в делах в Константинополе граф Озеров и переводчик.

24 февраля к 10 часам князь Меншиков и граф Озеров приехали во дворец. Это было огромное здание, построенное в восточном стиле, но слишком вычурное, даже по восточным меркам, и от того показалось князю Меншикову каким-то неестественным.

Еще больше князя поразило внутренне убранство, которое могло соперничать лишь с лучшими европейскими музеями.

Наверное, такие же ощущения были и у графа Озерова, потому как он тихо произнес, чтобы не услышал сопровождающий их офицер, одетый в военный мундир, вышитый золотой нитью:

– Ваше светлость, не будем показывать вида, что на нас все это произвело впечатление...

Князь Меншиков только улыбнулся в ответ.

Офицер подвел их к массивной двери и пропустил в зал. В глубине зала возвышался трон на котором сидел султан, а по обеим сторонам вдоль стен стояли чиновники – одни в ярких мундирах, другие в халатах, украшенных драгоценностями.

Князь Меншиков подошел к трону. Граф Озеров и переводчик остались позади него шага на три.

– Ваше величество, – обратился князь Меншиков к султану, слегка поклонившись, – разрешите мне вручить вам кредитивную грамоту, заверенную подписью государем-императором России Николаем, которая свидетельствует о предоставлении мне обязанностей посла его величества с чрезвычайными полномочиями. И вручить вашему величеству письмо от императора России.

При этих словах князь Меншиков передал грамоту и письмо стоящему рядом с ним турецкому чиновнику. Тот взял и подал их султану.

Выждав, когда переводчик довел его слова до султана, князь Меншиков продолжил:

– Ваше величество, государь-император России повелел мне предстать перед вашим величеством и выразить его дружеские чувства к вашей особе, и пожелать благополучия вашему царствованию и в прочности Оттоманской империи.

Князь Меньшиков умолк, давая возможность перевести его слова. Затем снова продолжил:

– ...Мой государь повелел мне так же заняться упрочнением согласия и дружеского соседства обоих государств. Ваше величество может быть уверены, что с моей стороны будет сделано все возможное в достижении этой цели, и что я считаю за счастье данное мне поручение – передать вашему величеству такие чувства моего государя.

Выслушав внимательно переводчика, Султан кивнул головой и улыбнулся. Затем, указав в сторону стоящего рядом с князем Меньшиковым чиновника, сказал на хорошем французском языке:

– Разрешите и мне представить вам нашего нового министра иностранных дел Рифаат-пашу. Надеюсь с ним у вас сложатся хорошие отношения. Если у вас есть желание, вы уже сегодня или в любое другое время можете встретиться с нашим министром иностранных дел и выразить ему свои пожелания.

На этом аудиенция была окончена.

Князь Меньшиков и граф Озеров откланялись и направились к выходу в сопровождении министра иностранных дел Рифаат-паши.

«Ну что ж... Начало положено, – решил про себя князь Меньшиков. – И как будто не плохое...»

По всей видимости, и граф Озеров был доволен приемом.

– Господин посол, – обратился тем временем Рифаат-паша к князю Меньшикову по-французски. – Я готов к встрече с вами в любое время и в любом месте. Но лучше в моем министерстве, – сказал он и пояснил: – Меньше будет упреков со стороны англичан и французов. Давайте завтра. Как говорят русские: «утро вечера мудренее».

И Рифаат-паша улыбнулся, довольный тем неожиданным впечатлением, которое он произвел на русских дипломатов.

Уже по дороге в посольство граф Озеров напомнил князю Меньшикову о его обещании посвятить в причину встречи генерала Непокойчицкого с полковником Розом.

– Все очень просто, – ответил князь Меньшиков. – Граф Титов заверил меня в том, что англичан можно рассматривать ни как противников...

– Но и ни как союзников, Александр Сергеевич, – тут же заметил граф Озеров. – Извините, если я ошибаюсь...

– Нет, нет! – ответил князь Меньшиков. – Вы не ошибаетесь к несчастью. Когда мне доложили, что полковник Роз действует сообща с французским поверенным в Константинополе Бенедетти, я поручил генералу Непокойчицкому, который был заранее знаком с полковником Розом, тайно встретиться с ним и выяснить, насколько у англичан твердая позиция и можно ли на них повлиять.

Граф Озеров неодобрительно качнул головой.

– Александр Сергеевич, и полковник Роз, и Бенедетти пешки в этой игре. Главные фигуры находятся в Лондоне и Париже.

Князь Меньшиков с сожалением усмехнулся. Он и сам об этом думал и ни раз. И все же не удержался от вопроса:

– Граф, ваши рассуждения можно отнести и к нам? Но я не чувствую себя пешкой, как вы изволили выразиться.

– Извините, Александр Сергеевич. Свои слова я не отношу к нам. В отличие от них мы с вами призваны служить православной вере, а не корыстными целям. Чужого нам не надо.

Пусть не трогают наше – вот и вся моя философия. На первый взгляд она может показаться кому-либо примитивной, но для меня она важна и ее я исповедую.

Ответ графа Озерова был настолько тверд и искренен, что князь Меншиков не счел нужным продолжать далее разговор на эту тему.

...Встреча князя Меншикова и графа Озерова с министром Рифаат-паши началась с представления им сотрудников турецкого министерства иностранных дел.

Церемония заняла около получаса. Затем Рифаат-паша пригласил князя Меншикова и графа Озерова в свой кабинет. Это была роскошно обставленная комната со старинной мебелью черного цвета. На стенах висели картины в массивных золоченых рамах, на которых были изображены баталии разных лет. А на стене за рабочим столом красовался портрет ныне здравствующего султана.

Рифаат-паша пригласил гостей присесть на софу, обитую темно-красным сукном. Сам занял место за рабочим столом.

– Господин министр, – начал сразу князь Меншиков, – мы бы хотели обсудить с вами содержание письма нашего государя его величеству султану. Государь-император России Николай обличил меня и поверенного в делах в Константинополе графа Озерова доверием вести переговоры и выражать мнение государя по вопросам касающихся Святых мест в Палестине. Наш государь полон чувства удивления и прискорбия по поводу решения его величества падишаха Оттоманской империи отнять ключи от Вифлеемского собора у православной общины и передать их католикам.

Рифаат-паша слегка кивнул головой. Но было не ясно: согласен он со словами князя Меншикова или с решением падишаха.

– Все это очень прискорбно. Надо полагать, наш падишах попал под чье-то влияние...

– Господин министр, – мягко прервал Рифаат-пашу граф Озеров, – я нахожусь в Константинополе уже длительное время и мне, и вам доподлинно известно под чьим влиянием падишах принял это прискорбное решение. Наша цель – убедить его в несправедливости такого решения, которое может повлечь за собой ухудшения наших добрососедских отношений.

Рифаат-паша заметно помрачнел. Последние слова графа Озерова, по всей видимости, ставили его в трудное положение.

– Мы этого тоже не хотим, – ответил он. – Но как теперь это сделать? На султана очень сильное давление оказывает Людовик Наполеон. Он грозит занять Сирию и другие наши земноморские владения, – Рифаат-паша сделал паузу и продолжил с прискорбными оттенками в голосе: – В нынешнем положении, когда наша страна еще не оправилась после разгрома янычар и имеет слабую регулярную армию, и слабый военный флот, падишах вынужден идти на уступки...

Речь Рифаат-паши пришлось не по душе князю Меншикову. По сути дела министр иностранных дел не искал выхода из сложившейся ситуации, а объяснил причину принятого султаном решения.

Наверное, это же почувствовал и граф Озеров. С трудом сдерживая свои эмоции, он заявил:

– Господин министр, но нельзя же уступать каждый раз в ущерб нашим договоренностям. У нас с вами долгосрочные соглашения и Россия всегда готова была защитить интересы Турции!

Рифаат-паша снова кивнул головой.

– Вы, господа, не все знаете, – сказал он тем же прискорбным голосом. – Буквально вчера поверенный в делах Англии в Константинополе полковник Роз в ультимативной форме потребовал от меня предоставить решение спора о Святых местах правительствам Англии, Франции и России. Вы согласны на такие переговоры?

Эта новость озадачила князя Меньшикова настолько, что он тут же предложил прервать встречу для выяснения новых обстоятельств и снова встретиться через несколько дней.

3

О том, что неожиданная для всех отставка Фуад-Эфенди вызвала бурное негодование поверенного в делах Англии в Константинополе полковника Роза, князь Меньшиков узнал, когда полковник Роз приехал в русское посольство и потребовал встречи с чрезвычайным послом России.

Князь Меньшиков с вице-адмиралом Корниловым в это время находился в кабинете графа Озерова.

Секретарь посольства, доложивший о прибытии полковника Роза и его возбужденном состоянии, выжидающе посмотрел сначала на князя Меньшикова, затем на графа Озерова.

– Приглашайте, приглашайте, – сказал князь Меньшиков. – И пожалуйста, найдите генерала Непокойчицкого. Пусть они войдут вместе. А пока вы будете искать генерала, полковник Роз подождет.

Когда секретарь посольства вышел, граф Озеров вопрошающе посмотрел на князя Меньшикова.

– Александр Сергеевич, вы что-то задумали?

– Ровным счетом ничего особенного, – ответил тот. – Во-первых, полковник Роз должен почувствовать, что он прибыл в русское посольство, а не в посольство какой-нибудь полукониальной страны, во-вторых, присутствие генерала Непокойчицкого нам не помешает.

Не прошло и пяти минут, как снова вошел секретарь и доложил, что генерал Непокойчицкий находится в приемной.

– Прекрасно. Проводите их сюда, – распорядился князь Меньшиков.

И князь Меньшиков, и граф Озеров, и вице-адмирал Корнилов обратили внимание: когда открылась дверь, первым вошел генерал Непокойчицкий. Полковник Роз, несмотря на свой статус, который был выше статуса русского генерала, предусмотрительно пропустил его впереди себя.

«Значит, уважают еще нас», – отметил про себя князь Меньшиков.

Полковник Роз тем временем представился. Князь Меньшиков пригласил вошедших присесть в кресла.

– Я полагаю, господин полковник, представлять вам генерала Непокойчицкого не надо, – сказал князь Меньшиков. – С ним вы уже знакомы, как и с поверенным в делах России в Константинополе графом Озеровым.

Князь Меньшиков преднамеренно заговорил по-русски, зная от генерала Непокойчицкого, что полковник Роз сносно, но владеет русским языком. Вице-адмирала Корнилова князь Меньшиков представлять не стал.

Полковник Роз кивнул головой, давая понять, что согласен с князем Меньшиковым.

– ...Мы готовы вас выслушать, господин полковник, – продолжил князь Меньшиков.

Полковник Роз поправил воротник мундира. Жест этот был скорее машинальным, чем необходимым.

– Ваша светлость, я благодарен вам за доброжелательный прием и хочу надеяться на взаимное понимание в нашем деле... – начал он.

– Мы тоже надеемся, – ответил князь Меньшиков. – Поэтому давайте сразу и приступим к делу.

По всей видимости, полковнику Розу не понравилось, что ему не дали дальше говорить о важности дела, однако он сделал вид достойного собеседника, не обращающего внимания на мелкие неприятности.

– Ваша светлость, мой приезд в ваше посольство связан с желанием английской миссии найти достойный для всех сторон выход из возникшего спора вокруг Святых мест, – полковник

Роз на мгновение умолк и внимательно посмотрел на князя Меньшикова. Затем продолжил: – Мы считаем, что было бы лучше, если бы намерения российского правительства и его величества русского монарха императора Николая по делам Палестины нашли предварительное согласование с английским правительством. На этом настаивает и лорд Редклиф, возглавляющий ныне министерство иностранных дел правительства ее величества. Что касается самого лорда Редклифа, он скоро прибудет в Константинополь для участия в разрешении этого конфликта. И было бы правильно отложить все переговоры до прибытия лорда Редклифа...

Граф Озеров искоса взглянул на князя Меньшикова. Тот был не проницаем. Терпеливо выждав, когда Роз закончил говорить, Меньшиков обратился к нему:

– Господин полковник, не кажется ли вам, что все вами сказанное, мы вправе расценивать как вмешательство в переговоры России с Турцией? – и, не дожидаясь ответа, повернулся к Озерову. – А вы как думаете?

Граф Озеров с неподдельным недоумением развел руки.

– Ваша светлость, более того – такой подход к переговорам, во-первых, устраняет Турцию из переговорного процесса, что не послужит быстрому решению этого спора, а во-вторых, о чем мы будем говорить с лордом Редклифом, если по историческим обстоятельствам Лондону не принадлежит предмет спора? И наконец, в-третьих, почему мы должны вести переговоры с властями Турции только в присутствии лорда Редклифа?

Князь Меньшиков перевел взгляд на генерала Непокойчицкого.

– Ваше мнение?

– Я полагаю, Александр Сергеевич, чем быстрее мы проведем переговоры с турецким правительством, тем будет выгоднее всем заинтересованным сторонам, – ответил тот.

– А ваше мнение? – спросил князь Меньшиков у вице-адмирала Корнилова.

– Я согласен с мнением генерала Непокойчицкого, – ответил тот.

И только после этого князь Меньшиков снова обратился к полковнику Розу:

– Господин полковник, как видите, вы получили коллективный ответ.

По лицу полковника Роза скользнула ироническая усмешка.

– Это не меняет дела, ваша светлость. Вы имеете инструкции от канцлера графа Нессельроде вести переговоры с нашим участием. Более того, у нас есть письмо вашего министра иностранных дел графа Титова, в котором он подробно изложил цель вашего пребывания в Константинополе и возможное участие в ваших переговорах представителей английской стороны. Разве это не так?

Князь Меньшиков ничуть не удивился осведомленности полковника Роза. Но его раздражал тон, которым тот говорил и требование решать дипломатические проблемы, касающиеся России, только с участием английского министра.

Между тем полковник Роз всем своим видом показывал, что он ждет ответа на свой вопрос.

– По поводу полученных мной инструкций, господин полковник, вы знаете ровным счетом столько, сколько вашему правительству было сообщено, – начал говорить князь Меньшиков. – Однако это не значит, что я буду вести переговоры, порученные мне государем-императором Николаем, советуясь с теми, кто не заинтересован в положительном решении для России настоящего спора. Ибо для нас речь идет о целостности и сохранности православной веры, основы нашего жития сегодня, завтра и в будущем.

Князь Меньшиков встал, давая понять, что разговор на этом окончен.

Полковник Роз был ошеломлен таким исходом встречи. По всей видимости, он не ожидал столь резкого ответа от русского чрезвычайного посла. Полковник Роз слегка поклонился и молча вышел из кабинета графа Озерова.

– Ну что, господа? Надо полагать, полковник Роз немедленно доложит в Лондон о нашей встрече. Интересно, какой шаг они теперь предпримут? – довольно потирая руки, произнес князь Меншиков. Он был явно доволен.

– Первое, что они сделают, и я в этом уверен, – сказал вице-адмирал Корнилов, – сообщат нашему послу в Лондоне о состоявшейся встрече и обвинят нас в нежелании вести с ними переговоры. Но это не столь важно. Вот как отнесутся к этому в Петербурге?

Слова вице-адмирала Корнилова заставили князя Меншикова задуматься.

– Вы и в самом деле полагаете, что в Петербурге им поверят? – спросил он.

– Смотря кто, – уклончиво ответил вице-адмирал Корнилов. – Государь может и не поверит... А вот канцлер граф Нессельроде...

– Да бог с ним! – махнул рукой князь Меншиков. – Еще ничего не произошло. Как нам сказал Рифаат-паша? Утро вечера мудренее...

Князь Меншиков даже не мог себе предположить, какое раздражение вызовет в посольстве Франции в Константинополе итог встречи с полковником Розом, который сразу же доложил обо всем поверенному в делах Франции в Константинополе графу Бенедетти.

Буквально на следующий день граф Бенедетти приехал на прием к князю Меншикову.

– ...Князь, – переступив порог кабинета Меншикова, заговорил Бенедетти, – я разочарован поведением полковника Роза, но не понимаю и вас! Год тому назад ваше правительство отказалось вести переговоры с нами для заключения достойного соглашения, теперь вы повторяете ошибку своего правительства!..

– Граф, давайте не будем горячиться с выводами, – прервал Бенедетти князь Меншиков. – Палестина находится под покровительством султаната, а не Франции и Англии. Почему мы должны вести переговоры и заключать соглашение, касающееся Святых мест в Палестине, с Францией и Англией, а не с Турцией?

Незатейливый вопрос князя Меншикова застал графа Бенедетти врасплох. Это было заметно по его лицу. Наконец, кое-как справившись с собой, Бенедетти, не умеряя вспыльчивости, ответил:

– По всей видимости, потому, князь, что главенство в Святых местах отныне принадлежит Франции! Но если вы сумеете добиться пересмотра решения падишаха, в чем я сомневаюсь, Франция, как вы догадываетесь, будет вынуждена принять жестокие ответные меры!..

– По отношению к кому? – прямо спросил князь Меншиков. – По отношению к России или Турции? Можете не отвечать. Только я вынужден вас заверить: мне не поручено вести переговоры с вами по палестинскому вопросу.

Граф Бенедетти усмехнулся так, словно он проник в тайну, упрятанную в глубине души своего собеседника.

– Князь, вам никогда не удастся убедить турецкое правительство в вашем расположении к нему. У России с Турцией слишком много пересекающихся интересов на востоке. К тому же Турция всегда опасалась и будет опасаться усиления вашего влияния и в европейской, и в азиатской частях своей империи. Я уже не говорю о Сербии...

Князь Меншиков сделал нетерпеливое движение рукой, чтобы остановить графа Бенедетти.

– Опасаться – это не значит не пытаться мирным путем решать возникающие споры. Если конечно не найдется третья сторона, заинтересованная в возбуждении страхов и споров.

Граф Бенедетти снова усмехнулся.

– Извините, князь, и не сочтите сказанное мной за оскорбление, но вам лучше быть пророком, а не дипломатом, – сказал он с нескрываемым сарказмом.

– Каждый из нас, граф, пророк в своем отечестве, – ответил князь Меншиков и добавил: – Кто в большей степени, кто в меньшей...

Бенедетти встал.

– Ну что ж, князь... Прощайте, – сказал он и направился к двери, однако вдруг остановился и, обернувшись, все с той же усмешкой, но уже по-русски, произнес: – Как там у вас говорят... Цыплят, по осени считают.

4

...10 марта князь Меньшиков обратился с письмом к Рифаат-паше с предложением продолжить переговоры. Рифаат-паша ответил согласием и попросил провести встречу у него дома, ссылаясь на легкое недомогание и рекомендацию врача не появляться на улице.

На встречу с Рифаат-пашой вместе с князем Меньшиковым поехали граф Озеров и патриарший секретарь Аристарх, который был приглашен из Иерусалима в посольство для консультаций.

Дом Рифаат-паши находился на другом конце города и, чтобы не опоздать к назначенному времени, выехали из посольства за полчаса до встречи.

У подъезда дома Рифаат-паши их встретил слуга, низко поклонился и предложил пройти в дом похожий на дворец с ярким и богатым убранством. Провел до кабинета Рифаат-паши и, снова поклонившись, открыл перед ними дверь.

Завидев князя Меньшикова, сопровождающих его графа Озерова и патриаршего секретаря Аристарха, Рифаат-паша пошел им навстречу. Поприветствовал на французском языке. Руки не подал, однако раскланялся с каждым. Затем пригласил пройти и присесть на стоящие рядом две софы.

Кабинет оказался не большой, но уютный с окнами, выходящими на восток. На стенах ни портретов, ни картин. На это князь Меньшиков сразу обратил внимание. Но зато все стены были обиты драпом темно-красного цвета и придавали кабинету торжественность и благостный покой. Рифаат-паша в кабинете оказался не один.

Перехватив взгляд князя Меньшикова на стоящего у рабочего стола богато одетого чиновника, Рифаат-паша представил его:

– Господа, Нуредин-бек, мой переводчик.

Князь Меньшиков хотел было сказать, что они могут общаться и без переводчика на французском языке, но передумал. По всей видимости, даже такие частные переговоры требовали некоторых условностей.

Меньшиков в свою очередь представил Рифаат-паше патриаршего секретаря Аристарха.

– Я очень рад, что вы решили возобновить переговоры, – обращаясь к князю Меньшикову, сказал Рифаат-паша. – За последние дни мне пришлось выслушать столько противоположных мнений как со стороны членов Совета Порты, так и со стороны поверенных в делах в Константинополе уже известных вам полковника Роза и графа Бенедетти, что я подумал, не подать ли мне прошение об отставке.

Рифаат-паша сложил вместе ладони и произнес по-турецки слова какой-то молитвы, склонив низко голову.

Мысль Рифаат-паши об отставке удивила и насторожила и князя Меньшикова, и графа Озерова.

– Господин министр, – обратился к нему князь Меньшиков, – ваши слова об отставке не будут угодны Аллаху только потому, что сказаны не в лучший момент для султаната.

– Я это знаю, – ответил Рифаат-паша. – Да простит меня Аллах... Я слушаю вас.

Весь этот короткий диалог состоялся на французском языке. После чего Рифаат-паша дал знак Нуредин-беку быть готовым к переводу.

Этот знак не ускользнул от внимания и князя Меньшикова.

– Господин министр, – перешел на русский язык Меньшиков, – после консультаций с иерусалимским патриаршеством, мы нашли возможным пойти в своих требованиях на некоторые уступки, которые будут заключаться в следующем: во-первых, отданные католикам ключи от Вифлеемского собора не должны давать им права владеть безраздельно престолом

храма. Мы готовы согласиться на установленный порядок богослужения каждой общины, который предусматривал бы дни и время для этого, – выждав, когда Нуредин-бек сделал перевод, князь Меньшиков продолжил: – Во-вторых, вновь поставленная звезда в вертепе храма должна быть объявлена, как дарованная его величеством падишахом. В-третьих, главенство в богослужении должно оставаться за греками и богослужение должно проводиться, как того требует иерусалимский патриарх: с рассвета до полудня греками и армянами, а затем – католиками. Это основные наши условия, – подчеркнул князь Меньшиков.

Он обернулся к патриаршему секретарю Аристарху и спросил:

– Я все изложил?

– Нет, ваше сиятельство, – неожиданно ответил тот. – Патриарх иерусалимский просил не оставить без внимания вопрос о владении Вифлеемскими садами. На сегодняшний день преимущество отдано латинской церкви. Мы же хотим владение без чьего-либо преимущества.

Нуредин-бек тут же сделал перевод. После этого князь Меньшиков обратился к Рифаат-паши:

– Как видите, господин министр, наши требования справедливы и не ущемляют интересы Турции. Более того, они направлены на установление добрососедских отношений между нашими державами.

Рифаат-паша внимательно выслушал перевод Нуредин-бека и неожиданно ответил по-французски:

– Я согласен с вами, князь, только хочу сразу предупредить: все ваши пожелания я буду вынужден вынести на рассмотрение Совета Порты и уже потом на утверждение падишаха. Скажу прямо – меня не пугают ваши требования. В них я не вижу угрозы интересам Турции. Однако у меня есть основания думать, что у нас с вами будет много препятствий на пути достижения благородной цели.

До этой минуты все время молчавший граф Озеров не сдержался:

– Ваша высокочтимость, – обратился он к Рифаат-паши, – вы имеете в виду противодействие со стороны французов и англичан?

Рифаат-паша улыбнулся одними краешками губ. Видимо его приятно удивило такое обращение со стороны русского дипломата.

– Не только, – ответил он. – Совет Порты состоит из главных улемов и очень влиятельных чиновников, многие из которых не питают дружеских чувств к русским...

– Этим и воспользовались французы? – прямо спросил князь Меньшиков.

Рифаат-паша слегка пожал плечами.

– У них много средств для давления на наше правительство, – ответил он. – Если бы их еще не поддерживали англичане... А как вы знаете, в нашей армии состоит на службе много английских офицеров.

Князь Меньшиков и граф Озеров переглянулись. Они поняли: узел противоречий затягивался еще сильнее.

– Князь, разрешите дать вам один совет, – продолжил тем временем Рифаат-паша.

– Я с благодарностью приму любой ваш совет, если он будет способствовать благополучному разрешению нашего дела, – ответил князь Меньшиков.

Рифаат-паша сделал знак, чтобы Нуредин-бек покинул кабинет. Когда за ним закрылась дверь, продолжил:

– Насколько мне известно, в Константинополе проживают ваши старые знакомые Хозрев-паша и Шеик-Уль-Ислам. Оба они являются членами Совета и пользуются доверием падишаха.

Князь Меньшиков был поражен осведомленностью Рифаат-паши и, не сдержавшись, спросил:

– Откуда вам это известно, высокочтимый Рифаат-паша?

Хитрая улыбка скользнула по лицу министра иностранных дел.

– Служба у меня такая, князь... Я полагаю, вы все мне сказали? – в свою очередь задал вопрос Рифаат-паша. – Тогда до следующей встречи. Я буду надеяться, что ее мы не будем долго ждать.

Он дружески попрощался. Князю Меншикову и графу Озерову подал руку. Патриаршему секретарю Аристарху только слегка поклонился.

Уже по дороге в посольство граф Озеров любопытствовал у князя Меншикова:

– Александр Сергеевич, если не секрет, кто эти ваши важные знакомые Хозрев-паша и Шеик-Уль-Ислам?

– Не секрет, граф. Извольте. С ними я познакомился в августе 1828 года, когда наша армия под командованием Дибича осадила и взяла их крепость Андриополь. Тогда же между Россией и Турцией был подписан мирный договор на выгодных для нас условиях. Хозрев-паша и Шеик-Уль-Ислам стояли во главе этих переговоров и во многом способствовали быстрому их продвижению. Вот и все.

– Александр Сергеевич, а тогда до Константинополя было рукой подать, – заметил граф Озеров. – Неужто убоились чего?

– Нет, дорогой граф. Не убоились. Брать Константинополь было уже нечем. По этому договору мы и так получили большие преимущества по Нижнему Дунаю и на Кавказе. И что очень важно – добились независимости греков, наших единоверцев.

Граф Озеров как-то странно улыбнулся. Немного помолчал и только после этого продолжил. – Жаль, Александр Сергеевич, что этой победой в большей степени воспользовались другие.

– С нами такое случается, – согласился князь Меншиков. – Видимо на то была воля всевышнего, раздать лавры так, как он этого возжелал...

5

Сведения, которые были получены графом Озеровым о скором прибытии в Константинополь в качестве резидентов Лондона и Парижа лорда Стефорда Редклифа и графа де Лакура, заставили князя Меншикова немедленно отыскать в городе Хозрев-пашу и Шеик-Уль-Ислама, и обратиться к ним с просьбой, оказать содействие в его миссии.

Шеик-Уль-Ислам отказался сразу, ссылаясь на неосведомленность в этих делах. Хозрев-паша наоборот живо откликнулся на просьбу князя Меншикова и пообещал помочь. Однако попросил дать ему время.

18 марта Хозрев-паша передал своим курьером князю Меншикову письмо. В нем он назначал встречу на 19 марта у себя дома и просил прибыть одного.

Получив письмо, князь Меншиков ознакомил с его содержанием графа Озерова, генерала Непокойчицкого и вице-адмирала Корнилова.

– Что скажите? – спросил он.

Граф Озеров неопределенно пожал плечами и произнес:

– Если эта домашняя дипломатия будет нам на пользу, почему бы и не поехать на встречу. С его мнением согласились и Непокойчицкий, и Корнилов.

В назначенное время князь Меншиков подъехал к дому Хозрев-паши на коляске, нанятой в городе одним из сотрудников посольства, чтобы меньше привлекать внимания к своему визиту.

Однако выходя из коляски, он заметил недалеко от подъезда человека, внешне не похожего на турка.

Как только открылась дверь парадного подъезда, человек тут же исчез за углом дома.

«Следят, – отметил про себя князь Меншиков. – Интересно знать кто? Англичане или французы?..»

Встретил князя Меншикова сам хозяин. Учтиво поприветствовал на хорошем английском и проводил в большую, но уютную комнату, которая вероятно служила гостиной. Кресел

здесь не было. Вдоль стен стояли софы, а на стенах висели персидские ковры, украшенные кривыми саблями, рукояти которых были искусно отделаны драгоценными камнями и золотом.

– Приходите, князь, – предложил Хозрев-паша. – Присаживайтесь. Что вам подать: кальян, чай? Вы для меня дорогой гость, хотя бы потому, что с того печального года мы с вами ни разу не виделись.

Князь Меньшиков поблагодарил хозяина за радушный прием, однако отказался от угощения, отметив для себя, насколько сильно за эти годы изменился Хозрев-паша. Перед ним был глубоко пожилой человек с морщинами на лице и потускневшими, но по-прежнему умными и проницательными глазами.

«Наверное, я бы не узнал его, будучи в другом месте», – невольно подумал князь Меньшиков.

Эта мысль настолько заняла князя Меньшикова, что он не удержался и спросил, предварительно извинившись:

– Скажите, уважаемый Хозрев-паша, так ли и я извинился за эти годы? Могли бы вы узнать меня на улице?

Хозрев-паша улыбнулся и погладил бороду. Некоторое время чуть насмешливо смотрел на князя Меньшикова. И только после этого ответил:

– Аллаху было угодно, светлейший князь, запомнить вас. Ибо дело выпавшее в то время на нашу долю обязывало нас помнить обо всем случившемся и обо всех, кто хотя бы как-то причастен к нему.

Ответ Хозрев-паши показался Меньшикову достойным, и он был благодарен ему.

Рисковал ли Хозрев-паша своим высоким положением в Совете, согласившись оказывать помощь, князь Меньшиков не знал. Он мог только догадываться: в случае провала его миссии, Хозрев-паши могли припомнить эту встречу.

В том, что она не останется тайной, он уже не сомневался.

– ... Вот что я вам хотел сообщить, светлейший князь, – продолжил Хозрев-паша, поудобнее усаживаясь на софе. – Трудностей будет много. Требование вашего государя, изложенное в обращении к падишаху по поводу обновления главного купола Вифлеемского собора, министры правительства не одобряют. Они настаивают, чтобы на куполе не было нарисовано никаких образов и не было никаких надписей, свидетельствующих о принадлежности купола кому-либо. По поводу ключей мнение среди министров разное. Многие сочувственно относятся к возвращению ключей издревле владеющей ими греко-православной общине. Теперь все будет зависеть от падишаха. Я полагаю скорый приезд в Константинополь известных нам с вами лорда Редклифа и графа де Лакура связан именно с намерением падишаха изменить свое решение и обратиться в вашему государю-императору Николаю с письменным извинением, – Хозрев-паша умолк и внимательно посмотрел на князя Меньшикова, словно желал убедиться, какое впечатление произвело на него это сообщение. Затем продолжил: – Что касается выделения места на земле Иерусалима для строительства русского дома, где могли бы находиться странствующие православные. Падишах к этой просьбе относится с пониманием и возможно в скором времени Совет примет решение в вашу пользу. Ну вот и все, что я могу вам пока сказать.

Князь Меньшиков поблагодарил Хозрев-пашу за добрые слова и уже прощаясь, сказал:

– Уважаемый, Хозрев-паша, я искренне рад нашей встречи и надеюсь, что между нами, как и между Россией и Турцией, всегда будет взаимное понимание, доверие и уважение интересов как светских, так и духовных.

– Я тоже рад, что хоть чем-то помог вам, – ответил Хозрев-паша. Он проводил князя Меньшикова до двери. И неожиданно для него произнес:

– Да благослови вас Аллах, светлейший князь...

Меньшиков был тронут словами Хозрев-паши. Он понимал, какой смысл был в них вложен. Усаживаясь в коляску Меньшиков снова увидел человека, стоящего недалеко от дома Хозрев-паши. На этот раз неизвестный не скрылся, а внимательно пронаблюдал за отъездом коляски.

...В этот же день князь Меньшиков подготовил к отправке в Петербург секретную депешу на имя канцлера графа Нессельроде, в которой подробно изложил содержание проведенных им встреч и переговоров, а так же сообщил о скором прибытии в Константинополь лорда Стефорта Редклифа и графа де Лакура. В депеше князь Меньшиков высказал свое предложение о возможном отказе ему в требованиях в полном их объеме из-за сильного вмешательства со стороны Франции и Англии.

В конце депеши князь Меньшиков спрашивал: «...Должен ли я доводить настояния до прекращения в дипломатических сношениях с Портою? Можно ли довольствоваться достигнутым в виде ноты, либо другого документа, вместо формального трактата? В случае разрыва, согласно ли будет с видами императорского кабинета, объявить Порте, что всякое нарушение льгот Восточной церкви, противное смыслу Кайнарджиского трактата, заставит Россию требовать от Порты удовлетворения средствами, кои будут прискорбны императору, как по дружбе его к султану, так и по всегдашнему сочувствию к Оттоманской порте?»

После этого князь Меньшиков пригласил к себе графа Озерова, вице-адмирала Корнилова и генерал-майора Непокойчицкого, и ознакомил их с содержанием депеши.

– Правильно ли я делаю, отправляя такое письмо? – спросил он.

Граф Озеров, не задумываясь, ответил:

– Правильно, Александр Сергеевич. Береженого – бог бережет...

Вице-адмирал Корнилов поддержал мнение графа Озерова, однако сказал:

– Александр Сергеевич, а не рановато ли вы посылаете такую депешу? Переговоры только начинаются...

– Однако они не могут длиться бесконечно, Владимир Алексеевич, – ответил ему князь Меньшиков. – По всему видно, что турецкие власти будут затягивать переговоры, выторговывая себе льготы у Наполеона, одновременно не осложняя отношений с Россией. – И, обращаясь к генералу Непокойчицкому, спросил: – А вы как думаете?

– Я даже не знаю, что и сказать, – ответил тот. – Однако уверен: без поддержки наших требований силою, нам навряд ли удастся чего-либо добиться...

Князь Меньшиков побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Вы имеете ввиду занятие Дунайских княжеств? – уточнил он.

Совершенно верно, Александр Сергеевич...

– А если это спровоцирует войну?

– Без поддержки Франции и Англии турки не решаться на войну с нами, – высказал свое мнение вице-адмирал Корнилов. – А чтобы этого не произошло надо активно влиять на Лондон и Париж, но не из Константинополя, а из Петербурга. Что касается депеши – она не повредит делу.

Депешу князь Меньшиков отправил на следующий день, но еще долго сомневался в правильности выбранного им решения. Он опасался в душе за то, что канцлер Нессельроде получив депешу, истолкует её по-своему и постарается убедить государя в провале его миссии, как чрезвычайного посла. В конце концов успокоившись, князь Меньшиков решил: «Чему быть – того не миновать... Все в руках господ-бога...» Себя он ни в чём не винил. Он был уверен: его миссия ещё не окончена...

6

О дне прибытия в Константинополь лорда Редклифа и графа де Лакура в русском посольстве стало известно от Рифаат-Паши. Одновременно он сообщил, что все спорные статьи по делу о Святых местах переданы на ознакомление графу де Лакуру.

Князь Меньшиков пришел в ярость.

– Черт побрал бы этих турок! – выругался он. – Турки преднамеренно пытаются втянуть нас в конфликт с Францией!..

– Чтобы самим остаться в стороне, – добавил граф Озеров. – Это излюбленная тактика всех азиатов, Александр Сергеевич. Что будем делать?

– Наступить! – ответил раздраженно князь Меньшиков.

Граф Озеров с удивлением посмотрел на него.

– Александр Сергеевич, вы не оговорились?

– Нет! Не оговорился! Я немедленно еду во французское посольство!

– Александр Сергеевич, помилуйте! Нельзя этого делать! Надо же поставить их в известность о вашем визите... Этого требует дипломатический этикет...

– К черту этот дипломатический этикет!.. Противника надо застать врасплох!.. Что я и сделаю, дорогой граф.

– Вы поедите сами? – поинтересовался Озеров.

– Сам. Так мне будет проще, – ответил князь Меньшиков.

Он уже все для себя решил и взвесил. Уступать инициативу графу де Лакуру Меньшиков не собирался.

...Неожиданное появление русского чрезвычайного посла князя Меньшикова во французском посольстве вызвало настоящий переполох.

Сначала секретарь посольства пытался выяснить причину приезда князя Меньшикова, затем ему предложили встретиться сначала с поверенным в делах Франции в Константинополе графом Бенедетти.

– ...Господа, вы меня не понимаете или не хотите понять, – довольно спокойно сказал князь Меньшиков, хотя в душе он был готов взорваться от негодования. – Я прошу аудиенции у графа де Лакура. Если он не готов или не желает меня видеть, я уеду...

Столь решительное настроение русского чрезвычайного посла еще больше усилило нервозность в приемной посольства, где происходил разговор.

В это время дверь кабинета посла отворилась и из него вышел среднего роста господин, довольно упитанный и одетый, что называется, с иголки. На нем все было идеально: парик, костюм, даже белый бант и ордена смотрелись так, словно только что приобрели свое место на груди хозяина.

По всей видимости «толстяк», как сразу окрестил его Меньшиков, уже знал, кто перед ним. Он метнул в сторону секретаря гневный взгляд, затем улыбнулся князю Меньшикову и представился:

– Граф де Лакур. Чем могу быть полезен его светлости князю Меньшикову? – спросил он и жестом руки предложил пройти в кабинет. – Пожалуйста... Извините за невоспитанность сотрудников посольства, однако им можно сделать снисхождение. Они заранее не знали о вашем визите. К тому же и граф Бенедети, к сожалению, отсутствует. Он находится на приеме у его величества падишаха по неотложному делу, – сообщил де Лакур, словно, между прочим. – Присаживайтесь, князь. Я могу угостить вас прекрасным коньяком...

– Спасибо, граф, – ответил князь Меньшиков. Он успел заметить в глазах графа де Лакура любопытство, которое, так распирало француза. – Коньяк мы с вами выпьем обязательно, но в другой раз и в честь достижения нашей победы.

Граф де Лакур удивленно приподнял белесые брови.

– Князь, вы собираетесь с кем-то воевать? – спросил он с чуть заметной иронией в голосе.

– Нет, что вы! – в тон ему ответил князь Меньшиков. – Я имел ввиду победу на дипломатическом поприще. Итак, разрешите перейти к цели моего визита. Мы бы не хотели, чтобы в спор России и Турции по поводу Святых мест вмешивалась третья страна. Ибо любое вмешательство только усложнит дело...

– Вы слишком категоричны, – прервал князя Меншикова граф де Лакур. – Никто не собирается вмешиваться в ваши дела. Но вы не должны забывать, что Турции покровительствуют и другие европейские страны, и у них могут быть общие интересы, как впрочем, и у России с Турцией. Не буду скрывать от вас, я осведомлен турецкими властями о ваших требованиях к Порте. Поэтому я здесь, чтобы уладить спорные вопросы, не доводя их до открытого конфликта...

Пока граф де Лакур говорил, князь Меншиков, внимательно слушая его, сделал для себя вывод: де Лакур прав в том, что необходимо сначала попытаться найти компромиссные решения. И, по всей видимости, как не прискорбно, но ему придется иметь дело с графом де Лакуром.

– Хорошо, – согласился князь Меншиков. – Я не возражаю против такого подхода к решению общих спорных вопросов.

Граф де Лакур сразу оживился.

– Прекрасно! – воскликнул он. – В этом залог нашего успеха. Я предлагаю, если вы не против, обменяться мнениями по наиболее спорному вопросу: о Вифлеемском храме. У нас есть все основания думать, что если ключи окажутся в руках привратника из греческого духовенства, это затруднит вход в храм через главные ворота католикам и протестантам. Поэтому мы будем настаивать на оставлении ключей от главного входа привратнику от католиков или протестантов...

– Но это же исторически не справедливо! – возразил князь Меншиков. – И вы не хуже меня знаете об этом!

Граф де Лакур театральным жестом скрестил руки на груди.

– Ваша светлость, меняются времена, а вместе с ними и нравы...

– Но речь у нас с вами идет о более серьезных делах, чем нравы, которые, как выразились только что вы, меняются со временем. Речь идет об историческом праве греко-русской церкви иметь преимущества перед другими христианами. Вифлеемский храм издревле был греческим монастырем. Что касается католиков, то они никогда не использовали Вифлеемский храм для своего богослужения. У них есть свой монастырь и своя церковь. Разве это не так? У нас, в России, говорят: свет в храме от свечи, а в душе от молитвы. Какая разница католикам, где им молиться?

Де Лакур сделал обиженно-удивленную мину на лице.

– Я не спорю с вами, князь. Мы говорим сейчас о де-факто и пытаемся, по крайней мере, я пытаюсь, решить этот спор миром. Католиков и протестантов не устраивает предложенный вами порядок богослужения в Вифлеемском храме. Насколько мне известно, князь, комиссар Порты в Иерусалиме Афиф-бей, выполняя волю падишаха, предложил вам договориться с другими общинами, чтобы они сами установили порядок богослужения по очереди без преимущества какой-либо из духовных общин, однако вы не согласились...

Князь Меншиков впервые слышал об этом. Никто с ним, в том числе и граф Озеров, не говорил о предложении Афиф-бея.

«...Может быть предложение было сделано патриарху Иерусалимскому? – подумал Меншиков. – Тогда почему патриарх не доложил об этом в посольство?..» Все эти мысли мгновенно прокрутились в голове князя Меншикова.

Тем временем граф де Лакур всем видом показывал, что он ждет ответа.

– О предложении комиссара Порты в Иерусалиме мне ничего не известно, – ответил князь Меншиков. – Да если бы и было известно, нашего согласия не последовало бы в силу того, что грекам издревле, я повторяюсь, издревле принадлежало преимущественное право на проведение богослужений в Вифлеемском соборе. Что же касается богослужения в храме Вознесения, куда греко-русская православная община была допущена значительно позже католиков, у нас нет никаких возражений против договоренностей между общинами.

Граф де Лакур помрачнел. Он не стал оспаривать слова князя Меньшикова, зная, что тот прав. Да и сами турецкие власти придерживались того же мнения. А напомнить русскому чрезвычайному послу о том, что еще до греков преимущественным правом пользоваться Вифлеемским храмом было дано римлянам, он не стал. Ибо это еще дальше бы отодвинуло исход переговоров. А князь Меньшиков, расценив молчание графа де Лакура, как знак согласия, продолжил:

– ...И еще по одному пункту требования я бы хотел выразить нашу твердую позицию. Обновление купола Святыни гроба Господня, на котором настаивает латинская церковь, проводить с участием греко-русской общины, без замены нынешних образов и надписей на католические, и под наблюдением Иерусалимского Патриарха.

Последние слова князя Меньшикова явно озаботили графа де Лакура.

– Но это невозможно, князь!.. – возразил он. – Латинское духовенство с этим не согласиться! Насколько я знаю, купол пришел в ветхое состояние и требует большого ремонта...

– Ремонта требует только кровля купола, – прервал графа де Лакура князь Меньшиков. – Сам купол не нуждается в ремонте. Это предлог для того, чтобы убрать старые православные образы и письма и заменить их на латинские.

Граф де Лакур пожал плечами.

– Ну... я не знаю, князь. Я не был в Иерусалиме и не видел, в каком состоянии купол Вифлеемского храма, но уверяю вас, если будет принято решение о ремонте кровли, Патриарх Иерусалимский обязательно будет поставлен об этом в известность турецким властям. Что же касается с ремонта купола, если он в том нуждается, то это дело тоже находится в ведении турецкого правительства...

На какое-то мгновение князю Меньшикову показалось, что граф де Лакур согласился с его требованием, связанным с ремонтом кровли купола, однако последние слова де Лакура ссылкой на право распоряжаться ремонтом кровли и самого купола турецкими властями показали, что граф де Лакур опытен и хитер, и с его прибытием в Константинополь переговоры с турками только осложнятся.

«Да-а-а... – подумал Меньшиков о де Лакуре, – борода у вас, граф, апостола, а усы дьявольские...»

7

...Прошли уже более полутора месяцев со дня пребывания князя Меньшикова в Константинополе, однако добиться от турецкого Правительства каких-либо существенных уступок в пользу своей миссии ему так и не удалось.

Министр иностранных дел Рифаат-Паша на последней встрече 7 апреля посетовал на то, что на султана идет сильное давление со стороны французов, да и среди министров правительства нет единого мнения. Многие опасаются неуравновешенного и вспыльчивого Людовика Наполеона, который постоянно угрожает Турции, в случае уступок России, высадить свои войска в Сирии и Египте. На этой встрече князь Меньшиков передал Рифаат-паши последний вариант текста договора, составленный с участием графа Озерова и согласованный с канцлером Нессельроде.

Договор предусматривал нахождение ключей от Вифлеемского собора у католиков, однако не давал им привилегий над греко-православными верующими. Проводить же богослужения в Гефсиманском вертепе оставляло первенство православным. Владение Вифлеемскими садами предусматривалось совместным и равным, как на том настаивал Патриарх Иерусалимский. Что касалось ремонта купола храма гроба Господнего в договоре давалось согласие, однако за счет турецкой казны и участия в этом деле Патриарха греческого, без вмешательства остальных христианских уполномоченных.

Рифаат-паша, ознакомившись с текстом договора, нашел его приемлемым для всех сторон и обещал сразу же вынести его на рассмотрение правительства.

Уже в конце встречи князь Меншиков сказал:

– ... Уважаемый Рифаат-паша, вы убедились – Россия не требует от вас ни политических, ни, тем паче, территориальных уступок. У нашего государя одно желание – добиться успокоения и избавиться от религиозных сомнений и неуверенности своих единоверцев в их законном праве совершать богослужения в Святых местах так, как это велось издревле.

Рифаат-паша согласился.

– Ваша светлость, насколько мне известно, султан разделяет законное желание вашего государя-императора, и мы будим надеяться на справедливое разрешение неприятного для нас с вами спора, – ответил он.

Слова Рифаат-паши успокаивающе подействовали на князя Меншикова и он уехал в посольство с надеждой в душе, что наконец-то все разрешится.

... На следующий день в русском посольстве появился лорд Редклифт. Его принял граф Озеров. Князь Меншиков в это время находился с неофициальным визитом у председателя Совета Мустафы-паши.

Отсутствие князя Меншикова не огорчило лорда Редклифа. Он был настроен оптимистично и даже пошутил:

– ... Граф, я слышал, в России говорят: от перемены мест слагаемых сумма не изменяется. Я правильно выразился?

– В отношении перемены мест слагаемых – правильно, – подтвердил граф Озеров. И проводив лорда Редклифа в свой кабинет продолжил: – Я готов вас выслушать.

Лорд Редклиф сел в предложенное ему кресло и мельком оглядел кабинет.

– Вы знаете, граф, за что я уважаю русских? – неожиданно спросил он.

– Не знаю, однако надеюсь, вы скажите, – ответил граф Озеров.

Лорд Редклиф загадочно улыбнулся.

– У русских, мне кажется, нет чувства опасения за то, что о них думают другие, когда вы что-то делаете.

Мысль лорда Редклифа была туманной, и граф Озеров решил уточнить:

– Лорд, что имеете вы ввиду?

– Нет, нет! Вы не подумайте ничего предосудительного! – поспешно сказал лорд Редклиф. – Наоборот, когда я узнал о столь решительном посещении князем Меншиковым графа де Лакура, я сказал в своем посольстве: «Учитесь у русских!» Я очень доволен тем разговором, который у них состоялся. Но!.. – лорд Редклиф предостерегающе поднял вверх указательный палец. – Вы хотите очень много, а это не благоразумно...

– Почему? – поинтересовался граф Озеров.

Лорд Редклиф снова загадочно улыбнулся.

– Сказать откровенно?

– Конечно, лорд. За вашу откровенность я буду вам премного благодарен.

Лорд Редклиф последние слова графа Озерова, казалось, пропустил мимо ушей.

– Ваше настойчивое стремление покровительствовать православным Порты вызывает подозрение не только у турецких властей, но и у европейских держав!..

– К примеру, у Англии и Франции.

– Я обещал быть с вами откровенным, – продолжил лорд Редклиф, ничуть не смутившись прямым вопросом. – И потому сдержу свое слово. Если князь Меншиков и дальше будет так добиваться привилегий вашим единоверцам, вы совершите серьезную ошибку...

– Какую, лорд?

Граф Озеров уже догадался, зачем приехал Редклиф. Он, несомненно, знал, что в посольстве нет князя Меншикова. Но этот разговор предназначался именно для него.

Лорд Редклиф на какое-то мгновение задумался.

– Вы сами создадите против себя коалицию держав, которая в случае необходимости предпримет против России решительные действия, – ответил он. И тут же добавил: – Извините, но вы сами просили быть с вами откровенным.

– Я могу об этом сообщить князю Меншикову? И еще: это ваше личное мнение или мнение возможной коалиции? – спросил граф Озеров, стараясь выглядеть спокойным, хотя его уже начинало трясти изнутри.

Лорд Редклиф снисходительно усмехнулся. По всему было видно, что он чувствует себя в русском посольстве, как у себя дома.

– Граф, я полагаю это наша дружеская беседа... Правительство Великобритании всегда понимало стремления России занять почетное место в ряду великих держав Европы и даже способствовало этому не в током уж отдаленном прошлом. Однако и Россия должна учитывать интересы других стран, – лорд Редклиф посмотрел на стоящие в углу кабинета часы и вдруг заторопился. – Разрешите, граф, откланяться. Мне еще сегодня необходимо побывать у турецкого министра иностранных дел и встретиться в нашем посольстве еще кое с кем... Впрочем, вам, граф, это не очень интересно...

Лорд Редклиф откланялся и уехал.

Когда вернулся князь Меншиков, граф Озеров подробно рассказал ему о визите лорда Редклифа.

– Интересно знать, с кем лорд собирается встретиться в своем посольстве, – выслушав Озерова, задумчиво произнес князь Меншиков. – Он или интригует нас, что вполне возможно, или проговорился...

– Александр Сергеевич, вас только это заинтересовало? – не без удивления спросил граф Озеров.

– Но почему же... То, что он сказал, мы с вами предполагали. Я надеюсь и в Петербурге к этому готовы. – Князь Меншиков прошелся по кабинету, затем спросил: – А нельзя ли каким-то образом узнать, с кем лорд Редклиф намеревался встретиться в своем посольстве?

Граф Озеров слегка пожал плечами.

– Вы это серьезно?

– Очень...

– Есть у нас по этой части люди, – сказал граф Озеров. – Попытаемся...

...Буквально на второй день граф Озеров доложил князю Меншикову, что лорд Редклиф действительно встречался в английском посольстве с поверенным в делах Австрии в Константинополе Клецлем.

– Интересно... Что они там еще задумали? – не скрывая своей тревоги произнес князь Меншиков. – Неужели и австрийцы будут с ними?..

– Может мне поговорить с Клецлем? – предложил граф Озеров.

Князь Меншиков с неподдельным удивлением посмотрел на него.

– А это возможно? – спросил он.

– Александр Сергеевич, с Клецлем я знаком уже не первый год...

– Тогда с богом, граф! – повеселел князь Меншиков. – Это уже другой поворот в деле!

Однако прошло более недели, прежде чем состоялась встреча графа Озерова с поверенным в делах Австрии в Константинополе Клецлем.

В посольство граф Озеров вернулся в мрачном настроении.

– ...Встреча с лордом Редклифом была по просьбе Клецля, – сказал он князю Меншикову. – Клецлю необходимо было выяснить насколько серьезно Лондон намерен поддерживать Турцию. В свою очередь лорд Редклиф настойчиво, по словам самого Клецля, – подчеркнул Озеров, – пытался узнать, на чьей стороне будет Австрия в случае, если Англия и Франция объявит войну России...

– Ну и сволочи же они! – не стерпел князь Меньшиков. – Какие сволочи! – повторил он и взволнованно заходил по кабинету. – Надо немедленно подготовить депешу и сообщить об этом в Петербург! Боже мой!.. Неужели, чтобы быть великой державой, надо расплачиваться за это такой ценой?.. – этот вопрос князь Меньшиков задал скорее себе, чем графу Озерову, который с неммым удивлением и жалостью смотрел на него.

Было ясно, первый раунд переговоров несмотря на видимую готовность турецких властей вести их с учетом требований России, был проигран. Граф Озеров хотел как-то успокоить князя Меньшикова, но в это время в кабинет вошел секретарь посольства и сказал:

– Ваша светлость, – обратился он к князю Меньшикову, – прибыл курьер из Петербурга с пакетом на ваше имя от канцлера графа Нессельроде.

И подал князю Меньшикову запечатанный конверт.

– Легко на помине, – чуть слышно произнес князь Меньшиков, принимая пакет из рук секретаря посольства. И добавил: – Первый звон – чертям разгон, второй звон – перекрестись, третий звон – иди в церковь...

– Александр Сергеевич, вы это о чем? – спросил граф Озеров.

– Да так... К слову пришлось, – ответил князь Меньшиков, вскрывая пакет.

8

Послание канцлера графа Нессельроде, в котором он выражал волю государя, ставило графа Меньшикова в еще более трудное положение.

Канцлер напоминал желание государя получить от турецких властей должное, как было сказано в письме, удовлетворение за неуважение к России и вероломство. В противном случае, писал граф Нессельроде, надлежало назначить три дня для выполнения требований государя-императора и по истечении их, если требования не будут исполнены, покинуть Константинополь.

В этот же день князь Меньшиков получил письмо и от Хозрева-паши. Он предупреждал князя Меньшикова о готовящемся погроме русского посольства мусульманской частью населения Константинополя, подстрекаемой сотрудниками английской миссии.

«...Светлейший князь, не оставляйте без внимания лорда Редклифа, – советовал в конце письма Хозрев-паша. – Этот человек может принести вам много неприятностей. И надежнее будет для вас переехать на свой пароход. Да хранит вас Аллах».

...23 апреля князь Меньшиков встретился с Рифаат-пашой в министерстве иностранных дел Порты и довел до него содержание письма канцлера графа Нессельроде.

– ...Высокоуважаемый Рифаат-паша, – сказал князь Меньшиков, – передо мной, как вы видите, нет иного выбора. Или его светлость султан удовлетворяет требования государя-императора России, или я буду вынужден покинуть Константинополь, объявив свою миссию законченной. За время моих переговоров я убедился в нежелании вашего правительства принять наши требования и гарантировать свободу богослужения православным подданным Оттоманской Порты. Более того, я имею достоверные сведения о все большем подчинении турецких властей влиянию лорда Редклифа и графа де Лакура. Однако позвольте вам напомнить: Турция им нужна, как разменная монета, для решения своих далеко идущих планов. И если вы это не поймете, дальнейшая судьба Турции будет полностью зависеть от прихоти Парижа и Лондона.

Все это князь Меньшиков произнес спокойно и с достоинством.

Рифаат-паша отдал должное выдержке русского чрезвычайного посла и отнесся с явным сочувствием к его словам.

– Светлейший князь, – произнес он, – я, как и вы, желаю скорейшего разрешения этого недоразумения. Клянусь вам Аллахом, все, что я могу делать для этого, я делаю. Не буду скрывать от вас, что вмешательство в наши переговоры названных вами лиц, превратили переговоры в недостойную интригу. Скажу вам более: на прошлой неделе на приеме у его светло-

сти падишаха побывал лорд Редклиф и пытался убедить его светлость в том, что независимо от исхода переговоров русские войска все равно займут Дунайские княжества и, что Россия намерена объявить Турции войну...

– Но это же чушь!.. – не сдержался князь Меншиков. – Россия не собирается воевать с Портой!

Рифаат-паша с сожалением усмехнулся.

– У каждой великой державы много врагов... – сказал он. – Во всей этой неприглядной истории, я бы не хотел быть вашим должником, светлейший князь. В разговоре со мной лорд Редклиф заявил, что он уполномочен ее величеством королевой Англии, в случае необходимости, потребовать от командующего английскими морскими силами в Средиземном море ввести их корабли в проливы Босфор и Дарданеллы. Я думаю, об этом вы должны знать.

Князь Меншиков был поражен откровенностью Рифаат-паши, которая могла стоять ему министерского поста.

– Благодарю вас за доверие, высокоуважаемый Рифаат-паша, – ответил князь Меншиков. – И все же прошу еще раз довести до вашего правительства содержание письма канцлера графа Нессельроде.

– Я это обязательно сделаю, – пообещал Рифаат-паша. И тут же предложил: – Светлейший князь, в пятницу, 1 мая, я приглашен в гости к Верховному визирю Махмед-Али домой. Он, насколько я знаю, с пониманием и сочувствием относится к вашей миссии. Если вы желаете, мы можем вместе поехать к Махмед-Али и попытаться склонить его на нашу сторону. Человек он мудрый и правильно расценит ваш визит.

Князь Меншиков, не раздумывая согласился.

– Тогда до встречи, светлейший князь, – сказал Рифаат-паша. – И да поможет нам Аллах.

В посольство князь Меншиков вернулся с надеждой, что еще не все потеряно. И все же в глубине души оставался неприятный осадок и неуверенность правильно ли он поступает, согласившись ехать незваным гостем к Верховному визирю.

Уже за ужином вице-адмирал Корнилов, заметив на лице князя Меншикова мрачность, спросил:

– Снова худые вести, Александр Сергеевич?

– Да как будто нет, – рассеянно ответил тот и рассказал о предложении Рифаат-паши поехать 1 мая на встречу с Верховным визирем.

– Значит, еще есть неделя на размышление, – заметил вице-адмирал Корнилов.

– Почему на размышление? – поинтересовался князь Меншиков. – Я дал согласие...

– Александр Сергеевич, вы меня простите, но мне кажется, что мы с вами похожи на утопающего, который хватается за соломинку в надежде спастись. – И, перехватив на себе надомленный взгляд князя Меншикова, пояснил: – Это, по мнению Рифаат-паши Верховный визирь сочувствует нам. А у меня есть другая информация, прямо противоположная этой. Махмед-Али в равной степени сочувствует и французам. Вам необходимо снова добиваться приема султаном и поговорить с ним прямо и откровенно.

Князь Меншиков задумался. Он был согласен с вице-адмиралом Корниловым и по поводу утопающего, как тот выразился, и по поводу встречи с султаном.

– Ну что ж... – ответил он. – Пожалуй, вы правы. Семи смертям не бывать, а одной все равно не миновать...

...Письменную просьбу принять чрезвычайного посла России отвез во дворец султана граф Озеров. Это было во вторник. Прошли среда и четверг. Ответа не было. По пятницам султан не принимал. Он в этот день посещал мечеть. И Меншиков решил переехать на субботу и воскресенье на пароход «Громоносец».

Однако в пятницу в половине одиннадцатого в посольство приехал курьер от Рифаат-паши и передал на словах князю Меньшикову, что султан ждет его в три часа дня. И добавил, чтобы он взял с собой переводчика.

Князь Меньшиков тут же стал готовиться к встрече. В половине третьего от посольства отъехали три коляски с закрытым верхом. В одной – Меньшиков, в другой, самой роскошной, – Корнилов и в третьей – переводчик. Это была идея графа Озерова, в связи с тем, что за посольством почти круглые сутки велось наблюдение. Граф Озеров посоветовал попытаться обмануть шпионов. По дороге к дворцу султана коляски должны были несколько раз поменяться местами, затем разъехаться по разным улицам. И уже у дворца коляска князя Меньшикова должна была встретиться с коляской, в которой ехал переводчик.

Граф Озеров оказался прав, как только коляски отъехали от посольства, за ними тут же последовал тарантас. Все остальное произошло, как и предлагал граф Озеров. Тарантас, когда коляски разъехались, последовал за роскошной коляской, которая после часа езды по улицам города вернулась к русскому посольству.

...Султан принял князя Меньшикова в своем рабочем кабинете. И сразу представил офицера, находящегося тут же:

– Мой адъютант Одгем-паша, – затем продолжил: – Пусть вас не удивляет, князь, но я решил вести с вами беседу не на французском языке. Мне ближе мой родной язык. Да и у вас не будет мыслей о моей приверженности к французам.

Князь Меньшиков легким поклоном дал понять, что согласен с султаном.

– Сочту за честь, ваше величество, вести с вами беседу на любом доступном нам с вами языке, – ответил он.

Слова князя Меньшикова пришлись султану по душе.

– Ваша речь заслуживает, князь, похвалы, – сказал он. – Я готов выслушать вас.

Князь Меньшиков решил говорить откровенно и прямо. Он понимал: это был его возможно последний шанс в затянувшихся переговорах.

– Ваше величество, я снова нахожусь здесь по воле моего государя, – начал он спокойно, подбирая каждое слово, чтобы оно не было двусмысленным или непонятным султану. – Его позиция прежняя. Он искренне расположен к Оттоманской Порте и у него нет и тени помышления о преобладании в чем-либо, – князь Меньшиков сделал паузу для перевода его слов. Затем продолжил: – Мой государь добивается вашего доверия и никогда не помышлял, как это вам доносили ваши министры, вмешиваться в дела между вами и вашими подданными, как в мирное, так и в военное время. И в настоящих обстоятельствах мой августейший государь желает одного: согласовать свою набожность и религиозные убеждения с поддержанием и утверждением вашей монархии, обращается к вам с настоятельной просьбой обеспечить и сохранить под вашей защитой вековые льготы и преимущества православного исповедания.

Султан был явно смущен словами князя Меньшикова. Это стало заметно по его глазам и нетерпению, с которым он выслушал переводчика.

– Уважаемый князь, – ответил султан, – мы искренне желаем сохранения дружеских отношений с Россией и восстановления доверия русского монарха. Мы уверены в бескорыстии ваших побуждений, связанных с покровительством православных на территории Оттоманской империи. Что касается меня лично, я постараюсь исправить в ближайшее время допущенные нами ошибки.

Князь Меньшиков, услышав это, воспрял духом. Слова султана вселяли надежду на успех его миссии. Иначе он не мог их расценить. Однако его по-прежнему не покидало чувство опасения от возможного вмешательства со стороны. И он решил тут же сказать об этом султану.

– Ваше величество, я благодарен вам за искреннее признание в необходимости сохранения дружеских отношений между Турцией и Россией, во имя процветания обеих держав. В тоже время меня беспокоит то обстоятельство, что переговоры между двумя державами

стали превращаться в европейскую проблему. Это противоестественно и ни чем не обосновано. Вмешательство третьих стран, преследующих свои далеко идущие корыстные цели, только усугубит положение дел, и не будет способствовать их быстрому разрешению...

Князь Меньшиков умолк и слегка склонил голову, дав знак переводчику, чтобы он сделал перевод его слов.

Выслушав переводчика, султан помрачнел.

– Мы исправим это положение, – ответил он. – Турция не Греция, и тем более не Дунайские княжества. Свои вопросы мы будем решать сами, уважаемый князь. И вы это узнаете дня через два-три. Вы бы и сегодня получили ответ на все ваши вопросы, однако, к сожалению, я этого не могу сделать в связи с отставкой Верховного визиря. Ответ вы получите через нашего министра иностранных дел.

Слова султана об отставке Махмед-Али были для князя Меньшикова словно громом с ясного неба. Это была уже вторая отставка в верхах за время его пребывания в Константинополе и обе, так или иначе, были связаны с его пребыванием здесь.

Султан встал и дал понять, что встреча окончена. Князь Меньшиков поблагодарил его, поклонился и вышел из кабинета в сопровождении переводчика и адъютанта султана Одгем-паши, который проводил их до самого выхода из дворца.

Возвратившись в посольство, князь Меньшиков сразу же в сопровождении вице-адмирала Корнилова и генерала Непокойчицкого уехал на пароход «Громоносец», который в это время стоял на рейде в Буюкдере.

9

В воскресенье капитан парохода «Громоносец» доложил князю Меньшикову о прибытии из посольства дипкурьера. Меньшиков принял дипкурьера, который передал письмо графа Озерова. В письме Озеров сообщал о неожиданных изменениях в верховной власти Порты, которые произошли в ночь с 2 на 3 мая. Председатель Совета Мустафа-паша был назначен Верховным визирем, прежний Верховный визирь Махмед-Али указом султана назначен – командующим регулярными войсками. Был отправлен в отставку и министр иностранных дел Рифаат-паша. Вместо него министром назначен Решид-паша.

Прочитав письмо, князь Меньшиков не знал: радоваться ему или сожалеть. Вновь назначенные люди были новые и ему неизвестные. Но самое главное – как теперь будет исполнено слово, данное султаном? Интуиция подсказывала князю Меньшикову – надо немедленно что-то предпринимать.

На следующее утро в понедельник он поехал в посольство, переговорил с графом Озеровым и, предварительно получив согласие на встречу с Решид-пашой, отправился в министерство иностранных дел Турции.

Решид-паша уже ждал его.

– ...Я в курсе ваших дел, светлейший князь, – сказал новый министр, как только князь Меньшиков переступил порог его кабинета. – Однако у меня будет к вам просьба – дайте мне еще один день, чтобы я мог исполнить волю его сиятельства падишаха без ущерба для дела.

Князь Меньшиков согласился, понимая сложность положения Решид-паши.

И все же он предупредил:

– Уважаемый Решид-паша, один день и не более. Мы и так потеряли много драгоценного времени не в пользу дела.

Князь Меньшиков попрощался и вышел из кабинета министра. В коридоре он увидел лорда Редклифа, беседующего с каким-то турецким чиновником. Князь Меньшиков сделал вид, что не заметил англичанина и прошел мимо.

...5 мая на пароход «Громоносец» приехал секретарь турецкого министра иностранных дел и передал на словах просьбу Решид-паши дать новую отсрочку в связи с непредвиденными обстоятельствами.

Сказав секретарю, что ответ Решид-паша получит из русского посольства от графа Озерова, князь Меньшиков через полчаса приехал сам в посольство и рассказал графу Озерову о просьбе Решид-паши дать вторую отсрочку.

– ...Я чувствую, – угрюмо сказал Меньшиков, – мне надо уезжать из Константинополя. Они нас просто пытаются водить за нос!

– Александр Сергеевич, у меня есть другое предложение, – ответил граф Озеров. – Не надо торопиться. Вчера на совещании в правительстве Решид-паша очень активно настаивал на выполнении наших требований. Его поддержал и новый Верховный визирь Мустафа-паша. Давайте еще подождем день – другой. Я полагаю, в самых верхах Порты идет серьезная борьба, которая подпитывается лордом Редклифом и графом де Лакуром...

– А что же султан? Он же дал мне слово! – возмущенно сказал князь Меньшиков. – Или у них так заведено?

– Александр Сергеевич, я не знаю, как у них заведено, однако торопиться с отъездом я бы не советовал, – еще раз повторил граф Озеров. – К тому же об отъезде надо посавить в известность хотя бы графа Титова.

– Хорошо, – немного подумав, согласился князь Меньшиков. – Пусть будет по-вашему. Только мне кажется, что все это зря... Кругом одна ложь. Верно в народе говорят: один только безмен ни рожден, ни крещен, а правдой живет. Все остальные...

Граф Озеров мягко прервал его:

– Александр Сергеевич, есть еще одна причина подождать. Султан распорядился провести внеочередное собрание Совета 5 мая для обсуждения нашего ультиматума. То есть сегодня. Приглашены все министры, главные улемы и областные правители. Будет на Совете и ваш старый знакомый Хозрев-паша. Это обнадеживающее обстоятельство. Есть правда и другое – менее обнадеживающее. Накануне лорд Редклиф и граф де Лакур объехали всех влиятельных сановников Порты, принимающих участие в заседании Совета, и убеждали их не принимать наш ультиматум, – добавил он.

Князь Меньшиков усмехнулся.

– Наш пострел – везде поспел...

– Вы это о ком? – не понял граф Озеров.

– О ком же ещё? О лорде Редклифе и графе де Лакуре...

...День 5 мая прошел в русском посольстве в напряженном ожидании. Что происходило на Совете, узнать было невозможно. Совет проходил в строжайшем секрете и длился 7 часов.

На ночь князь Меньшиков снова уехал на пароход «Громомосец». А утром следующего дня капитан парохода доложил ему, что с берега просят спустить на воду шлюпку для министра иностранных дел Турции Решид-паши.

...Решид-паша поднялся на борт парохода в сопровождении двух чиновников, которых он почему-то не представил князю Меньшикову. Вид у Решид-паши был озабоченный. Он подал князю Меньшикову пакет и пояснил:

– Светлейший князь в этом пакете находится решение Верховного Совета Порты, которое принято 42 голосами из 48 лиц присутствующих на заседании Совета. К моему великому огорчению Верховный Совет отклонил ваш ультиматум. Совет принял решение оставить в силе прежнее решение Султана о Святых местах без изменений. Что касается просьбы о выделении места в Иерусалиме под строительство православной церкви и дома для православных паломников, Верховный Совет принял решение о выделении такого места в окрестностях Иерусалима...

Князь Меньшиков выслушал Решид-пашу и спокойно сказал:

– Ну что ж... К этому прискорбному сообщению я был готов. Готова ли будет Турция и населяющие ее народы с разными религиозными верованиями одобрить тот роковой шаг,

который сделал Верховный Совет и представить себе все вытекающие отсюда последствия для Турции. Что касается моей миссии, – продолжил он, – я считаю ее оконченной.

Решид-паша в ответ не проронил ни слова. Он молча сделал поклон и направился к трапу, а князь Меншиков еще долго стоял на палубе парохода, чувствуя, как смертельная усталость одолевает все его существо. Он повернул голову на север. Там, в двух сутках хода, была Одесса, куда теперь он должен отплыть со всем посольством. Таково было требование канцлера Нессельроде.

Совсем неожиданно к концу дня на пароходе появился поверенный в делах Австрии в Константинополе Клецль и стал уговаривать князя Меншикова не прерывать переговоры. Он уже знал о решении Верховного Совета Порты.

– ...У меня есть все основания полагать, что турецкая сторона пойдет на уступки, – сказал он князю Меншикову.

– Сомневаюсь, – ответил тот. – Я располагаю достоверными сведениями, что послы Англии и Франции уже отдали распоряжения англо-французской эскадре стать у входа в Дарданеллы.

Клецль недоверчиво качнул головой.

– Но... этого не может быть! – воскликнул он. – Они нарушают Андрианопольский мирный договор! Я немедленно еду к лорду Редклифу и графу де Лакуру!.. Надо остановить это безумие!

...9 мая пароход «Громоносец» с русской миссией отплыл в Одессу. В посольстве остались только секретарь и охрана из пяти человек.

В день отплытия князя Меншикова у русского посольства с раннего утра начала собираться толпа мусульман, гневно выкрикивающих проклятия в адрес неверных. Затем толпа, словно по команде, двинулась к порту...

11 мая пароход «Громоносец» стал на одесском рейде.

К нему сразу причалил паровой катер с градоначальником Одессы, который передал князю Меншикову пакет от канцлера графа Нессельроде. В пакете было письмо канцлера, в котором он просил князя Меншикова задержаться в Одессе до особого указания в связи с отправкой турецкому правительству ноты протеста по поводу срыва переговоров.

К письму была приложена копия ноты протеста для ознакомления князя Меншикова. В ноте в ультимативной форме требовалось от Турции выполнения ранее признанных договоров и права русского государя-императора на покровительство православных подданных Оттоманской Порты.

«В противном случае, – было сказано в ноте, – русские войска получают приказание перейти границу и занять Дунайские княжества не для открытия военных действий, а чтобы приобрести материальный залог до получения от Турции нравственного ручательства в исполнении пожеланий нашего государя...»

Князь Меншиков прочитал ноту и вдруг понял – войны не избежать...

Странно, но эта мысль его не испугала. Внутренне он уже был готов к такому ходу событий, полагая, что эта война за гроб Господний не станет великим грехом...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Майский месяц пришел в Петербург холодным. По ночам с Финского залива напоздали молочно-белесые туманы и только к полудню рассеивались, оставляя после себя промозглую сырость.

Однако к середине месяца немного потеплело.

Императрица Александра Федоровна несколько раз просила супруга переехать из Зимнего дворца хотя бы на неделю-другую в Павловск или Красное Село, но Николай Павлович отвечал отказом, ссылаясь на неотложные дела и необходимость его пребывания в столице.

Государь не лукавил. Граф Нессельроде доложил ему, что на их ноту турецкое правительство ответило отказом, однако изъявило желание прислать в Петербург своего чрезвычайного посла для возобновления переговоров.

Князь Меншиков по-прежнему томился в Одессе в ожидании решения государя.

Последнее событие еще больше укрепило в сознании Николая I мысль иметь «буферные территории», которые бы исключили прямое столкновение интересов России с другими странами.

Успешная экспедиция русской армии в 1839 году в Среднюю Азию закончилась покорением Хивинского княжества. Новая экспедиция в 1847 году в низовья Сыр-Дарьи положила начало покорения самого могущественного на границе России соседа – Коканского ханства. Мир и спокойствие здесь для России на долгие годы были обеспечены.

Почти одновременно войска под командованием графа Муравьева провели успешную экспедицию на Дальнем Востоке, присоединив к России левый берег и устье Амура.

На Кавказе от российских границ была отеснена Персия.

В Европе же дела не ладились. Здесь все было сложнее. Особенно после подавления восстания поляков в Варшаве в ноябре 1830 года, когда наместник государя великий князь Константин Павлович, до этого не чаявший души в поляках, с трудом спас свою жизнь, бежав из Варшавы вместе со своей супругой полячкой.

Подавление польского восстания генералом Паскевичем и назначение его наместником в Варшаву перепугало Европу. Она заискивала и тайно ненавидела Россию.

...15 мая по распоряжению Николая I в столицу прибыл фельдмаршал князь Паскевич. Государь принял его вместе с канцлером графом Нессельроде, военным министром князем Долгоруковым и министром иностранных дел графом Титовым.

– ...Мне нужен ваш совет, – сразу заговорил Николай I. – Отказ правительства Порты удовлетворить наши законные требования налагает на меня обязанность принять меры, достойные величия России и моих незабвенных предков, которые всегда стояли на защите православия и справедливости. Миссия князя Меншикова в Константинополь, несмотря на все наши старания убедить султана Оттоманской Порты не притеснять православных и не нарушать древнее право греко-русской православной церкви владеть ключами от Святых мест, закончилась безрезультатно. При всем желании избежать военного конфликта, я вынужден принять меры, которые бы способствовали проведению наших войск, расположенных на западной границе, на военное положение на случай, если нам придется войти в Дунайские княжества, – государь сделал паузу и обвел долгим взглядом присутствующих. После этого продолжил: – Посему я намерен с этой целью в течение мая-июня провести доукомплектование этих войск за счет резервных отпускников. В первую очередь, пополнение должно поступить в части 1-го пехотного корпуса, находящихся в приграничных Подольской и Волынской губерниях, а также в части 5-го корпуса, расквартированных в Бессарабии, Крыму и Одессе. Это в общем плане.

Теперь конкретно, – государь подошел к столу, взял в руки последний доклад начальника Генерального штаба и обратился к князю Долгорукову: – Вам надлежит срочно отдать распоряжение быть в готовности 13-й пехотной дивизии, расквартированной в Севастополе, погрузиться на суда Черноморского флота и отплыть в Закавказье. 4-й и 5-й отдельным кавалерийским дивизиям войти в подчинение командования корпусов по месту своей дислокации и ждать указаний. Обязайте также свое интендантство немедленно приступить к заготовкам провианта и фуража на Днестре и юге Подольской губернии. Вопросы есть? – спросил государь и внимательно посмотрел на князя Долгорукова.

– Нет, ваше величество, – ответил вставая князь Долгоруков.

Николай I подал знак рукой, чтобы князь Долгоруков сел.

– Прошу более никому не вставать. Теперь давайте размышлять дальше. Я полагаю, разрыв дипломатических отношений с Турцией неизбежен. Что последует за ним?.. – государь снова сделал длительную паузу, словно, не хотел произносить это роковое слово.

– Возможно, война, ваше величество, – спокойно и даже как-то равнодушно продолжил мысль Николая I фельдмаршал Паскевич.

Государь взглянул на него.

– Совершенно верно, Иван Федорович. Война, – повторил он. – И не простая. Ибо еще никогда Россия не вела войну за свои христианские убеждения. И вот тут я бы хотел от всех вас услышать совета. Каким способом нам вести эту войну? С учетом того, что в нее могут вмешаться французы и англичане? Генштаб предлагает провести решительную экспедицию с участием Черноморского флота в Босфор с целью захвата Константинополя. По расчетам Генштаба суда Черноморского флота, как военные, так и транспортные, в состоянии взять на борт за один раз до 15—16 тысяч человек с орудиями полевого тыла, и до трех тысяч казаков с лошадьми. Однако для овладения проливом и штурмом города этого числа войск будет недостаточно. А чтобы их удвоить, или утроить, необходимы перевозки в течение 12 дней. И это при хорошей погоде.

Николай I замолчал и снова выжидательно посмотрел на присутствующих.

– Ваше величество, можно уточнить, кто будет осуществлять командование экспедицией, – спросил граф Титов.

– Я полагаю поручить это дело адмиралу князю Меншикову, – ответил государь и тут же сам задал вопрос. – А почему министерство иностранных дел интересуется, кто будет руководить?

Граф Титов смущенно пожал плечами.

– Ваше величество, так это же война...

– Вы не доверяете князю Меншикову?

Титов окончательно был смущен таким вопросом государя и, извинившись, объяснил, что поинтересовался из желания знать, кому будет поручено такое ответственное дело, которое сопряжено, по всей видимости, с нарушением торгового мореплавания и появления недовольства многих стран.

Молчавший до этого фельдмаршал князь Паскевич после неловкого объяснения графа Титова попросил разрешения у государя высказать свое мнение.

– Ваше величество, я прошу прощения, однако план Генштаба, в основе которого лежит экспедиция на Константинополь, связан с большим риском... – сказав это, фельдмаршал Паскевич сделал паузу скорее для того, чтобы увидеть реакцию государя.

– Я слушаю вас, Иван Федорович, – живо отозвался Николай I.

Князь Паскевич был удовлетворен готовностью государя слушать его дальше.

– Во-первых, необходимо будет точно знать, где в это время находится турецкий флот, – продолжил он. – Если в Проливе, значит, придется принять с войсками на борту бой, а уже потом идти на штурм Константинополя. В этом случае теряется внезапность нашего наме-

рения, и возможны значительные потери экспедиционных войск. Во-вторых, по сведениям, поступившим из Константинополя, флот англичан и французов уже стоит у входа в пролив Дарданеллы. И, надо полагать, не останется без действия. В-третьих, как поведут себя турки в случае падения Константинополя. Если запросят мира, это одно. А если отведут войска, к примеру, к Галисполю или Эносу и станут стягивать туда все свои армии, да еще призовут на помощь французов с англичанами, это совсем другое дело. Возникает и другой вопрос, сможем ли мы флотом обеспечить переброску войск, провианта и фуража для дальнейшего ведения войны? Не сможем! – сам же ответил князь Паскевич. – Отсюда вывод: морская экспедиция нам не выгодна, ваше величество.

Государь хмыкнул, и легкая тень недовольства скользнула по его лицу. Однако и князь Паскевич не собирался отказываться от своего мнения. Николай I это заметил и спросил:

– И что же вы, Иван Федорович, предлагаете? – в голосе государя послышались металлические нотки.

Князь Паскевич воспринял вопрос Николая I с таким же спокойствием, с каким начал говорить.

– Ваше величество, я убежден, более надежным способом было бы сначала силами одного – двух корпусов занять Дунайские княжества при поддержке нашей Дунайской флотилии и только после этого стремительно двигаться к Константинополю...

Государь неодобрительно качнул головой.

– Светлейший князь, Иван Федорович, вы забываете, что у турок в Шумле стоит целая армия, – заметил он. – Вы полагаете, она будет бездействовать?

– Нет, ваше величество, – ответил князь Паскевич. – Сражение с турками под Шумлой неизбежно, ибо от него будет зависеть исход всех наших дальнейших действий. Если турки запрут в Шумле – для нас станет опасным продвигаться вперед, имея на правом фланге столь сильного противника. Задача наша будет заставить турок принять бой на открытой местности и разбить их, не давая возможности укрыться в крепости. Далее занять Варну и береговые укрепления в Бугском заливе. Одновременно Черноморский флот должен будет с нашим выходом к Варне и Бургасу запереть турецкий флот в его водах или еще лучше попытаться его разбить. Только после этого приступить к переброске главных сил в район Варны и Бургаса для продвижения к Константинополю. Однако, ваше величество, если учесть, что в Варне и Бургасе придется оставить от 6 до 8 батальонов из возможных 60—70 батальонов экспедиционного корпуса, нам понадобится ввести в Дунайские княжества еще один корпус. Это может быть 3-й пехотный. Он достаточно отмобилизован. Мера эта необходима на тот случай, если на помощь туркам пойдут их войска из Боснии...

Государь задумался. Прошло не менее двух или трех минут прежде, чем он обратился к князю Долгорукову.

– Василий Андреевич, а как вы думаете: можно с сорокатысячным войском взять и затем удерживать Константинополь?

При всем уважении к фельдмаршалу князю Паскевичу, его план показался Николаю I не реальным.

Князь Долгоруков поднялся с места.

– Ваше величество, князь Иван Федорович изложил вам стратегический замысел. Однако этот план потребует неизмеримо больших затрат и, возможно, больших потерь. Даже в случае успеха содержать в Турции свою армию или наемную из христиан – будет очень дорого...

– Василий Андреевич, война дешевой не бывает... – недовольно возразил с места князь Паскевич. Однако государь дал знак ему не прерывать военного министра.

– Я, полагаю, – продолжил князь Долгоруков, – было бы достаточно в качестве наказания Оттоманской Порты ограничиться введением экспедиционного корпуса в Дунайские княже-

ства до выполнения султаном наших требований. К тому же в княжествах мы можем рассчитывать на поддержку местного населения.

Выслушав князя Долгорукова, Николай I прошел к столу, сел, потом поднялся и снова заходил по кабинету.

Так прошло несколько томительных минут. Было видно, что предложение князя Долгорукова и устраивало и не устраивало его. Это было заметно по всей его фигуре.

Наконец, Николай I спросил:

– А если турки не приступят к выполнению наших требований? Тогда как я должен поступить?

– Ваше величество, решать вам. Однако всем будет ясно, и в Европе тоже, кто повинен в этой истории... – ответил князь Долгоруков.

– Ну, хорошо, – рассеянно произнес государь. – Я подумаю и до каждого из вас доведу своё решение. И да будет на все воля божья...

2

И все же мысль об экспедиции морем не давала Николаю I покоя. Только теперь он видел другой вариант. От высадки войск в Босфоре государь отказался еще в тот же день. Выслушав фельдмаршала князя Паскевича, он был согласен с его доводами, но не совсем. Был и другой вариант. Николай I уже четко представлял себе, как это будет происходить. Сначала десант в составе до 25 батальонов с сотней орудий высаживается в Бургасском заливе и закрепляется там. Затем флотом, из расчета неделя на погрузку и доставку морем пополнения, можно увеличить количество десанта до 40 батальонов и бригады кавалерии. По его мнению, такими силами можно было взять Константинополь.

4-й корпус, как предлагал князь Долгоруков, в это время вводится в Дунайские княжества. Часть войска остается в Молдавии, другая занимает Валахию. Николай I был уверен: при вступлении войск 4-го корпуса в Дунайские княжества турки начнут стягивать свои силы или под Силистрией, или в районе Видино, и не смогут должным образом подготовиться к защите Константинополя.

Своими соображениями Николай I поделился на другой день с князем Долгоруковым.

– ... Я полагаю, – сказал Николай I, завершая изложение своих мыслей, – и войска десанта, и сосредоточение войск 4-го корпуса на границах с Дунайскими княжествами можно завершить к концу июня месяца.

Князь Долгоруков несколько не удивился настойчивому желанию государя осуществить экспедицию морем. В этом было свое преимущество. Однако государь, по всей видимости, не учитывал уже свершившийся факт присутствия в Дарданелах сильного англо-французского флота.

– Ваше величество, – выслушав Николая I, сказал Долгоруков, осторожно подбирая нужные слова, чтобы не вызвать у государя раздражения, которое стало появляться у него все чаще, – план ваш великолепен. И, главное, дает время на подготовку десанта. Вопрос только вот в чем: вступятся англичане с французами за турок или не вступятся. Если вступятся, осуществлять экспедицию морем будет не только затруднительно, но и крайне опасно. По мнению графа Титова, а его поддерживает и князь Меншиков, они обязательно выступят на защиту Порты и не исключено, что объединятся в тройственный союз для войны с нами...

– Я об этом думал, – мрачно отозвался Николай I. И тут же спросил: – Вы хотите меня убедить отказаться от морской экспедиции?

– Ваше величество, я хочу, чтобы вы приняли решение, которое бы обеспечило России успех и сулило надежду православным народам не быть отомщенными со стороны турок, – ответил князь Долгоруков.

Слова князя Долгорукова заставили Николая I задуматься. До этой минуты он не допускал даже мысли о неудачном исходе дела и последствиях для православных подданных сул-

тана. Он вдруг понял: проигранная война станет и для него смерти подобна. Это осознанное понятие было так глубоко и остро, что Николай I даже испугался.

«Господи! – подумал он, – я же, как азартный игрок закладываю душу в надежде одержать верх над своими недругами во имя спасения веры моих предков... Помоги мне в святом деле. Иначе, зачем мне тогда жить...»

По всей видимости, душевное состояние государя так явно отразилось на его лице, что князь Долгоруков с тревогой спросил:

– Ваше величество, что с вами?.. Может пригласить доктора?

Николай I, словно очнувшись, рассеянно посмотрел на князя Долгорукова.

– Голова разболелась так, словно горячим свинцом залили.

...К концу дня в покои государя вошла императрица Александра Федоровна. Николай Павлович лежал в постели на высоко поднятых подушках. Так ему было легче. Перехватив тревожный взгляд супруга, Александра Федоровна успокаивающе улыбнулась.

– Ничего страшного, дорогой, – сказала она, – оба доктора и Соколов, и Арендт говорят, что это у тебя от переутомления и, возможно, последствия падения с коляски... День, другой полежишь, и все пройдет...

– Дай бог, – вяло отозвался Николай Павлович. – Ибо отлеживаться сейчас некогда. – Он взял императрицу за мягкую и теплую руку, придержал в своих ладонях и вдруг произнес: – Ты прости меня...

– За что? – полушепотом спросила Александра Федоровна.

– За все...

И на глазах Николая Павловича блеснули искренние скупые слезы.

– Бог с тобой! – переполошилась Александра Федоровна. – Ты что удумал?.. Нет, дорогой! – решительно заявила она. – Постель тебе явно во вред идёт. Давай-ка вместе поужинаем...

– Не могу, – попытался отказаться Николай Павлович, стыдясь проявления своей слабости.

– Я прикажу подать ужин сюда, – сказала Александра Федоровна и, не дожидаясь согласия государя, прошла, приоткрыла дверь и распорядилась подать им ужин в покои. Потом вернулась и добавила. – И ночевать, сударь, сегодня будете со мной в одной постели.

...Приступ такой боли, который перенес Николай Павлович, был первый. До этого у него временами болела голова, и он не раз жаловался на отечность в ногах, однако такого с ним еще не случалось.

Только по истечению недели доктор Арендт разрешил ему заниматься делами.

К этому времени Николай Павлович много передумал и всё больше склонялся к мысли, что занятия Дунайских княжеств 4-м корпусом будет вполне достаточно, чтобы наказать турок за их вероломство и заставить пойти на уступки.

Неприятно беспокоила только одна мысль – как отреагируют на это европейские державы?

...28 мая Николай I получил письмо из Варшавы от фельдмаршала князя Паскевича, в котором тот сообщал, что европейские страны все более сочувствуют Турции и это должно заставить отказаться от решительных мер против Османской Порты, а ограничиться только занятием Дунайских княжеств.

«...Заняв княжества, – писал фельдмаршал, – мы не начинаем войны, а между тем можем выиграть время, что для нас полезнее в двух отношениях: во-первых, ныне державы Европы, если не все, то, по крайней мере, многие против нас, а другие не за нас. Невероятно, однако же, чтобы хотя к будущему году не встретилось каких-либо поводов к несогласию между европейскими державами, что должно обратиться в нашу пользу, во-вторых, за это время мы можем как следует подготовиться к войне и избегнуть тех непредвиденных препятствий, которые,

как показывает история всех наших войн с Турцией, всегда замедляли наши успехи, или были причиною огромных потерь, то большей частью были обязаны оплошностям самих турок...»

Николай I в душе был согласен с мнением фельдмаршала Паскевича. На днях военный министр князь Долгоруков доложил ему, что он располагает сведениями о заключении 27 февраля текущего года Англией и Францией секретного договора о совместных действиях против России. А Людвиг Наполеон отдал приказ ещё одной французской эскадре стать у входа в Дарданеллы и совместно с объединенной англо-французской эскадрой быть готовым взять под охрану оба турецких пролива.

Далее в письме князь Паскевич советовал государю по занятию княжеств не переходить Дунай, чтобы избежать военных действий.

«...Но, если турки перейдут на левую сторону Дуная, – уточнял князь Паскевич, – то без сомнения их следует отбросить на правый берег, но и тогда еще подумать – идти ли вперед или остановиться: но едва ли будем готовы к переходу за Балканы...»

Николай I несколько дней ходил под впечатлением этого письма. Рушился его замысел немедленно наказать турок за их двуличие и защитить греко-русскую православную общину от притеснений со стороны латинской церкви при явной поддержке султана и его правительства. С другой – он опасался чрезмерных жертв, которые потребуется положить на алтарь победы во имя цели, которая будет не одобрена при его жизни и забыта после его смерти.

Этими тайными мыслями он не делился даже с императрицей. Ему порой казалось, что если он выразит их вслух, потеряет свое единоличное право, данное богом, повелевать и принуждать к подчинению окружающих его людей: друзей и врагов, любящих его и ненавидящих за то, что он принудил их в тот зимний роковой день 14 декабря 1825 года склониться перед ним и признать законным наследником трона.

Ноша эта была столь тяжелой, что порой, он боялся не вынести ее. В такие минуты, Николай I изо всех сил стараясь вытеснить из себя сомнения в необходимости поступать так, как считает нужным. Единственно, чего он страшился: будет ли он прощен за свои дела Всевышним на божьем суде, перед которым все равны...

...На еженедельном докладе в последнюю пятницу месяца князь Долгоруков сообщил о готовности войск 4-го корпуса перейти границу и приступить к занятию Дунайских княжеств.

– ...Ваше величество, – сказал он, – исходя из обстоятельств, нам предпочтительно было бы на первом этапе не занимать Малую Валахию, а укрепиться на линии от Гирсова до Бухареста, образуя театр наших действий примерно в сто верст, на протяжении которых стоят крепости Варна, Шумла, Силистрия и Русчук, занятые сильными турецкими гарнизонами...

– А если турки в ответ начнут сосредотачивать свои войска у Калафата, тогда как? – уточнил государь.

Князь Долгоруков, по всей видимости, был готов к такому вопросу.

– Тогда, ваше величество, нам придется приступить ко второму этапу: занять Малую Валахию.

Николай I усмехнулся. Заметив усмешку государя, князь Долгоруков спросил:

– Ваше величество, вы не согласны со мной.

– Ну, почему не согласен, Василий Андреевич... Просто вспомнил слова, сказанные однажды фельдмаршалом Суворовым: смелость города берет. Может нам и не достает как раз ее?

3

В последних числах мая состояние здоровья Николая I снова ухудшилось. К головным болям прибавилась и ещё одна неприятность – стали отекать ноги.

Императрица Александра Федоровна несколько раз пыталась уговорить супруга покинуть столицу и уехать в Крым в их родовое поместье Ливадию, однако Николай Павлович

не соглашался. Отказался он ехать и в Палермо, где уже однажды лечился, ссылаясь на то, что скоро ему предстоит поездка в Варшаву для участия в заседании польского Сейма, на которую он согласился скрепя сердце, и, только потому, чтобы еще раз встретиться с князем Паскевичем.

С Польшей у Николая I были связаны самые неприятные воспоминания. Он никогда не знал, что с Польшей делать. В поляках, особенно в шляхтичах, Николай I видел высокомерие и враждебность. Он бы давно навёл там порядок, однако в Варшаву наместником был посажен его старший брат Константин, который каждый раз вставал на защиту поляков не без влияния на него своей супруги полячки.

С первых дней пребывания Николая I на российском престоле, Константин стал упрекать его за расправу с декабристами, напоминая, что по отношению к Польше такое невозможно.

Николай I всё терпел, но когда ему пришлось поле коронации на Российский престол ещё и короноваться в Варшаве, он категорически отказался это делать. Николай I считал: коронация – это приобретение власти божественного происхождения, а не конституционного, как это должно было произойти в Варшаве.

«... Чем менее будет шутовства, – написал он тогда в письме Константину, – тем лучше для меня». Однако Константин продолжал настаивать и в мае 1829 года Николай Павлович все же поехал в Варшаву на коронацию.

Это стоило ему такого унижения, которое он запомнил на всю жизнь.

Коронация состоялась в королевском замке в зале Сейма, похожем на огромный склеп.

От архиепископа-примаса Николай I принял корону и скипетр и принес присягу. После этого архиепископ троекратно провозгласил по-польски: «Да здравствует король!» Однако сенаторы ответили гробовым молчанием...

Через год Николай I снова по просьбе Константина приехал в Варшаву на открытие работы Сейма, где должен был произнести тронную речь. И на этот раз его речь была встречена презрительно-холодным молчанием. Но, когда через полгода, Сейм потребовал от Российского правительства вернуть Польше западные области. Николай I, не задумываясь, распустил Сейм. Это было уже не первое требование поляков. Еще в годы правления Екатерины, бабушки Николая I, польские шляхтичи, заручившись поддержкой прусского короля, решили вернуть себе Полоцк и Литву.

Тогда от имени прусского короля посредником выступил министр иностранных дел Пруссии Герцберг. По этому поводу Екатерина в своем дневнике записала. «... Эта скотина заслуживает, чтобы его порядком побили. У него столь же познаний в истории, как у моего попугайчика. Он не знает, что не только Полоцк, но и вся Литва производила все дела на русском языке, что все акты литовских архивов писались на русском языке и русскими буквами. И до 17 века не только в Полоцке, но и во всей Литве греческое исповедание было господствующим. Глупый государственный министр... Осел...».

Эту запись в дневнике Николаю и его братьям прочитал отец и сказал: «Запомните эти слова. Ваша бабка была государыней и знала, что делала».

Однако не всё пошло, как хотелось.

... 25 ноября 1830 года Николай I получил от Константина депешу, в которой говорилось, что в ночь на 17 ноября в Варшаве толпа поляков разграбила воинский арсенал, вооружилась и захватила Бельведерский замок.

Вскоре восстание разлилось по всей Польше, и только в начале сентября 1831 года Николай I получил, наконец, донесение от Главнокомандующего русскими войсками в Польше генерала Паскевича о том, что Варшава взята, и восстание подавлено.

Теперь снова надо было ехать в ненавистную Варшаву.

В состав своей свиты Николай I приказал включить князя Долгорукова, графа Титова и князя Меншикова. Остальные ему были безразличны.

... 30 мая Николай I прибыл в Варшаву и сразу направился в Бельведерский замок, который стал резиденцией князя Варшавского. Николай I в этот же день встретился с фельдмаршалом Паскевичем, его заместителем генерал-адъютантом князем Горчаковым и с несколькими высокопоставленными шляхтичами.

На следующий день государь, выступив на открытии Сейма с получасовой речью, сразу уехал в Бельведерский замок, где за обедом наедине с фельдмаршалом князем Паскевичем, снова заговорил об ответных действиях против турок, уже после ввода экспедиционного корпуса в Дунайские княжества.

– Ваше величество, – выслушав государя, сказал князь Паскевич, – за прошедшее время со дня нашей последней встречи в Петербурге, я много передумал и проанализировал. Да и события не стояли на месте. Поэтому я поручил генерал-адъютанту князю Горчакову Михаилу Дмитриевичу в письменном виде подготовить вам на рассмотрение план дальнейших действий...

– Вы не могли мне коротко изложить этот план и выразить свое мнение? – попросил Николай I и почувствовал, как у него внутри загорелось желание тут же узнать, что это за план и какова его суть.

Мнение фельдмаршала князя Паскевича для Николая I было весомо еще и потому, что он был один из тех немногих военачальников, на которых он мог положиться.

Фельдмаршал отодвинул бокал с вином, словно, тот мешал ему и откинулся на высокую спинку стула.

– Ваше величество, если после занятия Дунайских княжеств вами будет соизволено желание продолжить наступательные действия, то по нашему мнению самым подходящим местом для переправы за Дунай может стать переправа в районе Гирсова. Здесь Дунай далеко врезался своим руслом в Болгарию и, что очень важно, эта переправа близка от моря. От Гирсова до ближайшей турецкой крепости Кюстенджи 60 верст. И от Гирсова до Варны – 120 верст. Это позволит нам беспрепятственно двигаться вперед с артиллерией и достаточным количеством прочих запасов. При этом нам придется оставить сильный гарнизон в Гирсова и выделить подвижные отряды кавалерии с полевыми орудиями для наблюдения за неприятелем: один в Валахии вблизи их крепостей Силистрии и Рощука, второй в районе Троянова вала для пресечения движения турецких войск по дороге от Гирсова до Кюстенджи. И третий отряд в районе крепости Бзаджик с задачей запереть турецкие войска в этой крепости и не дать им возможности выйти на помощь Варне. После взятия Варны сформировать несколько ополчений из христиан и уже действовать, опираясь на Черноморский флот. Однако с учетом поведения Англии, Франции и, возможно, других европейских держав...

– Значит ли это, Иван Федорович, – нетерпеливо прервал князь Паскевича государь, – что если Черное море будет под контролем союзного флота, нам придется ограничиться только захватом Варны?

– Нет, ваше величество, – ответил князь Паскевич. – По закреплению в Варне мы можем начать боевые действия на азиатской границе с Турцией, предварительно оказав вашему наместнику на Кавказе князю Воронцову помощь по увеличению численного состава войск, входящих в состав Закавказского корпуса и, таким образом, угрожать их крепостям Карсу и Ардагану...

Николай I слегка задумался. По выражению его лица трудно было понять, с чем он согласен, а с чем нет.

– Ну, хорошо, Иван Федорович, – наконец заговорил государь, – предположим, что войска Воронцова мы сможем пополнить за счет наших отрядов, расквартированных в Дагестане и Владикавказе. Но этого будет недостаточно...

– Ваше величество, не страшен черт, как его малюют, – словно возразил государю князь Паскевич. – Если говорить о турецких регулярных войсках – они сильны только сидя за сте-

нами крепостей. На открытой местности они не могут успешно воевать. Что же касается их конницы, она сплошь состоит из курдов. А они всегда были биты нашими линейцами...

Николай I впервые за всё время разговора с фельдмаршалом князем Паскевичем скупно улыбнулся.

– Вас, Иван Федорович, послушаешь – и горевать не надо, – произнес он. – А, впрочем, вы правы. Но я хотел бы еще встретиться с князем Горчаковым и поговорить с ним. Что вы мне скажете, если я назначу его Главнокомандующим войсками в Дунайских княжествах?

Князь Паскевич слегка пожал плечами.

– Я полагаю лучшей кандидатуры на эту должность вам не найти, ваше величество, – ответил он.

Государь снова улыбнулся, но уже с каким-то внутренним облегчением.

– И не жаль вам будет его отпускать? – снова спросил он.

– Жаль, ваше величество, но что поделаешь, – признался князь Паскевич. – Война не невеста, тут выбора не бывает, – вздохнул и продолжил: – Ваше величество, я не хотел вас огорчать, однако и не сказать этого не могу. Среди польских министров и депутатов снова пошли настойчивые разговоры о присоединении к Польше Литвы. Надо что-то делать...

Николай I слегка побледнел, и в его глазах появились недобрые огоньки.

– Эта абсурдовая мысль, мне кажется, превратилась у них в болезнь вредную и опасную, – ответил он и добавил: – Пока я на престоле, никаким образом не допущу, чтобы мысли о присоединении Литвы к Польше могли быть поощрены кем-нибудь. Более того, такие мысли могут повлечь за собой для Российской империи самые нежелательные последствия. Если кто-то этого не понимает по слабости ума своего или еще хуже понимает, но будет стараться осуществить их, пусть знает – он заклятый враг России и мой тоже!

Слова государя были резкие и гневные, но Николай I произнес их ровным голосом, в котором старый фельдмаршал князь Паскевич уловил не раздражение, а уверенность в своей правоте.

Князь Паскевич хорошо знал своего государя, его неудержимый темперамент и резкую прямооту и, не дай бог, было довести его до гнева. Однако в эту минуту перед ним сидел другой человек с бледным усталым лицом и только глаза по-прежнему светились спокойной решительностью.

«Слава богу, – мысленно перекрестился Паскевич. – Значит, ещё есть порох в пороховницах...»

Задерживаться в Варшаве государь не стал. На второй день в присутствии Паскевича, Меншикова, Долгорукова и Титова он около получаса говорил с князем Горчаковым, однако о назначении его Главкомом экспедиционного корпуса не обмолвился и словом, и выехал из польской столицы. Ночевал в Пулявах, где любил останавливаться в свое время император Александр.

Поутру, отказав в приеме нескольким польским шляхтичам только потому, что они были одеты во фраки, которые Николай I терпеть не мог, отправился в дорогу. Он торопился вернуться в Петербург. Фельдмаршал князь Паскевич, не подозревая того, разжег в нем с новой силой желание, притупленное в последнее время болезнью, принудить турок считаться с его волей.

За трое суток, которые Николай I провел в дороге, он многое передумал. И всё чаще на ум приходил один и тот же вопрос: «С какого времени у него началось противостояние с Европой? Не с того ли дня, когда ему пришлось вмешаться в греко-турецкий конфликт и оказать помощь православной Греции... Первой тогда возмутилась Австрия. Меттерник открыто осудил Россию, чем вызвал в душе Николая I горечь и обиду. Однако по-другому Николай I поступить не мог. Англичане уже стояли на пороге Балканских стран, готовые взять их под свое покровительство.

Пожалуй, с этого времени старая Европа со страхом стала следить за каждым не только его шагом, но и жестом.

– Ну что же... Если России будет суждено одной стать на защиту православной веры, она станет. И, если случится войне, видит бог, это произойдет не по моей вине, – решил Николай I, и как-то сразу стало у него спокойнее на душе.

4

...7 июня Николай I по дороге в Петербург заехал в Павловск, чтобы принять парад войск, затем направился в Красное Село, где находилась в это время императрица Александра Федоровна с гостившими у неё дочерьми Марией, по замужеству герцогиней Лейхтенбергской, и Ольгой, королевой Вюртембергской.

Узнав о приезде дочерей, Николай Павлович решил отложить все свои дела и побыть несколько дней с ними.

Однако на следующее утро в Красное Село прибыл граф Титов и доложил, что из Константинополя пришло известие о появлении англо-французских кораблей в Босфоре, стоящих до этого в заливе Бешик.

– ...Ваше величество, это прямое нарушение договора 1833 года! И Лондон, и Париж идут на это намеренно, – заключил граф Титов. – Что нам делать?

Николай I с некоторым удивлением посмотрел на графа Титова.

– Это я у вас хотел спросить, что нам делать? – ответил ему Николай I. – Но, если вы не знаете, я скажу. Ждать, что они предпримут дальше. По крайней мере, они уже дали мне повод для ввода наших войск в Дунайские княжества, как ответную меру. Передайте канцлеру графу Нессельроде, пусть немедленно подготовит Указ о назначении князя Горчакова Главнокомандующим экспедиционными войсками. Место своего пребывания он выберет сам.

...Во время вечерней прогулки Николай Павлович поделился последней новостью с императрицей.

Выслушав его, Александра Федоровна неожиданно сказала:

– И нужен тебе этот Константинополь. Сам видишь, еще ничего не произошло, а пол-Европы уже против тебя. Они костями лягут, но не дадут тебе воспользоваться плодами твоего успеха, – продолжила она, взяв Николая Павловича под руку.

– Ты предлагаешь мне ограничиться занятием Дунайских княжеств?

Пожалуй, впервые за все годы их совместной жизни Николай Павлович просил у нее совета.

– Возможно, мой сударь, – ответила она и продолжила: – Отказавшись от Константинополя, ты не подвергнешь свою армию многим испытаниям и потерям. Не поссоришься окончательно с Европой и не остановишь торговлю тех стран, которые ведут ее через Черное море, – и вдруг сменила тему разговора. – Ты помнишь, как в сентябре 1837 года мы с тобой на пароходе под поэтическим названием «Северная звезда» из Крыма плыли в Геленджик, а оттуда поехали в Тифлис. Боже мой!.. Как я тогда не умерла от такого путешествия!?

– Зато, сударыня, вы запомнили это путешествие на всю жизнь, – ответил Николай Павлович, все еще не догадываясь, почему супруга заговорила вдруг об их поездке на Кавказ.

А Александра Федоровна продолжила:

– Да, да! Особенно, когда ты приказал сорвать эполеты с полковника князя Дадionoва, несмотря на то, что он был зятем твоего наместника барона Розена. Тогда даже у меня екнуло под сердцем. Наверное, от страха. Но ты был прекрасен в своем гневе... – и Александра Федоровна с тихим восхищением посмотрела на супруга.

– Когда князь превращается в подрядчика и в угоду своих личных дел использует служивый народ вместо того, чтобы учить военному делу, гнев мой был естественный, – ответил Николай Павлович. – И я за собой греха не чувствую, – Николай Павлович умолк и выжи-

дательно посмотрел на Александру Федоровну. – Я надеюсь, ты напомнила мне о поездке в Тифлис не ради того случая? – полюбопытствовал он.

– Нет, мой дорогой! Просто я хотела сказать, что у тебя есть еще один путь, который ты можешь пройти с наименьшими жертвами ради задуманного. Это путь через Кавказ. Европа здесь тебе помешать не сможет, – императрица снизу вверх заглянула в глаза Николаю Павловичу, словно, хотела убедиться, что он ее слушает. И, убедившись, продолжила: – Твое наступление на Турцию через Кавказ будет вдвойне выгодным. Во-первых, ты объединишь горские народы и племена, которых султан не жалует, во-вторых, ты вселишь надежду христианским народам, живущим на азиатской территории Порты, и вдохновишь их на сопротивление султану изнутри страны...

Николай Павлович отрицательно качнул головой.

– Нет! Что касается возбуждения народов, подданных любому государю, независимо кто он для меня – друг или враг, я не стану этого делать.

Александра Федоровна, по всей видимости, ожидала такого ответа. Она знала непримиримое отношение Николая Павловича к подталкиванию народов против своих правителей.

– Это не то, о чем ты подумал, – спокойно, но уверенно возразила она. – Это не призыв к революции. Это святое дело и во благо святому делу, – и, чтобы окончательно убедить Николая Павловича, добавила: – Тебе об этом в письмах не раз напоминал фельдмаршал князь Паскевич. Он-то тебе худа не желает. Если христиане пожелают свергнуть с себя мусульманское иго, разве они не достойны сочувствия и помощи со стороны православного царя?

Мысль императрицы для Николая Павловича не была новой. Он знал: еще в 1773 году граф Румянцев, а затем в 1788 году князь Потемкин занимались формированием христианских ополченцев. А князь Ипсиланти в 1806 году сформировал пятитысячное ополчение из христиан, которое успешно противостояло туркам на границе с Россией.

Настоятельный совет императрицы заставил Николая I вдруг подумать о формировании христианского ополчения в Дунайских княжествах. По докладу военного министра князя Долгорукова Молдавия и Валахия имели 10-и тысячное войско, в большинстве своем состоявшее из христиан.

«Значит, представляется возможность, – подумал Николай Павлович, – набрать еще не менее 40—50 тысяч...»

По мнению князя Паскевича под Оттоманской Портой было до восьми миллионов христиан.

Не дождавшись ответа от Николая Павловича, Александра Федоровна продолжила.

– Мне рассказывали, что по всему Черноморскому побережью на протяжении 900 верст деревнями живут греки. Турки же занимают только города. Ты знаешь, как греки и прочие туземцы называют тебя? Белым царем! Вот и подумай, белый царь, нужно ли пренебрегать уважением народов, которые видят в тебе освободителя?

До конца прогулки Николай Павлович так и не ответил на вопрос императрицы. Что-то мешало ему признать правоту Александры Федоровны и сделать всего на всего один, но решительный шаг. Однако это означало, что он должен был переступить через себя... Решив, что все происходящее делается не людским умом, а божьим судом, он успокоился.

...9 июня Николай I отъехал из Красного Села и прибыл в Петербург. В этот же день он приказал военному министру князю Долгорукову отправить наместнику на Кавказе князю Воронцову необходимые указания на случай войны с Турцией.

А 10 июня собственноручно написал Главнокомандующему экспедиционным корпусом князю Горчакову письмо следующего содержания:

«Уважаемый князь Михаил Дмитриевич, в получении окончательного отказа Порты в принятии наших условий я уже не сомневаюсь. А по сему, 15 июня начать переправу через Прут на молдавской границе и занять Дунайские княжества, не объявляя войны, но, объявив,

что войска наши займут эти области в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливые требования России. Для занятия княжеств назначаются: 4-й и 5-й пехотные корпуса, неполная 15 пехотная дивизия, 5-я легкая кавдивизия и три донских полка, расквартированные на территории Подольской губернии.

При совершении этого предприятия, отнюдь не переправляться через Дунай и избегать враждебных действий, которые допускаются только в том случае, если турки, перейдя сами на левый берег Дуная, не отступят перед нашими войсками или первыми начнут бой. Лучшим способом для предупреждения подобного сопротивления представляется быстрое занятие княжеств легким авангардом конницы, за которою должна следовать пехота на ближайшем расстоянии.

Войска 15-й дивизии неудобно вести далее Галаша, ибо в случае сбора турецких войск в Бабадаге, турки не могли бы, не встретив сопротивления в Нижнем Дунае, прорваться в наши пределы. К тому же расположение 15-й дивизии на Нижнем Дунае, присутствие там нашей флотилии и сооружение моста в Измаиле, о котором мы с вами уже говорили при нашей встрече в Варшаве, будут держать турок в недоумении, не намерены ли мы переправиться через Дунай по примеру 1828 года.

Черноморский флот, оставшись у наших берегов, отделяет лишь крейсера для наблюдения за турецким и другими иностранными флотами и уклоняются от боя.

В таком положении, протянув по Дунаю цепь казачьих постов, поддержанную резервами и, избрав для прочих войск здоровые лагерные места, надлежит ожидать, какое впечатление производит на турок занятие Княжеств.

Если упорство Оттоманской Порты заставит нас усилить понудительные меры, то тогда предлагается, не переходя через Дунай, объявить блокаду Босфора и, смотря по обстоятельствам, разрешить нашим крейсерам брать турецкие суда в море. Тогда же имеется в виду предупредить турецкое правительство, что дальнейшее его упорство может иметь последствием объявление независимости Дунайских княжеств и Сербии.

Желательно, чтобы Австрия, разделяя наши виды, заняла Герцеговину и Сербию».

Николай I поставил точку, подумал и дописал:

«Ежели не подействует эта угроза, то наступит время её исполнить, а в таком случае признание независимости Княжеств будет без сомнения, началом разрушения Оттоманской Империи».

Не перечитывая письма, Николай I вызвал дежурного флигель-адъютанта и приказал курьерам отправить его немедленно князю Горчакову. Затем пошёл в дворцовую церковь и долго молился в одиночестве, пока за ним не пришла только что вернувшаяся из Красного Села с дочерьми императрица.

...В 7 часов вечера, как всегда, подали в столовую чай. Николай Павлович сел за стол между дочерьми, а императрица села напротив них. И вдруг улыбнулась.

– Вы, сударыня, чему улыбаетесь? – нарочито серьезно спросил Николай Павлович.

– Картину с вас писать можно, – ответила Александра Федоровна.

– Вот и прикажите написать, – согласился Николай Павлович. – Дочери не часто навещают теперь родителей. Хотя бы на картине будем их видеть.

– Прикажу, – ответила Александра Федоровна. – Да... Я и забыла... В твое пребывание в Варшаве приезжал ко мне наш канцлер граф Нессельроде и ходатайствовал о помиловании. Дадианова. Наказание твое он отбыл, и ты разрешил ему жить в Москве, однако без права выезда...

– Чего он еще хочет? – сразу нахмурившись, спросил Николай Павлович.

– Граф Нессельроде просит рассмотреть прошение Дадианова о возвращении ему орден, дворянского и княжеского достоинств...

– Довольно, – прервал супругу Николай Павлович. – Мне не время сейчас заниматься бывшими князьями! Хлеб ел, а креститься забывал. Не могу я прощать таких людей!..

5

Уже поздно вечером 13 числа министра иностранных дел графа Титова вызвал к себе канцлер Нессельроде. Его огромный кабинет был едва освещен и потому маленькая сторбленная за столом фигура Нессельроде показалась графу Титову не просто мрачной, а какой-то враждебной.

Граф Титов даже мысленно осенил себя крестом и невольно подумал: «И черт в монахи под старость просится...».

На приветствие графа Титова Нессельроде рассеянно ответил:

– Жребий брошен... Государь 14 числом подписал Высочайший манифест о занятии нашими войсками Дунайских княжеств... Как бы за этим не получить нам войну кровавую, хотя и за святое дело.

И только после этих слов поднял голову и внимательно посмотрел на министра иностранных дел, словно, хотел увидеть, какое впечатление произвели на Титова его слова.

Однако граф Титов воспринял это объявление спокойно и даже, как показалось Нессельроде, равнодушно.

Нессельроде недовольно хмыкнул и предложил графу Титову присесть.

– Государь изволил пожелать, – продолжил канцлер, – чтобы вы завтра оповестили министерства иностранных дел европейских держав о том, что занятие нашими войсками Дунайских княжеств – мера вынужденная и будет длиться до тех пор, пока Турция не удовлетворит требование его величества. И другое – объявить, что мы не преследуем территориальных приобретений, а военные действия откроем, если нас к этому вынудят. И последнее – государь заверяет всех, что не предпримет ни каких действий для подстрекательства к неповиновению или восстанию христиан, живущих на территории Оттоманской Порты.

Граф Титов с недоумением посмотрел на канцлера Нессельроде.

– Карл Андреевич, но это более чем странно! Это же... – он умолк и стал лихорадочно подыскивать нужные слова, чтобы нечаянно не нанести оскорбление государю и, не найдя их, произнес. – Но это же... грех!

– Как и война, которая неминуема, – неожиданно поддержал графа Титова Нессельроде. – Я говорил об этом его величеству, однако он непреклонен в своем решении, – Нессельроде встал и прошелся по кабинету. Длинная уродливая тень скользила за ним, придавая внешнему облику канцлера какое-то дьявольское выражение.

«Господи, – подумал граф Титов в смятении, – да он и в самом деле на черта похож!..»

– Что касается войны... – снова заговорил канцлер, не прекращая ходить, – беда в том, что мы не готовы к ней. По докладам князя Долгорукова у нас по спискам более чем миллионная армия из нижних чинов и около двухсот тысяч лошадей. Сколько орудий – я не знаю. Но я не верю в эти цифры. Ежели наши войска такие же, как и корпус внутренней стражи, коей мне пришлось видеть не так давно, то кроме муштры и показухи, в ней нет того, что бы способствовало успешному ведению дела. К тому же наша пехота в большинстве своем имеет кремневые ружья. В отличие же от нас англичане и французы вооружены нарезными ружьями и патронами с коническими пулями. У нас даже пороху не хватает при избытке селитры...

Нессельроде говорил и говорил, медленно и тяжело расхаживая взад и вперед. Титов с затаенным опасением прислушивался к интонациям в голосе канцлера, стараясь понять: с чем связано такое откровение? Не собирается ли уже Нессельроде подать в отставку?..

– Карл Васильевич, я, конечно, разделяю ваши опасения и тревогу за армию, – сказал Титов, выбрав момент. – Однако у нас за плечами достаточно побед и полководцев, которые добывали их...

Нессельроде вяло махнул рукой.

– Да... да... Воронцов, Ермолов, Паскевич... Но это все в прошлом! – Нессельроде сел за стол и тяжело вздохнул. – Ныне они, как и я, в преклонном возрасте. А человек, так уж бог его устроил, с возрастом все больше оглядывается назад и меньше смотрит вперед... Что касается князя Горчакова Михаила Дмитриевича, потомка князей Черниговских, то в свои 64 года, я надеюсь, он еще послужит России и его величеству. Он храбр, честен, однако столько лет прослужив под началом фельдмаршала князя Паскевича, который не терпит вольнодумия своих подчиненных и пресекает инициативу, Михаил Дмитриевич растерял, мне кажется то, что необходимо полководцу. Я говорю так потому, что не одобряю выбор государя назначить князя Горчакова Главнокомандующим войсками в Дунайских княжествах. Но для меня воля государя – воля господ бога. Однако и Россию мне жаль...

Все это, сказанное канцлером Нессельроде, еще больше смутило графа Титова. Он был уверен, в случае войны, Россия найдет понимание, если не у всех европейских держав, то хотя бы у тех, которые обязаны России сохранением своей независимости. Австрия, Пруссия были еще связаны с Россией и родственными узами монархов!

На какое-то мгновение граф Титов даже не поверил в искренность слов канцлера.

– Карл Васильевич, – выслушав Нессельроде, сказал он, – я не думаю, что у нас все так плохо. Что касается позиции европейских держав, то она не постоянная и будет зависеть от наших успехов в бранном деле. Европа всегда склоняла голову перед сильными, а по отношению к новому Главнокомандующему генерал-адъютанту князю Горчакову у меня есть полная уверенность в том, что он успешно выполнит волю его величества. В России, насколько я знаю, он один, кто награжден всеми Российскими орденами. Да и его пребывание в течение 22 лет начальником штаба действующей армии непременно принесет пользу.

Этими словами граф Титов на всякий случай дал понять Нессельроде, что он не разделяет его взглядов и опасений. Канцлер воспринял несогласие с ним министра иностранных дел совершенно спокойно и даже, как показалось графу Титову, равнодушно.

– Дай бог, чтобы всё произошло так, как вы говорите, – рассеянно ответил он. – Россия уже устала от бесславных войн. Если эта принесет славу державе, честь государю и покой христианской вере, я буду только рад.

На этом они и расстались.

По возвращению домой граф Титов поделился с супругой своими сомнениями от разговора с канцлером Нессельроде. Та в ответ только усмехнулась.

– Ты что-то знаешь? – насторожился граф Титов.

– А здесь и знать нечего, – ответила графиня. – Государь недоволен своим канцлером и, видимо, ищет ему замену. Об этом мне сказала графиня Александра Васильевна Россет-Смирнова, подруга ее величества. Я думаю, Нессельроде знает об этом. Так что держи ушки на макушке, – посоветовала она.

– Ну, а зачем, как ты выразилась, мне держать ушки на макушке?

– А затем, дорогой, что ты смог бы не хуже Нессельроде исполнять должность канцлера, – пояснила графиня.

От этой мысли графу Титову стало даже жарко.

– Бог с тобой! – мельком перекрестил он супругу. – Ты понимаешь, что это значит? Он меня, прежде чем я стану на его пост, упечет если не в каземат, то в ссылку!..

Графиня с сочувствием вздохнула.

– Ох, что бы вы, государственные мужи, делали без нас?.. Ни чего с тобой не случится. На днях я встретила со старой графиней Клейнмихель, которая недолюбливает графиню Нессельроде за ее высокомерие и заносчивость. Так вот графиня Клейнмихель рассказала мне, что государь считает тебя одним из полезнейших людей в своем окружении. Так что постарайся избегать частые общения с Нессельроде. Это тебе будет только на пользу, – усмехнулась

и добавила: – Всякий крестится, да не всякий молится. А господь-бог это видит и воздает по заслугам.

Последние слова супруги граф Титов не понял, однако уточнять не стал, решив, что она знает больше, чем сказала сейчас.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Письмо от государя князь Горчаков получил 13 июня в Киеве, куда он вызвал на совещание командующих 4 и 5 корпусов генерала-от-инфантерии Данненберга и генерал-адъютанта графа Лидерса со своими командирами дивизий.

Начальнику Дунайской флотилии контр-адмиралу Мессеру, поступившему в его подчинение, князь Горчакову отправил приказ подготовить флотилии для поддержки войск, вступающих в пределы Дунайских княжеств.

К этому дню Дунайская флотилия состояла из двух батальонов и трех десятков лодок, вооруженных 24-фунтовыми орудиями, трех военных пароходов «Ординарец», «Прут», «Инкерман», а также двух лоц-шхун и двух транспортных барж.

Из частей 5-го пехотного корпуса 13-я дивизия, находящаяся в Севастополе, получила приказ на отправление морем в Закавказье, а 14-я дивизия оставалась в Одессе.

Князь Горчаков не любил совещаний, однако обстоятельства заставляли его провести совещание. Слишком деликатная, по его мнению, задача стояла перед ним: не допустить вторжение турков в Дунайские княжества, не вступая с ними в бой.

Совещание князь Горчаков решил провести в штабе Киевского военного округа, назначив его на 10 часов утра 15 июля.

...Первым о готовности войск к переправе через Прут доложил командующий 4-м корпусом генерал Данненберг. Части его корпуса, ранее расквартированные в Киевской, Подольской и Волынской губерниях в количестве 80 тысяч человек, по докладу Данненберга уже заканчивали сосредоточение в районе Леова.

– ...Через сутки, – сказал в конце доклада генерал Данненберг, – в район Леово подойдут 10-я полевая артбригада и саперный батальон с понтонным парком. И корпус будет готов к переправе.

Князь Горчаков удовлетворенно кивнул головой.

– Я вот о чем подумал, Александр Николаевич, – обратился он к генералу Лидерсу. – В связи с тем, что на войска 5-го корпуса ложится не простая задача по защите всей территории, прилегающей к Нижнему Дунаю, я полагаю, разумно было бы сосредоточить основные силы вашего корпуса в районе Рении, Измаила и Килина...

Князь Горчаков понимал, что отводит второстепенную роль легендарному генералу Лидерсу, который в 1848 году уже занимал Дунайские княжества, умирал Венгрию, брал Трансильванию и единственный, кто был награжден австрийским монархом орденом Марии Терезы и Леопольда. Однако изменить что-либо Горчаков не мог, такова была воля государя.

Генерал Лидерс молча выслушал поставленную ему задачу.

– Теперь о не менее главном, – продолжил князь Горчаков и обвел пристальным взглядом всех присутствующих. – Я принял решение сформировать авангард армии в составе 5-й легкой кавалерийской дивизии под началом генерал-адъютанта графа Анрепа, усилив ее конно-артиллерийской бригадой и 34-м Донским казачьим полком с целью двигаться впереди войск 4-го корпуса, дабы не допустить вторжения турок в пределы княжеств с противоположного берега Дуная. Особенно в районах Силистрии, Туртукая и Рущука. Выполняя волю его величества, приказываю: войскам авангарда при сближении с неприятелем, если оно произойдет, вступать в бой только в случае, когда другого выхода нет. Если же турки окажутся в большом числе, и не будет уверенности в положительном исходе дела, отходить в направлении на Фокшаны и Текучь – основного района сосредоточения войск 4-го корпуса.

Пока шло совещание, генерал Лидерс так и не проронил ни слова, несмотря на то, что другие участники совещания живо обсуждали все детали предстоящего перехода через Прут и движения по территории княжеств.

Уже в конце совещания князь Горчаков предложил обсудить вопрос о месте расположения главного штаба экспедиционных войск и назвал города Бухарест и Кишинев. И выжидающе посмотрел на Лидерса.

Генерал Лидерс предложил выбрать Бухарест.

– Здесь много хороших дорог и почтовых трактов, да и сам город расположен так, что и в нем, и вокруг него можно разместить достаточное количество войск, – сказал он. – Преимущество Бухареста и в том, что Дунай здесь широк и полноводен и является серьезным препятствием для неприятеля.

Князь Горчаков сразу же поддержал мнение генерала Лидерса и, тем самым, как показалось ему, растопил лед отчужденности, возникшей между ними с самого начала их встречи.

...Лидерс был моложе Горчакова, но не менее опытен. Он вступил в командование 5-м пехотным корпусом, когда ему было 40 лет.

Князь Горчаков однажды был свидетелем разговора фельдмаршала князя Паскевича с генералом Ридигером, который состоялся в Варшаве в 1848 году после подавления восстания в Венгрии. Князь Паскевич на похвалу Ридигера в адрес командующего корпусом генерала Лидерса, коротко ответил: «...Где корпус Лидерса, там не нужна армия».

По окончании совещания князь Горчаков попросил командующих корпусами задержаться.

– Александр Николаевич, – обратился он к генералу Лидерсу, – я поддержал ваше предложение относительно расположения главного штаба в Бухаресте не потому, чтобы сгладить несуществующую с моей стороны вину перед вами. Однако ответьте мне откровенно, вы уверены в том, что Валахия своими природными условиями защищена от турок более, чем Молдавия?

– Уверен, ваша светлость, – спокойно, глядя прямо в глаза князю Горчакову, ответил генерал Лидерс. – Для нас сейчас главное скорость продвижения, а для этого нужны хорошие дороги. Что касается моей обиды, – продолжил генерал Лидерс, – её не существует. Мне достаточно и тех, оставшихся в моем расположении войск, чтобы выполнить волю государя.

Князь Горчаков был рад словам генерала Лидерса. Они прозвучали искренне и от души.

– Спасибо, Александр Николаевич, – сказал князь Горчаков. – Я рад, что вы уезжаете отсюда, надеюсь, с легким сердцем. Я сегодня же покидаю Киев и направляюсь со штабом в Леово, затем в Фокшаны.

Уже прощаясь, генерал Лидерс посоветовал:

– Михаил Дмитриевич, для более быстрого продвижения авангарда граф Анреп мог бы использовать местную милицию...

Князь Горчаков поднял руки так, словно хотел защититься от Лидерса.

– Ни в коем случае, Александр Николаевич! – возразил он. И, заметив недоумение на лице Лидерса и Данненберга, поспешил пояснить:

– На этот счет есть строгое указание из Петербурга...

– В столице опасаются мести турок в случае вывода наших войск из княжеств? – уточнил Лидерс.

– Я уверен, что так и будет, – ответил князь Горчаков.

Генералы Лидерс и Данненберг переглянулись.

– Михаил Дмитриевич, вы меня извините, но это неразумно, – не сдержался генерал Лидерс. – По моим сведениям валахская милиция состоит из 3-х пехотных полков и нескольких эскадронов гусар. Столько же и в молдавской милиции.

Лидерса поддержал Данненберг.

– Михаил Дмитриевич, и милиция Молдавии, и милиция Валахии обучена по нашим воинским уставам! В столице всегда чего-нибудь, но опасаются.

Горячая поддержка Данненбергом генерала Лидерса, слегка смутила князя Горчакова.

– Господа, я лично не возражаю. Вопрос в другом. Что скажут в Петербурге? – князь Горчаков тяжело вздохнул и махнул рукой. – Ну, хорошо... Пусть будет по-вашему. Наверное, один бог безгрешен.

...В Леово Горчаков с частью своего штаба прибыл утром 7 июня. За двое суток, которые он пробыл в пути, многое передумалось. Больше всего князя Горчакова волновало то, какие силы турки могут выставить против него?

Турецкая армия в это время больше походила, как однажды выразился фельдмаршал князь Паскевич, «На черт знает что».

В нее входили пешие и конные эскадроны, полевая стража, наемники из татар, населяющих Малую Азию, несколько иностранных легионов, баши-бузуки, волонтеры из мусульман и даже казаки-некрасовцы, бежавшие из России и поселившиеся в Малой Валахии. До 1828 года в турецкой армии служили и запорожские казаки, однако, опомнившись, во главе со своим атаманом Гладким, попросились в Россию, где им было разрешено расселиться по берегам Азовского моря.

Не давала покоя и другая мысль: по сути дела ему предстояло воевать с завязанными руками. Да и слово воевать как-то не подходило ко всему происходящему.

2

В этот же день 17 июня, в Леово стали пребывать части, входящие в состав авангарда армии.

Генерал-адъютант граф Анреп прибыл вместе со 2-ой бригадой генерал-майора Каннского. Бригада состояла из двух полков: гусарского его королевского высочества принца Фридриха-Карла Прусского под командованием генерал-майора Сальского и полка его светлости генерал-фельдмаршала князя Воронцова под командованием полковника графа Алопеуса.

К концу дня подошла и 1-я уланская бригада генерал-майора Комара.

Князь Горчаков предложил генералу Анрепу не терять время и сразу приступить к переправе через Прут.

– Ваша задача, граф, более чем серьезная, – напомнил Горчаков. – Государь не желает открытия военных действий, однако требует не допускать перехода турок на левый берег. Что я вам могу посоветовать в таком случае... Первым делом, послать парламентаря и потребовать от противника отойти за Дунай. Можно не скрывать, что за вами идет армия...

– Ну, а если турки откажутся отойти?

В вопросе генерала Анрепа князь Горчаков уловил нотки насмешки. Однако сделал вид, что не заметил этого.

– Тогда, если противник не превосходит вас числом, принудить его выполнить ваше требование силой... – ответил он.

– Вступить в бой? – уточнил генерал Анреп.

– Другого выхода, к сожалению, я не вижу, – пояснил князь Горчаков и тут же добавил: – Только не будьте излишне самоуверенны. При необходимости вы вправе дать приказ на отход на Фокшаны или Текучь. Ну, с богом, – и Горчаков обнял Анрепа за плечи.

...34-й Донецкий казачий полк, входящий в состав авангарда, опаздывал. Он приступил к переправе через Прут только в ночь на 19 июня, когда головные части авангарда уже форсированным маршем прошли через Фальчи, Текучь и Фокшаны в сторону Рымника и Бухареста.

...20 числа в Леово прибыл командующий 4-м корпусом генерал Даннерберг со своим штабом.

Сразу же было определено время и порядок переправы войск 4-го пехотного корпуса через Прут в двух местах: под Леово и у Скулян.

Князь Горчаков посоветовал Данненбергу после переправы начать движение тремя войсковыми колоннами: одной, под командованием генерал-лейтенанта Липрянди, в составе 12-й пехотной дивизии, переправившись у Скулян, форсированным маршем двигаться к Фокшанам. Другой, во главе с самим командующим корпусом, в составе 10-й и 11-й пехотных дивизий с артиллерией, двумя саперными батальонами, понтонным парком, госпиталем и двумя донецкими казачьими полками после переправы у Скулян двигаться на Яссы и Бухарест. Третьей колонне под командованием генерал-лейтенанта графа Нирода, в составе шести батальонов, с понтонным парком, госпиталем и пятью сотнями 37-го Донского казачьего полка, переправившись у Леово, форсированным маршем двигаться через Фальчи, Берлад в направлении на Текучь.

– ... Единственная просьба к вам, – сказал князь Горчаков, обращаясь к генералу Данненбергу, – прикажите проследить за порядком на переправах и не допустить не нужных потерь по разным несчастным случаям при таком скоплении войск.

– Все будет сделано, Михаил Дмитриевич. Не волнуйтесь, – ответил генерал Данненберг. – Я постараюсь, чтобы переправа прошла благополучно, – и вдруг спросил: – От Лидерса какие сообщения есть?

– Он уже расположился с подчиненными ему войсками под Рении и Измаилом, – ответил князь Горчаков.

Генерал Данненберг сочувственно качнул головой.

– Да... Один из лучших командиров... – произнес он. – Достойный воспитанник графа Ридигера... Я помню, сколько славы обрушилось на Лидерса, когда он в 1839 году со своими егерями в авангарде армии преодолел Балканы без потерь и в немыслимо короткий срок. И это в тридцать лет от роду... Что-то здесь не так, Михаил Дмитриевич, – сказал под конец Данненберг. – Однако в любом случае Лидерс заслуживает большего доверия. И еще, Михаил Дмитриевич: в войсках корпуса наличие продовольствия не более чем на двадцать дней. Дальше надо думать...

– Уже продумано, – ответил князь Горчаков. – Фельдмаршалом князем Паскевичем отдан приказ выделить нам из Каменец-Подольских складов провиант на месяц. А по прибытию на места дислокации будем договариваться с местными властями о закупке у них продовольствия и фуража.

На этом они распрощались.

Князь Горчаков намеревался оставаться в Леово не более двух суток. За это время, по его расчетам, за Прут переправятся все тылы. Затем переехать в Фокштаны, а оттуда в Бухарест.

...К концу суток от генерала Анрепа пришло первое сообщение: его авангард двигался быстро при доброжелательном отношении населения. Турок в селениях не было. По всей видимости, осведомленные о движении русских войск, они заранее покидали свои дома и торговые лавки и уходили за Дунай.

Однако намерение князя Горчакова по истечению двух суток выехать в Фокштаны пришлось отложить до 4 июля по причине задержки отгрузки провианта со складов Бессарабии и отсутствия должного количества транспорта для доставки провианта в места его назначения – Яссы, Бырлады, Галан, Браилов и Будзео. В Текучь и Фокшаны склады с провиантом к этому времени уже прибыли.

Князь Горчаков с облегчением вздохнул, когда 1 июля получил от генерала Данненберга доклад о занятии его войсками Бухареста.

«...В связи с тем, что казармы в городе тесные и мало пригодные для проживания личного состава, – сообщал Данненберг, – я принял решение о расквартировании части корпуса в близлежащих населенных пунктах под ответственность местных властей.

С Господарем Валахским князем Стир-беем состоялась встреча, на которой он выразил понимание по поводу нашего присутствия в Валахии. Видимой враждебности он не проявил.

В связи с возможными затруднениями в обеспечении войск продовольствием, я поручил интендантской службе вступить в переговоры с местными купцами по вопросам поставки продовольствия, дров и фуража.

Что касается турок: по докладам наших постов и разговоров с местными жителями, можно сделать вывод, что они появляются здесь редко и, в основном, с торговыми целями. Не исключено нахождение среди них лазутчиков».

...6 июня князь Горчаков со своим штабом прибыл в Бухарест. В это же день состоялась встреча с местным господарем, которая не удовлетворила князя Горчакова.

Господарь не смотрел в глаза и не на один вопрос прямо не ответил. Он явно опасался и русских, и турок.

В этот же день князь Горчаков встретился с русским консулом графом Соколовым и изложил ему свою просьбу оказать содействие в обеспечении войск продовольствием и фуражом. На удивление князя Горчакова уже через три дня граф Соколов сам приехал к Горчакову и доложил, что правительство княжества готово снабжать русские войска всем необходимым по ценам, установленным в княжестве, а также оказать помощь в размещении нижних чинов по квартирам, предоставить местные пастбища и подводы для перевозки грузов.

– Как же это вам удалось? – поинтересовался князь Горчаков. – После моей встречи с Господарем, я уже не рассчитывал на добровольную помощь.

Граф Соколов загадочно улыбнулся.

– Ваша светлость, Михаил Дмитриевич, имея за собой такую армию, можно добиться любого сотрудничества, – ответил он.

– Ну, спасибо вам, – от души поблагодарил консула князь Горчаков. – Я непременно доложу о вашей помощи в Петербург, – пообещал он. И тут же добавил: – Верно говорят в народе: не стоит город без святого, а селение без праведника...

– Михаил Дмитриевич, разрешите один вопрос? – обратился к князю Горчакову граф Соколов, не обратив внимания на последние слова князя.

– Пожалуйста...

– С вашим штабом сюда прибыл некий майор Том, подданный Австрии. Какую роль он выполняет при штабе? Если это секрет, вы можете не отвечать.

Князь Горчаков был поражен осведомленностью консула. Майор Том был прокомандован к его штабу по просьбе австрийского правительства и с согласия фельдмаршала князя Паскевича для наблюдения за ходом пребывания русских войск на территории Дунайских княжеств.

Объяснив это графу Соколову, князь Горчаков в свою очередь спросил:

– А почему он вас заинтересовал?

– Михаил Дмитриевич, у меня есть сведения, что майору Тому поручено кроме всего прочего, вступить в сношения с молдавскими и валахскими боярами и склонять их выступить против нахождения нашей армии на территории Дунайских княжеств.

Князь Горчаков был шокирован услышанным. Он даже слегка растерялся.

– Но, это же... черт знает что! – выругался он. – Я немедля прикажу отправить этого майора из армии!..

– Михаил Дмитриевич, у меня к вам просьба, – консул внимательно посмотрел на князя Горчакова. – Не трогайте его пока. У меня есть, кому за ним проследить и, заодно, выяснить с кем он будет встречаться, и кто ему станет помогать.

Князь Горчаков согласился с просьбой графа Соколова. Уже прощаясь с ним, не стерпел и сказал:

– Бес не пьет, не ест, а пакости делает...

– На то он и бес, – усмехнувшись, ответил граф Соколов.

9 июля граф Титов получил телеграфированную депешу из Одессы от князя Озерова. В ней сообщалось, что 5 июля состоялось заседание турецкого правительства, на котором командующий регулярными войсками

Порты, Мехмед-Али выступил с требованием предъявить России ультиматум в связи с занятием русской армией Дунайских княжеств и потребовать их вывода, ссылаясь на поддержку Турции со стороны европейских держав. Каких именно, Махмед-Али не назвал.

Граф Титов тут же отправился к канцлеру графу Нессельроде, чтобы доложить ему о полученной депеше. В приемной канцлера он увидел князя Меншикова. Граф Титов искренне обрадовался этой неожиданной встрече.

– Каким ветром, Александр Сергеевич, вас занесло в столицу? – спросил Титов, крепко пожимая руку князю Меншикову.

– По всей видимости, ветер у нас теперь один, – ответил князь Меншиков. – И дует он из Европы.

– А сюда по делам? – Титов глазами указал на дверь кабинета канцлера.

– Как и вы. Еду в Варшаву. Приглашен для напутствия...

В это время дверь открылась, и канцлер Нессельроде сам вышел в приемную. Увидев князя Меншикова и графа Титова вместе, сделал вид, что удивлен.

– ...А, впрочем, я рад, что так произошло, – сказал он. – Проходите оба. Я думаю то, с чем пожаловал граф Титов, будет не безинтересно услышать и вам, Александр Сергеевич. Я сейчас дам кое-какие распоряжения и вернусь.

«Неужели уже знает? – подумал Титов. – Но, откуда?..»

Граф Нессельроде вернулся через две-три минуты. И прямо от двери сказал:

– Докладывайте граф, что за депешу вы получили из Одессы? – Нессельроде прошел к столу, сел и приготовился слушать.

Граф Титов не стал докладывать. Он просто зачитал депешу дословно, чтобы Нессельроде не смог истолковать его слова как-то по-своему.

– Плохая новость, господа... – задумчиво произнес Нессельроде и добавил: – Этого я и боялся... Европа, как бы нам не хотелось, расценит наше вторжение в Дунайские княжества, как посягательство на суверенитет Турции. И особенно будет стараться Людвиг Наполеон. Ему этого как раз и не хватало...

– Войны? – уточнил князь Меншиков.

– Конечно, Александр Сергеевич. Война для него сегодня главная цель. Ему необходимо выбить из памяти французов гром пушек и лужи крови на парижских мостовых, оставшихся после восхождения его на французский трон...

– Карл Васильевич, но министр лорд Эбердин заверил меня в том, что Лондон не допустит войны! – неуверенно заявил Титов. – Что же теперь никому нельзя верить?

Канцлер Нессельроде вяло махнул рукой.

– Вы знаете, сударь, почему девице разрешено грешить? Нет? Иначе ей не в чем будет каяться. Ваш лорд Эбердин говорит одно, а их посол в Константинополе лорд Редклиф делает другое. Я верю депеше Озерова. Только его величеству об этом сообщать, пока не следует, – неожиданно предупредил он. И тут же пояснил: – Государь не совсем здоров, это одно. И другое – надо выждать немного... Наш мир настолько изменчив...

Канцлер Нессельроде не стал пояснять, что он имел в виду, выражаясь по поводу изменчивого мира. Однако и князь Меншиков, и граф Титов догадались: у канцлера есть потаенная мысль, о которой он не хочет говорить. Князь Меншиков и граф Орлов еще не знали, что на 20 июля в Вене намечено проведение конференции представителей Пруссии, Австрии, Франции, и Англии, на которой предполагалось обсудить положение в Европе после ввода русских войск в Дунайские княжества. Турция на конференцию не приглашалась.

Граф Нессельроде надеялся, что в Вене произойдет разлад среди участников конференции, и Турция не будет услышана.

На этом разговор по депеше был окончен. И канцлер Нессельроде обратился к князю Меншикову.

– Александр Сергеевич, напутствий я вам не дам. Вы знаете, зачем вы едете в Варшаву. Я думаю то, что вы услышали здесь, поможет вам как-то сориентироваться и в военных делах. Фельдмаршал Паскевич крут и несговорчив, однако, после отъезда князя Горчакова из Варшавы он в трудном положении. Полагаю, это и поможет вам в вашем деле. Ну что, судари, более я вас не смею задерживать, – произнес Нессельроде и встал, давая понять, что прием окончен.

...23 июля на имя канцлера Нессельроде из Вены пришла нота, в которой участники конференции выразили свое недоумение по поводу конфликта между Россией и Турцией, и высказали надежду на то, что спор будет устранен мирным путем. О занятии русской армией Дунайских княжеств в ноте не было сказано ни слова.

Прочитав ноту, граф Нессельроде сразу успокоился. Насторожила только одна, казалось бы, на первый взгляд не существенная подмена понятий. В ранее достигнутых договорах между Россией и Турцией было прописано «...Покровительство Блистательной Порты христианского богослужения». В ноте же было... «...Покровительство Блистательной Порты христианской религии».

Граф Нессельроде счел эту подмену не совместимой по понятиям. Покровительствовать христианской религии султан, по мнению графа Нессельроде, не имел права. Ибо богослужение – это одно, а религия – другое, косаемое христианского вероисповедания и других народов, в том числе и русского, признанным покровителем которого был русский царь.

Решив, что об этом надо доложить государю, граф Нессельроде поехал в Зимний дворец.

Однако Николай I отнесся к сомнениям Нессельроде равнодушно. Выслушав его, государь сказал:

– Карл Васильевич, у нас появилась возможность, избежать войны. Не ищите ее там, где ее нет, – и добавил: – Сделайте им ответ, мы принимаем ноту в том виде, в каком она есть.

Граф Нессельроде обратил внимание на подавленное настроение государя. Вспомнил недавний разговор с лейб-доктором Арендтом, который посетовал на то, что государь в последнее время стал часто вспоминать о несчастном случае в ночь с 25 на 26 августа 1836 года, который произошел с ним по дороге из Пензы в Тамбов, когда кучер, не заметив крутого спуска, потерял управление лошадьми, и коляска государя опрокинулась на бок. С сотрясением мозга и переломом ключицы государь был отправлен без сознания в Тамбовскую больницу.

«...Он часто повторяет, – сказал тогда доктор Арендт. – Вот Бенкендор сидел со мной рядом по правую сторону, не ушибся, а в живых его уже нет. А я ушибся и живу...»

...30 июля граф Нессельроде отправил ответ с согласием на ноту Венской конференции. В делах и заботах прошел август. И вдруг 12 сентября из Вены пришло сообщение, которое потрясло Нессельроде. Поверенный в делах Австрии в Константинополе Клецль донес своему правительству, что 9 сентября в Константинополе начались массовые волнения христиан. Турецкие власти обвинили Россию в подстрекательстве христиан к неповиновению султану. В связи с этим турецкое правительство заявило, что оно отказывается принять согласованный ранее с ним текст ноты представителей четырех держав на Венской конференции и ни на какие уступки России не пойдет.

Клецль также сообщил, что в тот же день англо-французский флот вошел в Босфор под предлогом защитить султана.

Два дня Нессельроде не решался идти к государю с докладом о случившемся, надеясь, что участники Венской конференции каким-то образом повлияют на турецкие власти.

...15 сентября поздно вечером домой к Нессельроде прибыл курьер с депешей, полученной по телеграфу из русского посольства в Вене. В телеграмме сообщалось, что накануне на чрезвычайном Совете Порты было принято решение объявить России войну.

Часом позже такое же сообщение пришло из Одессы от графа Озерова. Озеров так же сообщал, что Главнокомандующий турецкой армии в Болгарии генерал Омер-паша получил приказ потребовать от князя Горчакова вывести войска из Дунайских княжеств в течение 10 дней. В случае отказа Омер-паша грозил начать военные действия...

В восемь утра Нессельроде был уже в Зимнем. Зная неукоснительный распорядок государя с 7 до 8 часов пить кофе и беседовать с лейб-доктором Арендтом и его помощником Соколовым, Нессельроде, дождавшись ухода докторов, попросил разрешения войти к государю в столовую.

Николай I был одет по-домашнему. Мельком взглянув на Нессельроде, произнес:

– Вижу, вижу, не с хорошими известиями пожаловали, Карл Васильевич. Иначе бы вы не пришли ко мне в неурочное время. Говорите сразу.

С трудом, преодолевая волнение, Нессельроде произнес:

– Ваше величество, я получил сообщения из Вены от нашего посла и от графа Орлова из Одессы... Турки объявили нам войну...

– Войну?... – почему-то переспросил государь.

– Да, ваше величество...

– Вот и хорошо, – неожиданно, совершенно спокойно ответил государь. – Значит, на то воля господня...

Нессельроде был поражен спокойствием Николая I. Ему даже показалось, что государь не понял, о чем идет речь.

– Ваше величество, граф Орлов сообщил так же, что командующему турецкими войсками в Болгарии генерал Омер-паше поручено потребовать от князя Горчакова вывести наши войска из Дунайских княжеств в течение 10 дней...

– Вот как... – усмехнулся Николай I. – Генерал Омер-паша говорит... Когда я командовал второй гвардейской бригадой этого Омер-пашу я знал как полковника Латтаса, подданного Австрии, хорвата по происхождению... и басурман по вероисповеданию. Ну, посмотрим, на что он способен... Вас попрошу, приказать немедля вызвать ко мне князя Долгорукова. Сами же пошлите срочную депешу князю Паскевичу с сообщением об объявлении нам войны турками, – Николай I с минуту помолчал, затем продолжил: – Видит бог, я не жаждал этой войны, хотя и готовился к ней и как государь, и как христианин...

4

...Решение Николая I ехать в Австрию на военные маневры в Ольмюц, по приглашению австрийского императора Франца-Иосифа, Двор расценил, как желание государя попытаться создать союз в противовес уже явно сложившейся коалиции Англии, Франции и Турции. Канцлеру Нессельроде Николай I сообщил, что он тоже едет с ним, чтобы там встретиться со своим коллегой Буолем.

...Маневры в Ольмюце длились три дня. Сначала государи наблюдали за действиями пехоты на равнинной местности, затем им были показаны артиллерийские стрельбы из новых длинноствольных орудий, которые вели огонь не только зажигательными бомбами, но и разрывными снарядами. В заключение маневров легкая кавалерийская бригада продемонстрировала атаку противника с фронта и с флангов, при поддержке артиллерии.

Франц-Иосиф был доволен маневрами и все время, обращаясь к Николаю I, бесцеремонно хватая его за рукав мундира.

– Какие молодцы! – восторгался он. – Вы посмотрите, как они лихо скачут!..

Граф Нессельроде и Буоль все время сопровождали их величества.

Нессельроде видел, что настроение Николая I становилось все мрачнее. Государь явно тяготился своим присутствием в Ольмюце в качестве почетного гостя.

По окончании учений, уже по дороге в отведенную для государя резиденцию, Николай I сказал Нессельроде:

– ... Все они одним миром мазаны... – и неожиданно спросил: – Здесь когда-нибудь щи варят или хотя бы гречневую кашу?.. Вчера попросил сделать картофельный суп и что вы думаете?.. Приготовили, черт знает что!.. Они даже не знают, как протереть картофель!..

Нессельроде догадывался: раздраженность государя была результатом неудовлетворения Николая I своим визитом. Уже в последний день Нессельроде с Буолем подготовили ноту австрийского правительства к правительствам Пруссии, Англии и Франции, в которой говорилось, что в намерениях императора России по вопросу Святых мест нет ничего, что оскорбляло бы достоинство Турции, а ввод русских войск в Дунайские княжества является вынужденной мерой и не преследует цель отторжения этих территорий в пользу России.

На прощанье в Ольмюцком замке Франца-Иосифа в честь Николая I был дан роскошный обед, на котором присутствовали все министры венского правительства.

Император Франц-Иосиф, поднимая хрустальный бокал с вином, торжественно произнес.

– Друзья мои! Рядом со мной находится великий человек, которому мы обязаны спасением Австрии от венгерской революции. Я до сих пор не стыжусь, что когда-то публично прикоснулся своими губами к его державной руке! Я предлагаю осушить бокалы за здоровье его величества императора России Николая I.

После этих слов Франца-Иосифа все поднялись с мест, кроме Николая I. Перед ним стоял бокал с водой, подкрашенной по его просьбе вишневым соком...

На следующий день Николай I отъехал в Варшаву. В Ольмюце он получил через посольство в Вене телеграфированную депешу от князя Паскевича, в которой выразилась просьба, по возможности, не обратном пути заехать в Варшаву.

...Был теплый воскресный день, когда Николай I въехал в Варшаву в сопровождении сотни улан. У старинных крепостных ворот с хлебом и солью его встретили представители польских магнатов, сенаторы и депутаты. До Бельведерского замка, на всем протяжении дороги, стояли поляки, однако на их лицах не было видно радости. Скорее они выражали покорность, как и те, кто встречал у крепостных ворот.

Николай I это заметил и сказал сидевшему рядом с ним графу Нессельроде:

– Покорность – это тоже положительное качество народа...

Граф Нессельроде догадался, о чём говорил государь. Он промолчал, хотя и не был согласен с Николаем I, зная на многих примерах, чем оборачивается покорность народов, достигнутая насильственным путем.

Для Нессельроде сказанное государем казалось не столь важным. Его мысли были поглощены другим. Перед отъездом через венское посольство он договорился от имени государя о приезде в Варшаву прусского короля Фридриха-Вильгельма, отношения которого с Николаем I были не столь безоблачными.

Николай I всегда отдавал предпочтение в спорных делах Австрии в ущерб Пруссии, несмотря на то, что русский посол в Берлине пользовался такими правами, каких не было ни у одного посла в других европейских государствах. Ему даже позволялось вести надзор над немецкими газетами.

...Старый фельдмаршал князь Паскевич был искренне рад приезду государя. Сначала в церкви замка прошел молебен во здравие государя и уже после этого они уединились в кабинете фельдмаршала.

– Ваше величество, – начал разговор князь Паскевич, как только увидел, что государь готов его слушать. – По сведениям, которые, я имею от Горчакова и из других источников

на сегодняшний день, обстановка складывается таким образом: английские и французские флоты стоят в Босфоре в полной боевой готовности. Турецкий же флот курсирует к восточным берегам Черного моря и снабжает оружием кавказские племена и народности. Основным местом стоянки турецкого флота является Синопская бухта, которая надежно охраняется артиллерией береговых крепостных сооружений...

Государь побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Значит, они имеют намерения начать боевые действия и в Закавказье, – произнес он.

– Да, ваше величество, – подтвердил фельдмаршал. – Надо полагать, князь Воронцов уже знает об этом.

– Знать то знает... Только дело идет к зиме, да и войск у него недостаточно... Ну, хорошо. Это мы как-нибудь уладим. А что у самого Горчакова? – поинтересовался Николай I.

– Срок турецкого ультиматума, как вы знаете, истек, – ответил князь Паскевич. – Горчаков сосредоточил в основном войска в окрестностях Бухареста. Это около 47 тысяч. Одна пехотная и одна кавалерийская бригады находятся в Кишеневе. Всего в распоряжении Горчакова 60 тысяч человек. Что касается турецкой армии Омер-паши, она по разным сведениям насчитывает около 130 тысяч человек. В районе Шумлы – 30 тысяч. Здесь же находится и сам Омер-паша со штабом. В районе Андрианополя – тоже до 30 тысяч. Остальные войска занимают правобережье Дуная от устья до Видино. Как видите численное преимущество на их стороне значительно...

Николай I встал, сделав рукой легкий знак рукой, чтобы фельдмаршал не поднимался с места, и прошелся по кабинету раз, другой, третий. Прошло так несколько напряженных минут. Наконец он спросил:

– Ну и что нам делать дальше, Иван Федорович?

– Ждать, ваше величество, – неожиданно ответил фельдмаршал Паскевич. – Время работает на нас.

– Вы уверены?

– Да, ваше величество. Союз Турции, Англии и Франции непрочен. У каждого из них свои цели и планы. Людовиком Наполеоном движет чувство мести России и желание добиться успеха в войне, утвердив, таким образом, себя как правителя Франции. Англичане ненавидят французов и, если примут участие в компании против нас, то разве что на море или ограниченным десантом на побережье. У них главная цель не допустить Россию в Закавказье и сохранить за собой торговые пути в Индию и в среднюю Азию. Что касается турок – они боятся и французов, и англичан. Какой же это Союз, ваше величество?

Николай I ничего не ответил. Он подошел к окну. Некоторое время молча стоял, наблюдая, как во внутреннем дворе замка идет смена караула, и только потом произнес:

– И все же, дорогой князь Иван Федорович, мы стоим пред фактом такого Союза. Когда Фридрих-Вильгельм прибывает в Варшаву?

– Если не сегодня вечером, то завтра утром, – ответил фельдмаршал. – Распоряжения какие-нибудь будут?

– Нет, Иван Федорович, – ответил Николай I. И добавил: – Если приедет утром – это даже лучше. Ибо утро вечера мудренее.

...Худшие опасения канцлера Нессельроде сбылись. Фридрих-Вильгельм по прибытию в Варшаву заявил Николаю I, что Пруссия намерена держать нейтралитет в споре между Россией и Турцией. Что касается содержания венской конвенции в ней правительство Пруссии не находит ничего, что бы могло нанести ущерб интересам России.

В Варшаве Фридрих-Вильгельм не стал задерживаться. На следующий день он уехал в Берлин.

Часом позже Николай I покинул Бельведерский замок.

...Всю дорогу до Петербурга канцлера Нессельроде не покидала мысль: когда была совершена роковая ошибка, которая привела Россию к изоляции со стороны многих европейских держав?

Нессельроде в душе был против «Европейского романтического Союза», созданного по воле императора Александра. В нем все казалось несерьезным и надуманным. С восшествием на престол Николая I начал складываться новый Союз.

В 1833 году был заключен договор с Австрией и Пруссией о взаимной помощи и поддержке. Этот договор предусматривал взаимную помощь на случай внутренних беспорядков, однако вызвал почему-то у многих европейских держав опасение. А появление в дальнейшем русских войск в Европе – чувство страха.

«...Господи, – взмолился про себя Нессельроде, отчаявшись найти оправдание тому, что произошло и, которому он был не просто свидетелем, но и активным соучастником, – подскажи, где найти спасение душе в страхе и подозрениях? Неужели выход только в войне? Но не может даже священная война быть успокоением и оправданием грехов, творимых нами на земле. Ибо сама война – величайший грех, который нельзя искупить ни чем...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Сентябрь 1853 года был на исходе. Необыкновенно солнечная и красочная осень пришла в Валахию одновременно от Орсы до Галаца и уже подбиралась к Трансильванскому хребту, величественно возвышающемуся над всей окрестностью.

Весь месяц князь Горчаков почти не выезжал из Бухареста. Своей главной задачей он считал благоустройство войск до наступления холодов. В городе не хватало казарм, и он приказал строить землянки из материалов, купленных у местных жителей в селениях, окружающих Бухарест.

По сведениям, постоянно поступающим из разных источников в главный штаб, князь Горчаков знал, что турецкие войска по-прежнему основными силами стоят в Шумле, Андрианополе и по течению Дуная от Видино до Измаила. Из общего числа войск Омер-Паши только половина была регулярных. Остальные войска состояли из необученных ополченцев, наскоро собранных в подвластных Турции территориях. По одной дивизии прибыло из Египта и Туниса. Что касалось множества волонтеров – баши-бузуков, то они, по мнению лазутчиков, только разлагали войска своей недисциплинированностью. Слабостью Омер-паши было и то, что в его войсках состояло на службе много иностранных офицеров, которые не пользовались уважением среди солдат. Их презрительно называли гяурами, то есть неверными.

...29 числа князь Горчаков пригласил к себе исполняющего должность начальника главного штаба подполковника Эриропа, командующего 4-м корпусом генерала Данненберга и командира авангарда генерал-адъютанта Анрепа.

– Господа, – обратился князь Горчаков к ним, – я только что получил еще одно письмо от командующего турецкими войсками Омер-паши. Он снова требует в течение двух недель вывести наши войска из Дунайских княжеств...

Князь Горчаков умолк и выжидающе посмотрел сначала на генерала Данненберга, затем на Анрепа и Эриропа.

– Михаил Дмитриевич, было бы странным, если он бы он не добивался этого, – заметил генерал Данненберг.

– В противном случае, – продолжил князь Горчаков, – он начнет боевые действия.

– Значит, все станет на свои места, – снова заговорил генерал Данненберг.

Князь Горчаков усмехнулся.

– За исключением одного обстоятельства, – отреагировал он на слова командующего 4-м корпусом. – Мы до сих пор не объявили туркам войны.

– Михаил Дмитриевич, но это не столь важно, – вступил в разговор генерал-адъютант Анреп. – Мы же не будем сидеть, сложа руки?

Князь Горчаков снова усмехнулся. Но на этот раз его усмешка получилась какой-то вымученной.

– Вы правы, – согласился он и добавил: – Добрыми делами сам Бог правит. А посему нам необходимо срочно выработать план ответных действий на тот случай, если придется вступить в дело, – и обратился к генералу Анрепу: – Насколько я осведомлен, вы уже провели рекогносцировку на местах возможных переправ противника через Дунай. Можете не вставать, – разрешил князь Горчаков, заметив, что генерал Анреп собирается подняться с места.

– Благодарю вас, Михаил Дмитриевич, – ответил Анреп, но все же встал. – Так привычнее, – пояснил он. И продолжил: – По выезду на места мною установлено, что возможных переправ у турок в осенний период, когда можно использовать лодки, плоты и паромы, несколько. Но наиболее удобной является переправа у Видино. Здесь и крепость у них содер-

жится в порядке при достаточном количестве артиллерии, и имеются переправочные средства. К тому же лесистый остров, лежащий между Видино и Калафатом может в значительной мере облегчить переправу на левый берег. Далее от Калафата до устья реки Жио, впадающей в Дунай, по всему левому берегу находится обширная равнина, позволяющая после переправы развернуть войска в боевые порядки...

Генерал Анреп сделал паузу и ею воспользовался князь Горчаков.

– Вы назвали наиболее удобную переправу, – сказал он, – но это не означает, что противник не воспользуется и менее удобными.

– Абсолютно верно, Михаил Дмитриевич, – согласился с князем Горчаковым генерал Анреп. – Такие переправы возможны в районе селений Систов, Туртукай, Гирсово, Исакчи, Тульчи, а также там, где у них стоят крепости Рахово, Никополь и Рушук.

Князь Горчаков сокрушенно качнул головой.

– Да-а-а... – протянул он. – Обрадовали вы нас. Это уже не менее полутора десятка переправ...

– Михаил Дмитриевич, и это возможно, не все, – заметил генерал Данненберг. – При достаточном количестве переправочных средств через Дунай можно переправиться во многих местах.

Заключение генерала Данненберга окончательно расстроило князя Горчакова. К тому же правый берег Дуная значительно возвышался над левым и служил хорошим плацдармом для скопления турецких войск и обстрела левой низменной стороны.

Все это давало Омер-паше преимущество в наступательных действиях, а превосходство в численности еще и возможность переправляться сразу в нескольких местах.

Генерал Анреп сел, а князь Горчаков, подперев кулаками подбородок, некоторое время мрачно молчал, затем спросил:

– И что мы можем сделать при таком раскладе?

– Разрешите мне, Михаил Дмитриевич, высказать свое мнение, – попросил слово подполковник Эрироп.

– Пожалуйста, Александр Григорьевич, – ответил князь Горчаков. – Может и у вас найдется что-нибудь утешительное.

Сказав это чуть насмешливым тоном, Горчаков все же надеялся, что должен быть выход из складывающейся непростой обстановки.

– По мнению штаба, было бы выгоднее в таких условиях сосредоточить наши основные войска в двух-трех местах, тем более, что время идет к зиме. И организовать постоянное наблюдение за турками с помощью подвижных кавалерийских отрядов. В случае переправы турок, допускать их на значительное удаление от Дуная, лишая их тем самым поддержки артиллерии с высокого правого берега, и затем решительной атакой уничтожить. Тактика это не новая. Она успешно применялась Суворовым при Фокшанах и Рымнике... – доложил подполковник Эрироп.

– Но я не Суворов, Александр Григорьевич, – усмехнулся князь Горчаков и обратился к генералу Анрепу. – Вы подумайте над этим предложением, потому как подвижные отряды, в случае принятия предложения Александра Григорьевича, будут сформированы из состава вашего авангарда, тем более, что местность вами уже изучена. А теперь, – продолжил он, – давайте обговорим задачи, которые предстоит нам решать, если не сегодня, то уже завтра. Итак, в первую очередь, нам необходимо, я полагаю, организовать охранение основных расположений наших войск. Это я поручаю сделать вам, – обратился князь Горчаков к генералу Данненбергу. – Во-вторых, местом дислокации войск авангарда остается по-прежнему лагерь в районе Нижнего Арджика. Дополнительные подразделения, прикомандированные к авангарду, необходимо расположить в ближайших селениях Колибаш и Гостиноди. Что касается охранения береговой линии Дуная до крепости Силистрия, здесь я попрошу начальника штаба подгото-

вить приказ о формировании отряда из Ольвиопольского, Вознесенского уланских полков 34-го и Донского полка с местом нахождения отряда в Обилешти. Командовать отрядом я назначаю генерал-майора Богушевского.

В Малой Валахии в районе города Руссе-де-Веде, нам необходимо будет расположить еще один отряд в составе Ахтырского гусарского полка, трех батальонов Екатеринбургского полка, и двух-трех сотен казаков от 37-го Донского полка. Ну вот, в основном и все, господа, – сделал заключение князь Горчаков.

Кто будет командовать Маловалахским отрядом, князь Горчаков не назвал. По всей вероятности он не определил и сам и потому ни генерал Данненберг, ни генерал Анреп уточнять не стали.

– Да, и ещё, – словно спохватившись, добавил князь Горчаков. – Что касается тактики встречи противника и ведения боя в случае его переправы на левый берег, я считаю, лучшим способом будет уничтожить противника на переправе, не давая ему возможности высадиться на берег, где он сможет, пользуясь численным преимуществом, развернуть против нас крупномасштабные действия, лучший способ – отступить и уже потом, при подходе резерва, уничтожать, по-Суворовски.

При этих словах князь Горчаков посмотрел на подполковника Эриропа и чему-то улыбнулся.

2

В начале октября князь Горчаков подписал еще один приказ о формировании нескольких передовых отрядов из состава войск 4-го корпуса, определив им охрану левого берега Дуная от устья реки Веде, впадающей в Дунай, до озера Мостице и Карницелевского монастыря. Один отряд в составе Томского полка, трех батальонов Кольванского егерского полка с двумя пешими батареями и 40-м казачьим полком под общим командованием генерал-лейтенанта Соймонова должен был расположиться напротив турецкой крепости Журжи в селении Одая.

В Малой Валахии у Руссе-де-Веде расположился небольшой отряд под командованием генерал-лейтенанта Фишбаха. Однако вскоре отряд был усилен двумя батальонами Тобольского пехотного полка и 88-м Донским казачьим полками.

На левом фланге под командованием генерал-майора Павлова расположился еще один отряд. В него вошли Селингинский и Ольвиопольский уланские полки. Местом расположения отряда стал Будешти. И Якутский полк с артиллерией был расположен в селе Добрени, в 20-ти верстах от Будешти.

3 сотни 34-го Донского полка под командованием подполковника Власова разместились в Ольтенице с задачей вести наблюдение за левым берегом Дуная от озера Гряка до монастыря в Карницели.

Этим же приказом штаб 4-го пехотного корпуса был переведен в селение Добрени.

Перед отъездом в Добрени генерал Данненберг, прощаясь с князем Горчаковым, сказал:

– Михаил Дмитриевич, я понимаю ваше желание не допустить Омер-пашу на левый берег и ценю ваше слово, данное его величеству, избегать открытых столкновений с турками. Однако с того времени многое изменилось. Турция объявила нам войну и, таким образом, развязала руки государю, а вас избавила от данного ему слова. Почему же мы и далее должны придерживаться прежней тактике недопущения турецких войск на левый берег Дуная, а не вырабатываем новую тактику по уничтожению неприятеля повсеместно, где бы он не находился?

Князь Горчаков был слегка смущен прямоотой вопроса, однако ответил без обиды.

– Потому, что Россия еще не объявляла войну Турции, и на царе лежит ответственность за все, что происходит в Дунайских княжествах.

Генерал Данненберг укоризненно качнул головой.

– Михаил Дмитриевич, не сегодня, так завтра мы будем вынуждены ответить на объявление нам войны тем же! – сказал он. – И что тогда? Мы снова начнем менять дислокацию войск?

– Бог подскажет, что делать дальше, – уклончиво ответил князь Горчаков. – Я не могу нарушить данные мне предписания. Вы же сами знаете – в Петербурге этого не любят. Прощайте и да благословит вас Бог.

И князь Горчаков обнял генерала Данненберга за плечи.

...5 октября генерал Анреп доложил в Бухарест, что накануне несколько его пикетов были обстреляны с правого берега Дуная из стрелкового оружия. Почти одновременно пришло донесение и от генерала Фишбаха о скоплении турецких войск у Видино и подвозе в крепость большого количества снарядов, а также о передвижении турецкой колонны по направлению к Верхнему Дунаю.

Князь Горчаков тут же отправил Фишбаху приказ вести круглосуточное наблюдение за турецким берегом и пресекать любые попытки турок переправиться через Дунай.

...6 октября погода резко ухудшилась. Мелкий холодный дождь, начавшийся с раннего утра, перешел в ливень. Резко похолодало.

– Я не думаю, чтобы такая погода была по душе туркам, – сказал князь Горчаков за обеденным столом подполковнику Эрнропу. – Однако на всякий случай, отдайте распоряжение подтянуть часть войск к Браилову и Галацу и отправьте в Измаил депешу контр-адмиралу Мессеру, чтобы он, не мешкая, снарядил к Галацу два парохода и несколько канонерских лодок. И обязательно, Александр Григорьевич, поставьте об этом в известность генерала Лидерса. Чтобы не было лишних разговоров, – добавил он.

9 октября от генерала Лидерса пришел ответ, в котором сообщалось, что к Галацу вышли два парохода «Прут» и «Ординарец» с 8 канонерскими лодками под командованием капитана 2-го ранга Варпаховского. Генерал Лидерс доводил также до сведения князя Горчакова желание моряков пройти по Дунаю не ночью, как было предписано в целях безопасности, а днем, чтобы никто не мог сказать дурного слова в адрес Дунайской флотилии.

...Первой преградой на пути следования русской флотилии была турецкая крепость Исакчи.

11 октября в половине девятого утра флотилия показалась на виду у турок. По всей видимости, они не знали о выходе из Измаила русской флотилии, и ее появление перед крепостью стало для них полной неожиданностью. Турецкие орудия открыли огонь по реке.

Пароходы «Прут» и «Ординарец» с первых залпов из 36-и фунтовых пушек заставили турок прийти в смятение.

Канонерские лодки, став у бортов пароходов и, прикрывая собой их машинные отделения, из своих 24-х фунтовых орудий повели обстрел города и военного лагеря, расположенного на склоне к Дунаю.

В городе сразу в нескольких местах начались пожары. Одновременно генерал Лидерс, прибывший еще утром к селению Сатунов, где стоял Житомирский егерской полк, приказал для отвлечения внимания турок выдвинуть скрытно в камышовые заросли, которыми был покрыт весь левый берег, четыре пеших орудия, и под прикрытием двух взводов штуцерных стрелков ударить по крепости.

Бой длился немногим более часа. В начале одиннадцатого орудия в крепости смолкли, город горел, и турки спешно стали покидать свои укрепления в нижней части города.

Флотилия не спеша прошла Исакчи и стала подниматься вверх по Дунаю.

В этом первом бою было убито 14 моряков и среди них капитан 2-го ранга Варпаховский.

Об этом князь Горчаков узнал по прибытию флотилии в Галац и испытал двойное чувство: гордость за первый успех, что было немаловажно для войск и одновременно тревогу. Он не мог себе предположить, как отнесется к случившемуся государь...

К этой тревоге прибавилось и еще одна: начальник штаба подполковник Эрнроп доложил, что прошедшей ночью на своей квартире был убит австрийский наблюдатель при штабе майор Том.

– ... Странно, кто это мог сделать? – задумчиво произнес князь Горчаков, вдруг вспомнил свой разговор с консулом о майоре Томе.

«Нет, нет... Они этого не могли сделать... А впрочем... Чем чёрт не шутит...», – решил про себя Горчаков.

– В Петербург докладывать будем? – задал вопрос подполковник Эрироп.

Князь Горчаков побарабанил пальцами по столу.

– В Петербург не будем, а фельдмаршалу князю Паскевичу придется доложить, – решил он. – А каким образом он был убит? – поинтересовался Горчаков.

– Задушен веревкой, – пояснил подполковник Эрироп. – Следов борьбы не обнаружено. Надо полагать, он был знаком с тем, кто это сделал. Веревка была накинута сзади...

– Вы знаете, чем он занимался? – снова спросил Горчаков.

Подполковник Эрироп слегка пожал плечами.

– Он никогда не докладывал...

– Вот и я не знаю... Однако бог шельму метит, – добавил, перехватив на себе недоуменный взгляд подполковника Эриропа. И сменил тему разговора. – А генерал-то Лидерс молодец! Проследите, чтобы всех моряков поставили на довольствие и представьте к наградам особо отличившихся, – распорядился он. – Я полагаю, капитана 2-го ранга Варпаховского надо тоже представить к высочайшей награде. Но об этом я сам буду ходатайствовать перед государем. И похоронить его надо со всеми почестями... Как и всех остальных.

Приказав подполковнику Эриропу усилить охрану частных квартир, где проживали офицеры и генералы штаба, князь Горчаков в это же день выехал в Галац.

3

С приходом октября погода все чаще становилась унылой и зябкой. Низкие пепельного цвета облака и холодные сырые туманы сутками нависали над долиной Нижнего Дуная.

Проливные дожди лили чуть ли не каждый день.

Несмотря на такую погоду, турки ночами переправлялись небольшими отрядами на левобережье Дуная и из засад нападали на аванпосты, состоявшие в основном из Донских казаков и каждый раз получая отпор, в спешке ретировались на правый берег.

... 19 октября князь Горчаков получил срочную депешу из Варшавы от фельдмаршала Паскевича, который ставил его в известность, что 14 октября правительство России, наконец, объявило войну Турции.

– Слава богу! – выдохнул с облегчением князь Горчаков и перекрестился. Он тут же приказал дежурному офицеру вызвать начальника штаба подполковника Эриропа и довел до него содержание депешы.

– У меня тоже, Михаил Дмитриевич, новость, – в ответ сказал подполковник Эрироп. – Однако не из приятных. Я только что получил донесение от генерала Фишбаха. Он сообщает, что этой ночью многочисленный отряд турок, занимавших до этого остров Видино, переправился на нашу сторону и захватил Калафат...

– О, господи! – воскликнул князь Горчаков. – Что же все это в один день навалилось на нас!.. – Но, устыдившись своих невольных эмоций, тут же взял себя в руки и решительно продолжил. – Александр Григорьевич, прикажите немедленно генералу Фишбаху перекрыть дорогу на Крайово. Иначе беды не миновать. И очистить Калафат от турок.

... 20 октября в полдень такое же тревожное донесение пришло и от генерала Соймонова, который занимал своим отрядом селение Журжу. Его разъезды доложили, что вниз по Дунаю от Рушука идет турецкая флотилия с войсками.

Князь Горчаков собственноручно написал Соймонову: «Война объявлена. Приказываю действовать в соответствии с поставленной задачей».

Получив такое указание, генерал Соймонов распорядился скрытно установить в прибрежных зарослях кустарника две пешие артиллерийские батареи и стал ждать подхода неприятеля.

...Турецкая флотилия перед Журжи появилась утром следующего дня. Она состояла из пяти канонерских лодок и парохода, который вел на буксире галиот с пехотой.

Батареи тут же открыли огонь.

Одно из ядер ударило в борт парохода, затем второе. Пароход прибавил ход. Еще немного и он бы вместе с галиотом скрылся за длинным лесистым островом, но в это время от попадания очередного ядра на пароходе раздался взрыв и клубы густого пара и дыма окутали всю палубу.

Батарейцы перенесли огонь на галиот, который на веслах пытался обойти пароход, и через несколько минут он бы скрылся за островом, однако от попадания нескольких ядер потерял управление. Его развернуло течением и стало сносить на мель перед островом.

На берегу грянуло «Ура!». Батарейцы на радостях обнимали друг друга. К ним подошел генерал Соймонов, поблагодарил за хорошую стрельбу и приказал адъютанту выдать из казны по рублю каждому батарейцу.

В этот же день князю Горчакову доложили, что накануне в Туртукай прибыл сам Омер-Паша с 14-ти тысячным войском.

...Казачьи разъезды услышали стук топоров на острове против Туртукай еще в ночь с 19 на 20 октября. Доложили командиру сотни, однако тот насмешливо ответил: «Это турки себе гробы заготавливают». В следующую ночь разъезды снова услышали на острове шум работы. Утром решили провести разведку на лодках. Семеро смельчаков вызвались узнать, что там происходит.

По возвращению разведчики доложили: остров занят турками, которые роют окопы и строят деревянные лафеты под орудия.

На вопрос встревоженного сотника, сколько турок на острове, последовал ответ:

– ...Одним словом, много...

Переполошившись, командир сотни поскакал в селение Новые Ольтеницы доложить начальству о появлении турок на острове.

...В полдень турки начали переправляться на левый берег. Казачьи разъезды, увидев какое количество их переправляется на лодках, в замешательстве отошли к Новым Ольтеницам, и турки беспрепятственно заняли каменные развалины некогда существовавшего здесь для осмотра судов и товаров карантин.

О случившемся князю Горчакову доложил генерал Данненберг и, не дожидаясь от князя Горчакова ответа, приказал своему начальнику штаба подполковнику Володину, провести разведку местности перед Новой Ольтеницей, занятой турками.

К исходу дня подполковник Володин доложил о результатах разведки. Выслушав его, генерал Данненберг с мрачным удивлением произнес.

– Черт бы их побрал!.. И когда же они успели переправить столько войск и так укрепиться?..

– С собой турки переправили не менее тысячи болгар в качестве рабочих рук. И насыпь вокруг карантин и батареи они возвели руками болгар, – ответил подполковник Володин.

– Вы говорите и в Карантине, и в самой Новой Ольтенице турки расположили только пехоту. И как же они будут без конницы? – слегка задумавшись, спросил генерал Данненберг. – Не похоже на них...

– Я думаю, конницу они переправят в эту ночь... – продолжил подполковник Володин. – И еще: на правом берегу замечены работы, которые проводятся и, как правило, при установке орудий большого калибра. Что же касается местности для нашего наступления – хуже не бывает. Равнина от Дуная до Новой Ольтеницы во многих местах пересечена оврагами.

Правой стороной она прилегает к речке Арджик, вдоль которой густой непролазный кустарник сажень на сто, если не больше, что естественно затруднит передвижение наших войск. Местность перед самым карантинном, болотистая...

– Худо, – качнул головой генерал Данненберг. – Худо... – повторил он и тыльной стороной ладони потер лоб. – Есть над чем задуматься... Ну да ладно. Не так страшен черт, как его малюют. Выступаем по сбору войск у Старой Ольтеницы. Однако не позднее 23 числа, – приказал он.

Остаток дня генерал Данненберг провел в тревожном ожидании надвигающихся событий.

...За окнами дома, где расположился его штаб, начало уже смеркаться, когда к нему зашел подполковник Володин и доложил, что войска уже на подходе к Старой Ольтенице и, по всей видимости, к утру будут на месте.

– А что у турок? – поинтересовался генерал Данненберг.

– Переправляют конницу. А ниже карантина появились пять канонерских лодок, – ответил Володин и выжидающе посмотрел на генерала Даннеберга.

– Та-а-а-к... Сколько мы набираем войск? – и сам ответил на свой вопрос: – Я насчитал около 6 тысяч.

– Верно, – подтвердил подполковник Володин. – Это все, что мы можем на завтра выставить. Если бы еще день, другой...

– Ни в коем случае! – возразил Данненберг. – За день, другой они столько войск переправят, что нам с вами не поздоровится! Вы думаете Омер-паша пожаловал сюда для прогулки? Нет, голубчик мой! Он тут задумал что-то серьезное. Атакуем завтра, пока еще турки окончательно не укрепились! – и вдруг усмехнувшись, добавил: – Однажды я слышал от старого солдата слова: «В поле – две воли: кому бог поможет, тот и выиграет». Будем надеяться, что бог не оставит нас завтра...

4

С рассветом 23 октября войска уже в готовности стояли у старой Ольтеницы.

Генерал Данненберг приказал дать 4 часа на отдых всему личному составу.

В 9 утра он вызвал к себе командиров частей генералов Охтерлоне, Павлова и Сикстеля.

– Господа, – сказал он, не поднимая головы, – наберитесь терпения и выслушайте мой приказ. Итак, 1-й, 2-й и 3-й батальоны Селенгинского пехотного полка с батареей из 6-ти орудий и двух рот штуцерных стрелков составят правый фланг наступающих войск. Командование правым флангом я поручаю генерал-майору Охтерлоне. Вопросы ко мне есть? – Данненберг слегка приподнял голову и посмотрел на генерала Охтерлоне.

– Нет, – коротко ответил тот, вставая.

– Хорошо. Садитесь. Идем дальше, – продолжил Данненберг, снова опустив голову, словно, ему так было удобнее ставить задачу. – Батарею расположите справа от дороги, ведущей из Старой Ольтеницы к карантину с задачей, не допустить прорыва противника к селению. Левее батареи у вас будут стоять 4-й и 5-й батальоны Селингинского полка. Якутский пехотный полк в составе 4-х батальонов с 8-ю орудиями и саперной ротой – мой резерв. Он будет расположен позади Старой Ольтеницы. Левый фланг... – Генерал Данненберг сделал паузу и затем продолжил: – Он будет состоять из 6 батальонов Ольвиопольского уланского полка с приданной ему батареей и 34-го Донского полка. Командовать левым флангом поручаю генерал-майору Павлову. Можете не вставать, – сказал генерал Данненберг Павлову. – Вопросов у вас, надеюсь, нет. Далее. Генерал-майору Сикстелю поручаю командовать действиями всей артиллерии. Что еще я не сказал? – Данненберг снова приподнял голову. – За малым не забыл. Командиру 34-го Донского полка с выходом на рубеж атаки по команде убрать свои сотни на фланги, чтобы дать возможность конной батарее открыть огонь по неприятелю с близкого расстояния прямой наводкой. Теперь все, господа. С богом.

Данненберг встал, вышел из-за стола и, подойдя к каждому, мельком перекрестил.

...В половине первого войска получили приказ на наступление. Когда до карантина оставалось не более 400 сажений, по неприятелю дружно ударили 16 батарейных орудий. Турки открыли ответный огонь из пушек. Через несколько минут артиллерийской дуэли на территории карантина прогремели один за другим два сильных взрыва. По всей видимости, это взорвались зарядные ящики от попадания в них ядер.

На какое-то время огонь со стороны турок ослаб. Потом возобновился, однако как-то неуверенно, что позволило генералу Сикстелю продвинуть вперед орудия еще на 150 сажений, а атакующим батальонам Селингинского полка пройти вдоль берега речки Арджиса и оказаться в непосредственной близости от карантина.

Батальоны Якутского полка тоже продвинулись вперед и были готовы броситься на штурм.

Одновременно вся артиллерия правого фланга открыла огонь по турецким канонеркам, стоящим у пристани за карантин. Одна двухмачтовая лодка загорелась сразу. Другие поспешно отошли от пристани на середину Дуная.

Войска тут же ринулись на штурм так, словно горящий факел канонерской лодки послужил им сигналом.

До карантина оставалось не более шестидесяти сажений, когда впереди внезапно открылся свежевырытый ров. Штурмовые колонны остановились. Турецкая артиллерия, воспользовавшись заминкой наступающих, произвела несколько залпов картечью и нанесла ощутимый урон наступающим в первой линии Селенгинцам.

Невзирая на убийственный огонь, 1-й и 3-й батальоны Якутского полка преодолели ров и двинулись вперед. Но в это время с правого берега Дуная ударила тяжелая крепостная артиллерия.

Генерал Данненберг помрачнел, видя, как редуют прямо на глазах наступающие батальоны.

На взмыленной лошади к Данненбергу подскакал генерал Павлов и доложил, что охотники из Селенгинского и Якутского полков уже прорвались в карантин и ведут там бой, а турки снимают пушки с лафетов и увозят к пристани.

Генерал Данненберг будто не услышал его. Некоторое время он смотрел на то, что происходит перед укреплениями карантина, затем обернулся к генералу Павлову и тихо, но ясно произнес:

– Прикажите дать отбой атаке и отойти на прежний рубеж...

Генерал Павлов с недоумением посмотрел на Данненберга.

– Но турки вот-вот побегут! – возразил он.

– Выполняйте приказ! – уже жестоко повторил Данненберг. – Вы что не видите, какой ценой мы берем этот карантин? А дальше что? Они разнесут тяжелой артиллерией и этот карантин, и того, кто будет в нем!.. Достаточно того, что они уходят на правый берег!

Однако генерал Данненберг ошибся. Как только прозвучал сигнал к отходу, и войска стали строиться в колонны, из-за карантина вырвалась турецкая конница и понеслась вдоль рва, добывая у всех на глазах раненых, которых еще не успели собрать.

– Господи!.. Да что же это творится! – услышал у себя за спиной генерал Данненберг. Он оглянулся и увидел молодого солдата, который с ужасом смотрел на расправу турецкой конницы над ранеными.

Генерал Данненберг побледнел и подозревал порученца.

– Скачите к генералу Сикстелю и предайте мой приказ бить картечью по коннице! – распорядился он.

Однако порученец не успел отъехать и полсотни шагов, как с левого фланга ударили орудия и турецкую конницу, словно сдуло ветром. Нахлестывая коней, турки повернули назад и укрылись за карантинном.

Батальоны отходили нехотя. Кое-кто даже роптал, недовольный исходом боя.

С правого берега Дуная огонь тут же прекратился, хотя отходящие войска местами еще были в зоне досягаемости снарядов турецкой артиллерии.

К концу дня войска повсеместно отошли к Старой Ольтенице.

Перед селением в полутора верстах остался только заслон из двух батальонов Якутского полка с конной батареей.

Генерал Данненберг находился в подавленном настроении. Он был и уверен, и не уверен в своей правоте, отдав приказ прервать атаку и отвести войска на исходные позиции, в тот момент, когда казалось, успех уже был в его руках.

...В полночь генерал Данненберг, потеряв надежду уснуть, накинул шинель на плечи и пошел по коридору в конец здания, где находился штаб.

У двери кабинета начальника штаба стоял часовой.

– Он еще здесь? – спросил генерал Данненберг.

– Так точно, ваше высокопревосходительство! – бойко ответил часовой.

Генерал Данненберг открыл дверь и вошел в кабинет Володина. Тот сидел за столом, перебирая какие-то бумаги. Хотел было встать, однако генерал Данненберг показал Володину рукой, чтобы он продолжал работать.

Данненберг уже догадался: на столе у Володина лежали донесения из частей.

Опустившись на скривившийся стул, генерал Данненберг спросил, кивнув на бумаги:

– Рапорта?

– Рапорта...

– Большие потери?

– По тем данным, которые у меня уже есть, убито 4 офицера и 230 солдат, – ответил Володин. – А вот среди раненых... – Он взял в руки другой листок бумаги. – 11 штаб-офицеров, 31 обер-офицер и 693 нижних чинов. Всего выбыло из строя около тысячи человек...

Генерал Данненберг удрученно качнул головой.

– Многовато... – мрачно подытожил он. И словно оправдываясь, добавил: – Воевать, не в помирушки играть.

– А было бы еще больше, – сказал подполковник Володин.

Генерал Данненберг внимательно посмотрел на него, стараясь понять, почему он так сказал. Для того чтобы успокоить его или он тоже разделял точку зрения Данненберга на бессмысленность продолжения атаки на карантин?

– Вы в этом уверены? – все же уточнил Данненберг.

– Абсолютно, – ответил подполковник Володин. – Просто мы кое-что не учли, начав этот бой.

Генерал Данненберг согласился.

– Бог тому свидетель, – произнес он глухим голосом. – Я желал только победы, надеясь на благополучный исход. Но не любой ценой...

Володин взял со стола несколько рапортов и стал выборочно читать.

– ...Подполковник Пирогов и майор Гальс, командиры батальонов Селенгинского полка, получив тяжелые ранения, командовали батальонами, пока не лишились сознания... Командир 8-й роты капитан Конюк с четырьмя ранениями не вышел из боя... В Якутском полку... Командир 1-го батальона подполковник Сирюдери был трижды ранен, однако шел впереди батальона, пока не потерял сознание от большего истечения крови... Штабс-капитан Лютер...

– Достаточно, – прервал его генерал Данненберг. – У меня и так кошки на душе скребут... Генерал Павлов доложил мне, что в карантине вели бой подразделения охотников. Узнайте их имена.

– Там были две команды охотников во главе с поручиком Зиненко и прапорщиком Разделишиным... Оба скончались от ран. Что касается нижних чинов, я уже от вашего имени распорядился подготовить список всех оставшихся в живых для награждения, – доложил Володин.

Генерал Данненберг молча встал и направился к двери. Потом остановился и, не оборачиваясь, сказал.

– В этот список включите и погибших... Жив бог, живы и души погибших. Им тоже надо отдать должное...

5

Двадцать седьмого октября, во второй половине дня, князь Горчаков получил от фельдмаршала Паскевича письмо, в котором тот, не скрывая раздражения, писал:

«...Милостивый сударь, своими действиями при Ольтеницы вы возбудили всю Европу. Телеграфные агентства западных держав без устали передают сообщения о том, что Омерпаша, переправившись у Ольтеницы, разбил и заставил бежать русские войска, и что вот-вот он достигнет Бухареста.

Соизвольте объяснить, каким образом вы могли дать пищу нашим недоброжелателям в Европе, чтобы они могли нагло врать, нанося ущерб авторитету России, ее армии и Его императорскому Величеству?»

И без того болезненно мнительный князь Горчаков, прочитав письмо до конца, впал в смятение.

«Почему, – с горечью подумал он, отложив злосчастное письмо в сторону, – судьба судила мне пережить много дел доблестных, много дней кровавых, но мало радостных?..»

Сколько князь Горчаков помнил себя, в нем тайно всегда уживалось двоякое чувство. С одной стороны он гордился своим знатным происхождением от Черниговских князей, с другой, стыдился той бедности, в которой жило все его семейство в Костромской губернии.

Судьба улыбнулась ему, когда в 1807 году отец определил его юнкером в лейб-гвардейский артиллерийский батальон. Через два года он уже был адъютантом при командующем маркизе Паулуччи, участвовал в персидском походе и в войне с Наполеоном. За отличие в Бородинском сражении государь наградил его орденом святого Владимира с бантом. Казалось, все грустное в его жизни уже позади.

По окончании Отечественной войны он назначается генерал-адъютантом Его Императорского Величества. Потом была польская компания. В должности начальника штаба пехотного корпуса он участвовал в сражении при Варне. Затем был назначен командующим артиллерии армии. И, наконец, штабная работа при фельдмаршале Паскевиче.

Горчаков, не знавший страха в боях, всегда терялся перед фельдмаршалом, человеком неукротимым в своих эмоциях и пресекающим любое своеволие подчиненных. Не тогда ли у него появилась неуверенность и чувство сродни опасения?..

На другой день князь Горчаков выехал в Будешти, чтобы встретиться с генералом Данненбергом и на месте разобраться в случившемся.

На прямой вопрос Горчакова: «Извольте, сударь, объяснить, почему вы отдали приказ отступить?» генерал Данненберг спокойно ответил:

– У меня не было другого выбора, ваше сиятельство, – и, заметив выжидательный взгляд князя Горчакова, пояснил: – Я бы мог, не считаясь ни с чем, очистить карантин от неприятеля. Однако это означало бы погубить большую часть войск. Ибо, заняв карантин, я превратился бы в хорошую мишень для турецких батарей, размещенных на правом берегу Дуная и близлежащем острове. Зачем нужна победа, добытая такой кровью и не сулившая успеха в дальнейшем?

Князь Горчаков, с трудом сдерживая вспышку гнева, спросил:

– Зачем тогда вы начали дело, не оценив его до конца? Насколько мне известно, ваш начальник штаба подполковник Володин провел разведку местности и, видимо, доложил вам все о неприятеле? Или может не все?

На лице Данненберга не дрогнул ни один мускул. Он не собирался оправдывать себя. Это Горчаков понял сразу.

– Ваша светлость, подполковник Володин ни в чем не виноват. Все дело в том, что занятие турками острова напротив карантина началось в ночь с 19 на 20 октября. Разъезды его заметили и доложили по команде. Однако командир сотни не придавал этому значения и только через сутки доложил в полк. 22 числа турки уже заняли остров и переправились на левый берег. Ждать, когда они переправят на нашу сторону все свои силы и укрепятся, было делом еще более невыгодным. К утру 23 октября я собрал под Ольтеницы до 6-и тысяч человек. Ближайшие войска 1-я бригада 12-й пехотной дивизии и 12-я артиллерийская бригада были расположены от Ольтеницы, на значительном удалении и до Ольтеницы им потребовалось бы не менее суток движения. Следовательно, дело я мог начать не ранее 25 числа. Сколько войск за это время турки успели бы переправить на левый берег, знает один бог...

Генерал Данненберг видел по глазам князя Горчакова, что тот соглашается с ним, однако это не снимало с него вины. И это Данненберг понимал.

После доклада генерала Данненберга легче на душе у князя Горчакова не стало. Теперь он и сам не был уверен, что было бы лучше: поступить так, как это сделал генерал Данненберг, или все же дожидаться подхода необходимого числа войск и артиллерии.

«И что бы от этого изменилось? – подумал князь Горчаков. – Переход на правый берег все равно был бы невозможен... Действительно получается: волю Господню и на воронах не объедешь...»

Делать опрос генералов Павлова, Охтерлоне и Сикстеля с целью выяснения их мнения князь Горчаков не стал, чтобы не унижить авторитет генерала Данненберга.

Отпустив Данненберга, князь Горчаков еще раз мысленно проанализировал все, что произошло в тот день 23 октября. Войск и артиллерии не хватало – это бесспорно. По сведениям, которые князь Горчаков получил уже после сражения, Омер-паша переправил через Дунай более 15 тысяч войск, находящихся у него под рукой.

Единственно, в чем можно было упрекнуть генерала Данненберга, так это в отступлении от требований устава. Колонны в атаку генерал Данненберг повел повсеместно сплошной массовой без интервалов, лишив тем самым места для стрелков, которые должны были вести огонь по амбразурам карантина. Да и резерв, находящийся в 300 шагах позади колонн, затруднял действия артиллерии.

Однако докладывать об этом фельдмаршалу князю Паскевичу Горчакову не хотелось, тем более, что на второй день турки оставили Новую Ольтеницу и карантин и убралась восвояси. «Ни победы, ни поражения... Для войны это не худший исход дела...» – решил про себя князь Горчаков.

Предвидя, что Омер-паша попытается воспользоваться сложившимся положением под Старой Ольтеницей и той поддержкой, которая ему была оказана в европейских странах, Князь Горчаков, находясь в Будешти, принял решение усилить войска генерала Данненберга Одесским уланским полком с конно-легкой батареей. Через три дня, получив донесение от генерала Данненберга о том, что и под Туртукаем наблюдается скопление турецких войск, князь Горчаков приказал перевести из Бухареста в Будешти 12-ю пехотную дивизию, 11-ю артиллерийскую бригаду и 9-й Донской полк. Бугский уланский полк с артиллерией был направлен в Добрени, а 1-я бригада 11-й пехотной дивизии заняла Фундени.

Одновременно генералу Анрепу князь Горчаков приказал со своим авангардом в составе 6-и батальонов Охотского и Камчатского егерских полков ускоренным маршем двигаться к Негоешти и стать там в ожидании дальнейших действий.

Селение Слободзени занял генерал Богушевский. Ему были подчинены Вознесенский уланский полк и конно-легкая батарея с задачей охранять дорогу, соединяющую Валахию с Молдавией и Бессарабией.

И чутье князя Горчакова не подвело.

На рассвете 29 октября пять турецких батальонов, воспользовавшись туманом, снова переправились у Старой Ольтеницы на левый берег Дуная и заняли рубеж от карантина до устья реки Арджиса.

Днем с острова на левый берег стала переправляться кавалерия.

Князь Горчаков приказал генералу Данненбергу выдвинуть отряд генерал-майора Павлова к Старой Ольтенице, завязать с турками бой и отойти к Негоешти, чтобы была возможность отсечь турецкие войска, которые пойдут в наступление от берега и лишит их поддержки батарей с острова и с правобережья Дуная.

...31 октября рано утром отряд генерал-майора Павлова выступил к Старой Ольтенице. Однако уже в 12 часов дня головной дозор доложил, что турки подожгли карантин, взорвали каменные строения, разрушили и подожгли мост, построенный двумя днями ранее через речку Арджис, и ушли на правый берег Дуная.

Когда генерал Данненберг доложил об этом князю Горчакову, тот усомнился в достоверности доклада, приказал еще раз проверить и снова ему доложить.

К концу дня генерал Данненберг подтвердил достоверность своего первого доклада, добавив к нему, что турецкие войска очистили даже остров, разрушив на нем все батарейные сооружения.

Горчаков был в недоумении.

«...Значит, произошло что-то сверхъестественное, – подумал он. – Но что?..»

Князь Горчаков был еще более удивлен, когда 1 ноября в Будешти из Бухареста на имя Горчакова пришла депеша от подполковника Эрнропа. В ней сообщалось, что войска Омер-паши покинули левый берег Дуная под давлением Австрийского правительства.

Горчаков дал прочитать депешу генералу Данненбергу.

– Невероятно! – воскликнул тот, ознакомившись с содержанием депеши.

– Но факт, – задумчиво произнес князь Горчаков. – И все же мне кое-что не понятно. – продолжил он, расхаживая по комнате. – Занятие турками Калафата, который значительно ближе к австрийской границе, они не заметили, а здесь встревожились... Мне кажется тут кроется какая-то очень серьезная причина. А какая, я не знаю пока.

– А может все по-другому, – сказал генерал Данненберг, внимательно выслушав князя Горчакова. И продолжил: – Воевать на открытой местности турки не могут. Да и сам Омер-паша за всю свою службу отличился всего два раза. Первый раз, когда служил писарем у турецкого военного министра, следил за каждым его шагом и передавал все, что знал и видел Верховному визирю. И второй раз, когда подавлял восстание в Боснии и Герцеговине, где сжигал целые деревни христиан, изгонял их с родных мест, натравляя на них магометан.

Довод генерала Данненберга князю Горчакову показался не убедительным, однако, сам факт спешного отступления Омер-паши был налицо, и по характеру ухода турок с левого берега можно было сделать вывод, что они уже не собираются здесь вести переправу в ближайшее время.

Выждав еще сутки и убедившись, что турок нет и в самом Туртукае, князь Горчаков приказал генералу Данненбергу сосредоточенные под Будешти войска расположить по квартирам между Будешти и Бухарестом.

Под Ольтеницей он оставил авангард под командованием генерал-майора Павлова, подчинив ему Селенгинский и Камчатский егерские полки, Успенский полк с артиллерией и одной ротой 5-го саперного батальона.

2 ноября князь Горчаков выехал в Бухарест.

6

Не прошло и суток после возвращения князя Горчакова в Бухарест, как вновь пришли тревожные вести на этот раз от генерала Соймонова: турецкие войска из крепости Рушук начали переправляться на островов Макан, находящихся напротив крепости.

Князь Горчаков тут же распорядился на случай переправы неприятеля с острова на левый берег всеми силами воспрепятствовать этому, однако в крупное дело не втягиваться.

Получив приказ, генерал Саймонов, прошедший за свои долгие годы службы, как он сам любил выражаться «Крым, Рим и медные трубы», решил действовать на упреждение.

Его войска занимали позиции у селения Журжи, что находилось в восьми верстах от Рущука.

Ночью генерал Саймонов выдвинул часть своих войск к Дунаю. А перед рассветом, воспользовавшись густым туманом, приказал скрытно подвезти батарею из 10-и конных орудий под прикрытием стрелкового батальона Томского полка к самому урезу воды напротив острова Макан.

Когда батарея заняла свою позицию, генерал Саймонов подозвал к себе командира батареи капитана Калинина, перекрестил его и сказал:

– Ну, с богом, капитан...

Громовой залп батареи в предрассветный час раскатистым оглушительным эхом покатился над темно-зелеными водами Дуная.

За первым залпом последовал второй, потом третий, осыпая остров ядрами и гранатами.

Орудия били без перерыва около часа, сотрясая хрустально-холодный воздух гулками разрывами на острове. Пока гремели орудия, генерал Саймонов приказал командиру Томского батальона полковнику Нефедову выслать к острову на лодках команду штуцерных из 80 добровольцев во главе с поручиком Чаплинским.

Как только лодки пристали к острову, огонь батареи тут же прекратили. И охотники стали подниматься на высокую кручу, цепляясь за выступы глины и коренья.

Уже наверху поручик Чаплинский разделил десант на четыре группы. Не прошли по лесу и сотни шагов, как впереди открылась большая поляна, по которой были густо разбросаны тела убитых турок, дымились воронки, и отовсюду несло едкой гарью.

Поручик Чаплинский наспех посчитал тела убитых и то только тех, которые были видны. Их оказалось около полусотни.

– Ну что, братцы, вперед, – скомандовал он.

Когда они были уже на середине поляны, из леса гурьбой вдруг вышли турки.

Увидев русских, турки остановились и с недоумением стали смотреть на них. Появление русских на острове было для них такой неожиданностью, что они на какое-то время опешили. Затем, что-то выкрикивая, бросились назад.

Времени на размышление у поручика Чаплинского не оставалось.

– Братцы, за мной! – крикнул он и изо всех сил побежал через поляну. Оглянулся только раз, чтобы убедиться – не отстал ли кто.

Охотники настигли турок на краю поляны, в дальнем углу которой виднелись свежерытые землянки, рядом находилось несколько пеших орудий и десятков прислуги. За прогалиной просматривался противоположный берег Дуная.

Турок, которых настигли на краю прогалины, перекололи в одно мгновение.

Артиллерийская прислуга бросилась бежать к берегу. Из землянок тоже стали выскакивать турки и, не понимая, что происходит, побежали к берегу.

Охотники в запале погнались за ними. На берегу они увидели еще около сотни турок, которые спешно грузились в лодки.

Преследовать дальше убегающих по берегу турок, охотники не стали, чтобы самим не оказаться под огнем крепостной артиллерии Рущука.

К своим лодкам охотники возвращались шумно, возбужденные успешным скоротечным боем.

На поляне кто-то из охотников снял с убитого офицера кожаный подсумок и извлек из него какие-то бумаги, покрутил их в руках и отдал поручику Чаплинскому.

Чаплинский взял бумаги и сунул в карман мундира.

– Посмотрим потом, – сказал он. – А сейчас быстро к лодкам.

...Когда полковник Нефедов доложил генералу Соймонову о результатах рейда охотников, тот, не скрывая радости, поздравил его с успехом и сказал:

– Поручика Чаплинского представьте к награде, рядовых поблагодарите за храбрость и выдайте им по чарке водки. Они здорово напугали турок.

– ...Поручик Чаплинский привез с острова интересные бумаги, – продолжил полковник Нефедов и подал генералу Соймонову вчетверо сложенные листки. – Насколько я понял – это донесение английского офицера. Вот только кому, не ясно...

Генерал Соймонов взял бумаги, развернул их. Действительно, текст был написан на английском языке.

Генерал Соймонов, прекрасно владея английским языком, стал внимательно читать и обратил внимание на слова: «...Турки совершенно не способны к аванпостовой службе, равно как боснийцы и албанцы – лучшие из турецких частей. Одни только некрасовцы содержат передовую цепь так зорко, как это делают русские...»

Генерал Соймонов выругался.

– И здесь некрасовцы объявились!.. Христопродавцы чертовы! Расползлись, как слепые котята от матери и шкodyт. Чужая сторона не прибавила им ума. Надо отдать приказ войскам – в плен некрасовцев не брать!..– жестоко добавил он.

– Да они и не сдаются, – заметил полковник Нефедов. – Это уже известно давно.

На следующий день генерал Соймонов распорядился усилить артиллерийскую позицию на берегу Дуная, обложив орудия мешками с землей и устроив амбразуры. Однако турки на острове не появлялись ни в этот, ни на другой день.

...5 ноября генерал Соймонов приказал собрать все лодки и переправить на остров Макан саперную роту, чтобы срыть там турецкие землянки, а уцелевшие лафеты под орудия сжечь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Поездку канцлера графа Нессельроде 6 ноября в Киев на торжества по случаю закрытия Всероссийской ярмарки и конных скачек неожиданно пришлось отменить.

В день отъезда Нессельроде потребовал к себе Николай I. Когда Нессельроде появился в приемной его величества, дежурный флигель-адъютант доложил, что государь ждет его и, что князь Долгоруков уже у государя.

Войдя в кабинет Николая I, Нессельроде сразу обратил внимание на то, что государь чем-то расстроен.

На приветствие Нессельроде Николай I ответил сдержанно и указал на кресло рядом с военным министром.

– Присаживайтесь, Карл Васильевич, – сказал он мрачно. – Мы сейчас заканчиваем разговор с Василием Андреевичем, а вы послушайте. Это касается не только военного министра, но и всего кабинета министров. Продолжайте, Василий Андреевич.

Князь Долгоруков перевел взгляд на государя. По всему было заметно, что разговор с Николаем I у него был не легким.

– ... Всего на сегодняшний день, ваше величество, на Кавказе в подчинении князя Воронцова находится 130 батальонов, Нижегородский драгунский полк, состоящий из 11 эскадронов, один казачий полк и один милицейский полк. Дополнительно по вашему указанию в распоряжение князя Воронцова направлены полк князя Аргутинского-Долгорукова, который ранее, как вы знаете, стоял в Закаталах, три пехотных полка с лезгинской оборонительной линии под общим командованием князя Орбелиани и переведена из Севастополя 13-я пехотная дивизия. В ближайшие дни в подчинение князя Воронцова поступят еще два батальона Куринского полка, – и военный министр сделал паузу.

– Все, Василий Андреевич? – нетерпеливо спросил Николай I.

– Да, ваше величество, – ответил князь Долгоруков, но тут же добавил: – Однако для ведения полномасштабных боевых действий этих сил будет не достаточно. Турки уже с конца августа начали собирать сильную армию на территории Анатолийской области с привлечением английских офицеров...

Все, о чем говорил князь Долгоруков, Нессельроде знал. Как и то, что укрепление границы с Турцией военным ведомством до этого времени особо не бралось во внимание. Да и сам наместник князь Воронцов в свои 72 года, хотя и был почитаем государем, однако со временем больше заботился о своих болезнях, чем о военных делах.

– А что у нас с крепостями? – поинтересовался государь.

...Нессельроде успел заметить за время пребывания в кабинете государя, что Николай I недоволен докладом князя Долгорукова.

«Однако, зачем я здесь? – мелькнула в голове Нессельроде тревожная мысль. – К военным делам я не имею прямого отношения...»

Подумал и тут же опроверг свою мысль. Без него не решался ни один военный вопрос.

– С крепостными, ваше величество, как и раньше, – ответил князь Долгоруков и почему-то посмотрел в сторону Нессельроде.

«... Сейчас скажет про деньги, которые я запретил выделять на крепости еще год тому назад», – подумал Нессельроде и почувствовал, как в глубине души его стал появляться противный леденящий холодок.

Однако князь Долгоруков этого не сделал.

– ...Александрополь, – продолжил он, – остается главной крепостью в силу своего расположения в 68 верстах от турецкой крепости Карса, а Карса, как вы знаете, прямая дорога в Анатолийскую область Турции и далее к Константинополю. Не менее важна в настоящее время и крепость Ахалцых. Она запирает дорогу, идущую со стороны Карса на Ардаган и далее вглубь нашей территории. На южном фланге границу с Турцией и Персией прикрывает крепость Эривань... Она в хорошем состоянии...

– Эривань не просто крепость. Это ворота на пути от Баязета через Ченгильские горы и Аракс, – заметил государь. И добавил: – Я там был...

При этих словах Николай I чему-то улыбнулся.

– Что еще? – спросил он и согнал с лица случайную улыбку.

– Vfit величество, в случае начала боевых действий в Закавказье, – продолжил князь Долгоруков, – крепости Ахалцых и Эривань навряд-ли смогут выдержать серьезные осады...

– Почему? – Николай I с удивлением посмотрел на князя Долгорукова, но тот нисколько не смутившись, ответил:

– Ваше величество, что касается Ахалцыха – она построена на хорошем месте, однако в ней нет воды. Эривань недостаточно вооружена. Остается Александрополь. Но и здесь не все в порядке. Турки, когда строили ее, не учли наличие с северо-западной стороны множество мертвых зон: мест легко преодолеваемых, не рискуя быть пораженным огнем из крепости. Вооружение тоже недостаточное. Казематов мало. А это означает, если противник займет соседние высоты и поставит на них мортиры, крепость долго не продержится...

– Да-а-а, – задумчиво произнес государь. – Картину вы мне, Василий Андреевич, нарисовали мрачную... – Он внимательно, даже как-то оценивающе, посмотрел на военного министра. – А почему вы решили, что мы будем обороняться? – вдруг спросил Николай I.

– Ваше величество, впереди зима!.. – слегка растерялся князь Долгоруков. – И дороги в горах будут непроходимы...

– Это верно, – согласился Николай I, перебив военного министра, и обратился к Нессельроде. – Карл Васильевич, надеюсь, не забыли, о чем в августе мы с вами беседовали в присутствии князя Бебутова? Тогда вы предложили мне возложить на него обязанности начальника гражданского управления Закавказского края.

– Помню, ваше величество? – с поспешной готовностью ответил Нессельроде и сделал попытку встать, однако государь жестом показал ему, чтобы он сидел.

– Тогда же у нас с вами шел разговор о назначении князя Бебутова на случай открытия в Закавказье военных действий, командующим корпусом, который должен формироваться в Александрополе...

– Да, ваше величество, – подтвердил Нессельроде.

– Однако прошло уже более двух месяцев, а я не припоминаю, чтобы подписывал Указ о его назначении.

Нессельроде слегка побледнел и на его лбу появились мелкие капли пота.

– Ваше величество, – вступил в разговор князь Долгоруков. – Я прошу прощения, но Бебутов Василий Осипович сразу же после отъезда из Петербурга на Кавказ заболел лихорадкой и, возложенные на его вашим величеством обязанности, все это время выполнял начальник штаба Кавказского корпуса генерал-адъютант Александр Иванович Барятинский.

Нессельроде ожидал неминуемого гнева государя, однако тот отнесся к словам князя Долгорукова спокойно.

– Надеюсь, Бебутов уже здоров? – уточнил государь, снова обращаясь к Нессельроде.

– Да, ваше величество, – все так же торопливо ответил тот. И добавил: – Проект о его назначении уже находится в вашей канцелярии. Если вы соизволите, завтра вам подадут их на подпись...

– Почему завтра? Прикажите принести сегодня, – сказал Николай I. – Время не терпит. И ещё, – государь слегка задумался, потом продолжил: – Насколько мне известно, состояние здоровья самого князя Воронцова желает быть лучшим и ему, по всей видимости, не под силу станет в полной мере командовать войсками, поэтому я предлагаю оставить за князем Воронцовым, как моим наместником и человеком, знающим все тонкости взаимоотношений среди кавказских племен, общее руководство на Кавказе. А князю Бебутову поручить командование действующими войсками на протяжении всей нашей границы с Турцией.

Нессельроде слегка кивнул головой. Он уже понял: гроза над ним пронеслась, а несостоявшийся Указ государя о назначениях князя Бебутова надо полностью переделывать.

– Князь Воронцов не так давно писал мне, – продолжил тем временем Николай I, – что население Кавказа относится к нам по-разному. Живущие в приграничной полосе армяне, по его мнению, будут на нашей стороне. Турки гнетут их безбожно и лишают всяческих прав. Их спасение зависит от нас. Что касается татар – Воронцов утверждает, что они до сих пор помнят Ермолова и Паскевича, и будут бояться выступать против нас. Пишет и о духоборцах. Какими бы они не были, однако к православной вере они ближе, чем мусульманской. Надо исключить всяческие притеснения их со стороны наших властей. Курдские же племена испокон веков жили разбоем и, навряд ли добровольно пойдут к кому-либо на службу. Теперь, что касается возможных военных действий. Надо полагать, они уже начались, – Николай I поочередно посмотрел сначала на Нессельроде, затем на Долгорукова. – Но мне до сих пор толком никто не доложил, каким образом турки захватили наш пост Святого Николая и что там произошло.

Упрек явно относился к князю Долгорукову.

– Ваше величество, я могу доложить, – сказал князь Долгоруков, вставая с места.

– Ну, извольте, Василий Андреевич, – усмехнулся государь...

– Ваше величество, все произошло внезапно. В ночь с 15 на 16 октября турецкий отряд численностью до пяти тысяч человек атаковал наш пост, который был предназначен к ликвидации и охранялся двумя неполными ротами Черноморского линейного батальона и полусотней казаков с милицией. Командовал постом капитан Щербаков...

– Я это знаю, – помрачнев, сказал государь.

– У капитана Щербакова был приказ охранять пост до вывоза из складов продовольственных запасов. Но так как провиант не был вывезен, охрана продолжалась. В ходе боя весь гарнизон был перебит, склады сожжены. Умиравших и раненых турки добивали самыми зверскими способами. Иероманаху Серафиму, который правил службой на посту, отрезали голову...

Николай I сокрушенно вздохнул, однако не проронил ни слова. Так прошло несколько минут. Наконец, он тихо заговорил:

– Прости меня, господи за такие мысли, но неужели я должен терпеть бесчеловечное зло? И, если оно не будет наказуемо, превратится в чудовище, которое не пощадит ни нас, ни наших потомков, Я не сторонник священных походов и тем более войн. Но жизнь показала: есть еще немало людей фанатично настроенных для того, чтобы истребить всех в угоду своему, как они думают, богу. Их можно сравнить с дикарями, которые приносили в жертву себе подобных. Это даже не люди. Они хуже зверей. Если все в мире творится не нашим умом, а твоим судом, накажи их. Заставь испытать их тоже самое, что испытали их жертвы в последние мгновения своей жизни... – горькие слова государя звучали с надрывом, как молитва, и Нессельроде, и Долгоруков вдруг услышали в них решимость Николая I пройти начатый им путь до конца.

2

...Князь Воронцов никак не мог привыкнуть к мысли, что мир и спокойствие на Кавказе снова нарушены. И хотя в Тифлисе стояла удивительно тихая осень, и все здесь дышало успокоительной негой и целомудрием, а яркие краски уходящей осени по-прежнему отсвечивались в лучах еще ласкового солнца сказочной красотой.

Известие о нападении турок на пост Святого Николая потрясло князя Воронцова до глубины души. Он не мог допустить и мысли о таком.

Спустя неделю после резни на посту Святого Николая ему сообщили, что под Карсом турки сосредотачивают армию численностью до 40 тысяч человек во главе с Абди-пашой и, что часть войск со дня на день выступит к Ардагану, другая – к Александрополю.

Надо было что-то срочно предпринимать.

Князь Воронцов почувствовал облегчение на душе, когда получил из Петербурга Указ его величества о назначении генерал-лейтенанта Бебутова командующим действующими войсками на кавказско-турецкой границе. Он тут же распорядился ординарцу ехать к князю Бебутову и сообщить ему, чтобы тот немедленно прибыл во дворец.

Князя Бебутова Воронцов уважал, чего нельзя было сказать по отношению к другим подчиненным, по мнению самого Воронцова, льстецов и казнокрадов.

Князь Бебутов принадлежал к почетному армянскому роду. Он был один из немногих горцев, кто получил образование в России и был взят на службу к себе тогдашним наместником на Кавказе маркизом Пауллуччи.

Затем верой и правдой служил у Ермолова и Паскевича. Участвовал в войне с турками в 1828 году. Уже при Воронцове князь Бебутов командовал войсками, которые разбили в 1846 году отряды Шамиля на Кутишинских позициях, за что Воронцов представил князя Бебутова к награде орденом Святого Георгия.

...Князь Бебутов прибыл так скоро, что Воронцов не успел даже переодеться и принял его в домашнем халате и легких туфлях на босую ногу.

– Вы уж меня, Василий Осипович, извините, – сказал Воронцов, провожая Бебутова в гостиную. – Ну что... поздравляю вас. Указом его величества государя Николая Павловича вы назначены командующим действующими войсками на всей кавказской границе.

И показал Бебутову Указ Николая I. Дождавшись, когда тот прочитал Указ, спросил:

– Ну, что сударь? Довольны?

Князь Бебутов, подавив в себе вспыхнувшее чувство радости и удовлетворения, спокойно ответил.

– Клянусь вам, я оправдаю высокую милость его величества и то доверие, которое вы мне оказали.

Ответ Бебутова пришелся по душе Воронцову.

– Ну, будет вам льстить мне. Я здесь не причем, – сказал он. – Благодарите государя и самого себя. – Усадив гостя в кресло, продолжил: – Я буду вам, Василий Осипович, благодарен, если вы, не теряя времени, отправитесь в Александрополь и на месте примете все необходимые решения. Что касается Тифлисского военного губернатора князя Андроникова, о котором мы с вами говорили не так давно, нынче же отправлю его в Ахалцых начальником тамошнего отряда. Время не терпит. Турки, по всей видимости, загорелись войной. Ну что ж... Будет им война. А вам я пожелаю успеха. Да хранит вас бог... И помните, перед ним и государем нам ответ держать.

И старый князь Воронцов сначала перекрестил Бебутова, затем обнял.

...В Александрополь князь Бебутов прибыл через три дня. К этому времени гарнизон крепости состоял из Нижегородского драгунского полка, 7-ми казачьих сотен, 5-и сотен коней милиции из горцев и грузинского пехотного полка. Всего около 12-ти тысяч человек с 43 пешими и 14 конными орудиями.

На первом же военном Совете командир грузинского полка генерал князь Орбелиани (он же и начальник гарнизона), доложил Бебутову о замеченных движениях на дорогах по направлению к Александрополю нескольких небольших отрядов турецких войск.

– ...Главные силы турок расположились в селении Баш-Шурагели и занимают правый берег реки Арпачая. Это в 20-и верстах от нас, – пояснил генерал Орбелиани.

Князь Бебутов обвел взглядом присутствующих на Совете командиров.

– Что, господа, будем делать? – задал он всем вопрос. – Ждать, когда турки нападут на нас, или упредим их нападение, которое Абди-паша навряд-ли ждет. – И по лицам, и по глазам командиров понял: отсиживаться в крепости никто не собирается.

...На рассвете следующего дня, когда еще ночные тени только начали таять, а над горным хребтом появились чуть заметные проталины рождающейся утренней зари, из города вышел отряд под командованием генерала Орбелиани в составе 3-х батальонов пехоты, 4-х эскадронов Нижегородского драгунского полка, 3-х казачьих и 2-х сотен местной милиции. Два десятка орудий прогромыхали по каменной дороге, позади колонны, всполошив жителей Александрополя.

И сразу же по городу полетел слух «Турки напали!..»

По выходу отряда из города к князю Орбелиани подъехал на красавце-алхитинце командир второго батальона полковник Тихотский.

– Ваша светлость, неприятель не так уж и далеко, – сказал он. – Не мешало бы выслать авангард...

Князь Орбелиани усмехнулся.

– Зачем? Мы и так знаем, где они стоят.

Солнце уже поднялось высоко над головой, когда отряд прошел селение Караклис. Отсюда до Баш-Шурагеля, где должны находиться основные турецкие силы, было не более полутора часов движения.

Полковник Тихотский, озабоченный тем, что в селении Караклис не оказалось ни одной живой души, снова подъехал к князю Орбелиани.

– Ваша светлость, не нравится мне все это... – сказал он. – Если людей в селении нет, значит, турки знают о нашем выходе из города.

Князь Орбелиани и сам уже встревоженный отсутствием жителей в селении, приказал выслать впереди отряда авангард в составе двух сотен казаков и сотни местной милиции.

...Как только авангард миновал Караклис и начал спускаться в низину, по дну которой протекала небольшая, но шумная речка, со стороны ближайшей высоты по авангарду ударили орудия.

Сотня конной милиции тут же повернулась назад и, нахлестывая коней, через несколько минут скрылась из вида.

Увидев эту картину, подъехавший с отрядом князь Орбелиани выругался.

– Трусливые шакалы! Нет у них ни совести, ни чести! – выругался он.

– Ваша светлость, – обратился к нему полковник Тихотский, – нам следует как можно быстрее преодолеть низину, пока они ещё не пристрелялись.

Князь Орбелиани согласился с мнением полковника Тихотского и отдал приказ отряду ускоренным маршем двигаться вперед и сходу занять рубежи на выходе из низины на случай атаки неприятеля.

Пока отряд занимал выбранную князем Орбелиани позицию, на правом фланге неведь откуда появилась турецкая конница и с криком бросилась к обозу, который оказался на виду. Однако, поблизости оказались нижегородские драгуны. Они выждали, когда турецкая конница преодолеет неглубокий овраг, проходящий вдоль дороги, и сами ринулись в атаку. После короткой, но жаркой схватки опрокинули турок в овраг и заставили их спасаться бегством.

Пока шла схватка с турецкой конницей на правом фланге, оставшаяся сотня милиции снялась без приказа с позиции и ускакала по дороге на Караклис.

Князь Орбелиани в припадке гнева приказал стрелять им вслед, но в это время услышал за своей спиной чей-то голос.

– Ваша светлость! Смотрите!.. Баши-бузуки!..

Конница баши-бузуков появилась на левом фланге и стремительно приближалась к позициям пехотных батальонов, которые уже встраивались в каре для обороны.

– Ну, вот теперь и они попались... – медленно, почти по слогам произнес князь Орбелиани.

Когда турецкая конница оказалась на расстоянии пушечного выстрела, батальоны разомкнулись и баши-бузуки оказались против орудий. Торопливые залпы загремели один за другим. Затем началась беспорядочная стрельба. Ядра прошивали турецкую конницу, нанося ей тяжелый урон.

Часть баши-бузуков бросилась влево, другие, пытаясь повернуть назад, создавая толчею, в которой гибли и люди, и кони. Наиболее отчаянные все же прорвались к передней линии обороны батальонов, но и здесь их встретили плотным ружейным огнем, уцелевшие повернули назад.

...Артиллерийский гул от непрерывной канонады со стороны селения Караклис был слышен даже в Александрополе.

Князь Бебутов тут же приказал собрать оставшиеся войска и выстроить их на выходе из города.

Вскоре князю Бебутову доложили о готовности отряда к выступлению. Он поехал в голову колонны и тут увидел группу женщин, которые стояли у обочины дороги. Многие держали на руках детей.

Женщины безмолвно наблюдали за тем, что происходит.

– Почему они здесь? – спросил князь Бебутов у командира нижегородского полка полковника Хромова.

– Женщины пришли просить вас не пускать турок в город. Иначе всех жителей вырежут, – пояснил тот.

Князь Бебутов был немало удивлен такому ответу. Он подъехал к женщинам. При его приближении те опустились на колени и склонили головы.

У Бебутова мурашки побежали по коже. Он вдруг почувствовал, что у него вот-вот перехватит дыхание от охватившего его волнения и стыда.

– Встаньте, – сказал он. – Я вас прошу, вставайте! И никогда не опускайтесь на колени перед человеком в погонах. Это его обязанность защитить вас. Турок в городе не будет! Даю вам слово. Расходитесь по домам с миром!..

Бебутов крутнул коня и поскакал в голову колонны. За ним последовали штабные офицеры.

Впереди отряда сразу же был выслан усиленный авангард из двух эскадронов драгун с четырьмя конными орудиями.

Солнце уже клонилось к закату, где величественно возвышались остроконечные выступы горного хребта, а гром артиллерийской канонады со стороны Караклиса то стихал, то усиливался.

Бебутов приказал ускорить движение колонны.

До селения Караклиса оставалось не более двух верст, когда от авангарда прискакал связной и доложил, что турки спешно снимают с позиций орудия и уходят по дороге в сторону Баш-Шурагеля.

Бебутов мысленно перекрестился. «Вот и хорошо, – подумал он. – Святым делом сам бог правит...»

...Князь Воронцов неделю не покидал свой дворец. И годы давали о себе знать, а тут еще и беда приключилась: оступился на ровном месте и растянул мышцу голени.

Когда ему доложили, что со срочным докладом прибыл начальник штаба экспедиционного корпуса генерал-адъютант Барятинский с депешей от князя Бебутова, Воронцов сразу забыл о своих болячках. Размашисто перекрестился и произнес:

– Слава тебе, господи!.. Наконец-то!..

Князь Бебутов в своей депеше докладывал об итогах боя под селением Караклис.

Депеша заканчивалась словами: «...На рассвете 14 ноября я переправился через речку Арапчой, выслав вперед авангард из конницы в сторону селения Баш-Шурагель. Однако, вскоре авангард вернулся назад. Селение Баш-Шурагель оказалось пустым. Местные жители рассказали, что турецкие войска еще ночью отступили по дороге к Карсу.»

Прочитав депешу, князь Воронцов прищелкнул языком.

– Ну и шельма этот Абди-паша, – задумчиво произнес он. И тут же обратился к Баратинскому. – Александр Иванович, вы догадываетесь, на что он рассчитывал?

– Догадываюсь, – ответил тот. – Между Баш-Шургалем и крепостью Карсом под селением Баш-Кадыкларом у турок подготовлены выгодные во всех отношениях оборонительные позиции. Надо полагать, Абди-паша надеется, заняв эту позицию и имея в тылу крепость Карс с её резервами, разбить Александропольский отряд и, таким образом, открыть себе дорогу на нашу территорию.

Князь Воронцов утвердительно кивнул головой.

– Верно, Александр Иванович, – сказал он, по-прежнему пребывая в легкой задумчивости. Но затем оживился и продолжил: – Мне известно и другое, – при этих словах Воронцов медленно поднялся из кресла и, слегка прихрамывая, заходил по кабинету. – Абди-паша образованный человек. И образование он получил не где-нибудь, а в Вене. Значит он еще человек и светский. Чего нельзя сказать о его начальнике штаба Ахмет-паше. Это религиозный фанатик до мозга костей, имеющий связи с янычарами, коих не любит нынешний султан Порты. К тому же Ахмет-паша питает лютую ненависть к нам. Иначе, как собаками, он нас не называет. Так вот, этот Ахмет-паша спит и видит себя на месте Абдим-паши. – Князь Воронцов перестал ходить и снова опустился в кресло. Видимо, ходьба и боль, которая все еще ощущалась, мешала ему мыслить.

– Александр Иванович, вы поняли, о чем я говорю? – задал вопрос Воронцов, облокотившись на стол.

– Если сказать честно, Михаил Семенович, нет, – признался Барятинский.

– Я предлагаю поиграть с ними в кошки-мышки, – сказал князь Воронцов и, видя, что Барятинский по-прежнему не догадывается, о чем он говорит, пояснил: – У меня есть прекрасная возможность через венского консула в Персии подлить масло в огонь и внести раздор между командующим и его начальником штаба, а заодно посеять к ним обоим недоверие со стороны султана. Это будет не хуже выигранного сражения! – добавил Воронцов и хитро улыбнулся. – Но это уже моя забота. Давайте вернемся к делам более насущным на сегодняшний день. Как я понял, Бебутов находится с отрядом у селения Баш-Шурагель?

– Да, Михаил Семенович.

– Вот и прекрасно... Пусть побудет там несколько дней и возвращается в Александрополь. Нужно подумать и о войсках. Не лето на улице... А нам с вами пришло самое время позаботиться теперь о безопасности Ахалцыха, дабы не дать туркам пройти здесь в Мингрелию и Гурию. Князь Андронников, насколько я знаю, уже прибыл в Ахалцых?

– Да, ваша светлость, – ответил Барятинский. – Позвольте узнать, где теперь находится прежнему начальнику штаба генералу Ковалевскому?

Князь Воронцов снова слегка задумался. Оставлять в крепости двух генералов, нынешнего и бывшего командира отряда, было неблагоразумно. Тем более, что князь Воронцов знал: генерал Ковалевский, при всей своей располагающей внешности, был резкий и даже мстительный.

Причиной смещения его с начальства над Ахалцыхским отрядом послужили события, которые произошли 30 октября. В этот день несколько банд баши-бузуков в количестве до полутора тысяч человек перешли границу на Ахалцыхском участке и начали грабить селе-

ния, убивая их жителей. На второй день границу перешли сувари – регулярная турецкая конница. Они опрокинули на пути к Ахалцыху заслон, состоящий из нескольких сотен казаков и конной осетинской милиции, и двинулись в направлении на Боржом.

Генерал Ковалевский не то струсил, не то растерялся. Он приказал войскам запереться в крепости и готовиться к осаде. Однако баши-бузуки, свободно поразбойничав по всей округе, убрались восвояси вместе с сувари.

Пока князь Воронцов был поглощен неприятными воспоминаниями, Бяратинский терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

Наконец Воронцов сказал:

– Говорят два медведя в одной берлоге не уживаются... А пусть генерал Петр Петрович Ковалевский пока останется в Ахалцихе, а там посмотрим. Время у нас еще есть. Что же касается его дальнейшей службы... Которая служба нужнее, та и честнее.

Однако князь Воронцов ошибся по поводу наличия у него времени. Не прошло и трех дней после прибытия князя Андронникова в Ахалцых, как он получил тревожное сообщение от командира Белостокского полка полковника Толубеева, который стоял у селения Ацхуру и охранял ущелье и дорогу на Ахалцых и Гори.

В донесении говорилось о приближении к Ацхуру отряда сил турок с конницей и артиллерией.

Князь Андронников тут же выслал на помощь полковнику Толубееву отряд в составе двух батальонов Брестского полка и пяти сотен грузинской пешей милиции во главе с генералом Бруннером.

...К ущелью турки подошли, когда уже стало смеркаться. Их движение стесняли с одной стороны крутой склон, с другой – неглубокая, но быстрая речка, дно которой было покрыто сплошными валунами. В ущелье темнело быстро, и турки торопились поскорее миновать мрачное место, ускорив движение и, вытянувшись в длинный людской поток попеременно с конницей.

Первый оглушительный залп со склонов ущелья, помноженный во сто крат тягучим громовым эхом, не просто испугал, он на какое-то время парализовал турецкое войско.

За первым залпом последовал второй, затем третий. Ущелье сразу затянуло пороховым дымом. В сгущающихся сумерках, казалось, что рушатся сами стены ущелья.

Опомнившись, турки открыли беспорядочную стрельбу наугад, и только усилили грохот пальбы, наводя ужас на тех, кто находился позади и не видел, что происходит в ущелье.

Не подобрав даже раненых, турки спешно очистили ущелье, но ненадолго.

Они появились снова в ущелье где-то через час. Несмотря на шум реки, явно прослушивался все нарастающий цокот лошадиных копыт.

– Ваше благородие, – обратился к полковнику Толубееву уже немолодой солдат. – Никак конницу турки пустили. Нахрапом хотят прорваться.

Полковник Толубеев прислушался. Действительно в ущелье входила конница. Он подзвал к себе командира 2-й роты штабс-капитана Дроздовского и приказал.

– Как только увидите конных, обрушивайте на дорогу завалы!

Прошло не менее четверти часа, когда появились расплывчатые силуэты всадников. Они двигались осторожно и от того, казалось, не ехали, а плыли в сумерках.

Полковник Толубеев обернулся к капитану Дроздовскому.

– Пора...

Капитан Дроздовский махнул рукой, подавая знак. И тотчас тишину ущелья, нарушаемую только приглушенным шумом реки и цокотом лошадиных копыт, разбудил страшный грохот камнепада, обрушившегося на дорогу, и вслед за ним последовала такая яростная стрельба, что ущелье в считанные минуты превратилось в сплошной ад.

До рассвета турки в ущелье больше не появлялись. А в 7 утра к ущелью подошел отряд во главе с генералом Бруннером.

После того, как полковник Толубеев ознакомил генерала Бруннера с обстановкой, тот заинтересовался.

– Потери у вас есть?

– Нет, – ответил Толубеев. – Ночь выручила... И господь-бог помог...

– Отлично. Тогда через час атакуем.

...Получив от князя Андронникова подробное донесение о бое при Ацхуру, князь Воронцов тут же вызвал к себе генерала Барятинского.

– Александр Иванович! – Воронцов в порыве чувств обнял Барятинского за плечи. – Какие же они удалцы! Вы посмотрите!.. Ударили в штыки и семь верст гнали турок прочь!.. Да ещё четыре знамени захватили!..

– И четыре орудия, – напомнил генерал-адъютант Барятинский.

– И четыре орудия! – повторил Воронцов. – Верно в народе говорят: земля русская вся под богом! – Забыв про боль в ноге, он заходил по кабинету. – Вот что, милостивый сударь Александр Иванович, подготовьте-ка на имя его императорского величества государя Николая Павловича телеграфную депешу о деле при Ацхуру и не скупитесь ради бога на добрые слова. Чем еще мы с вами можем отблагодарить тех, кто своею храбростью и доблестью добывает славу государству Российскому, а нам с вами ордена, звания и всяческие почести. Мне ещё мой родитель говорил: «За богом – молитва, а за царем – служба не пропадает...» – и князь Воронцов с тяжким вздохом перекрестился.

3

Ответ Николая I на депешу князя Воронцова о бое при Ацхуру пришел скоро. Государь своей милостью пожаловал генералу Бруннеру орден Георгия 4-й степени и Золотую полусаблю с гравировкой. Полковнику Толубееву орден «За храбрость». Каждому ротному командиру по ордену Святого Владимира 4-й степени и по 3 ордена на каждую роту и сотню.

Однако не прошло и недели после ночного боя в ущелье под Ацхуру, как в Тифлис снова пришло сообщение из Ахалцыха. На этот раз по дороге на Ахалцых было обнаружено движение 20-и тысячного войска турков, состоящее из регулярных частей и баши-бузуков под командованием Али-паши.

Когда генерал Барятинский доложил об этом князю Воронцову, тот спокойно сказал.

– Ну что же... Решили, видимо, не умением, так числом взять...

– Ваша светлость, но это еще не все, – мягко прервал князя Воронцова Барятинский. – Поступили сведения о появлении турецких отрядов вблизи Гурийской границы в районе Озургета и скоплении их войск в Баязете.

Князь Воронцов встал из-за стола и, молча направился к окну, но на полпути остановился и, не оборачиваясь к генералу Барятинскому, спросил:

– Бебутов, надеюсь, знает об этом?

– Знает, Михаил Семенович, – ответил тот.

– Это уже хорошо, – Воронцов вернулся к столу и медленно опустился в кресло. Затем снова спросил: – Что у нас есть сегодня в Ахалцыхе? Из войск я имею в виду, – уточнил он свой вопрос.

– Белостокский пехотный полк, 4 батальона Вилинского егерского полка, 4 сотни казаков, 3 линейных роты и одна инженерная команда, – подробно доложил Барятинский, хотя и знал, что князь Воронцов все равно не запомнит и будет спрашивать еще и еще.

Прошло минуты две или три пока Воронцов не заговорил снова.

– Маловато, – сказал он. – Надо подумать, как им помочь.

– Михаил Семенович, в трех переходах от Ахалцыха в Боржоме и Сураме стоят 4 батальона 2-го Донского пехотного полка и 3 сотни конной милиции, – напомнил Барятинский

и пояснил: – Гарнизон Ахалцыха был бы вполне боеспособен. Однако неделю тому назад князь Бебутов приказал конному отряду Кобулова покинуть Ахалцых и выйти на границу. Начальник штаба Ахалцыхского отряда подполковник Циммерман письменно доложил мне об этом, выражая свое несогласие с приказом князя Бебутова.

Князь Воронцов исподлобья глянул на Барятинского и сухо произнес:

– Найдите случай и передайте этому Циммерману, что приказы начальства не обсуждаются. Это, во-первых. Во-вторых, я не думаю, что Бебутов не знает, что делает. А вы все же подумайте, за счет чего мы можем усилить гарнизон Ахалцыха! – повторил Воронцов.

Тревога князя Воронцова за Ахалцых оказалась не напрасной. Турки всегда рассматривали крепость Ахалцых, как главное препятствие на пути продвижения в Мингрелию и Гурию. Расположенная на левом берегу реки Посховай, крепость надежно прикрывала дорогу, старый город, расположенный на склоне к реке и новый город, выстроенный на низменной части берега. Горный хребет Наванет-Даг подступал к крепости с юга, упираясь своим отрогом в правый берег реки, и служил хорошим естественным препятствием. И только с западной стороны к старому городу за глубокой балкой подходила равнина, на которой расположилось селение Суплис.

...15 ноября в сумерках казачьи конные разъезды на окраине Суплиса столкнулись с передовым отрядом турецких войск. Силы были неравные. И разъезды после перестрелки отошли под покровом наступающей ночи к Ахалцыху.

Турки появились у Ахалцыха только под утро и начали устанавливать батарею из 6-и орудий на возвышенности напротив крепости. Одновременно турецкая пехота подошла к старому городу. Однако после нескольких орудийных залпов из крепости рассеялась и отступила назад.

В полдень в крепость прибыли из Ацхуру 2 батальона Брестского полка с 5-ю сотнями гуринской милиции.

В 15 часов пополудни князь Андронников пригласил к себе на совещание генералов Ковалевского, Бруннера, Фрейтага, командира Белостокского пехотного полка полковника Толубеева, командира 2-й легкой батареи 13-й артбригады полковника Смеловского, представителя Генштаба полковника Дрейера и начальника штаба отряда подполковника Циммермана.

Князь Андронников уже был готов открыть заседание «Военного Совета», как он перед этим выразился в шутку, однако в это время в кабинет вошел дежурный офицер и, извинившись, доложил, что в крепость только что прибыла батарея горных орудий под командой поручика Евсеева...

– Где этот Евсеев? – спросил князь Андронников.

– За дверью, ваша светлость.

Князь Андронников обратился к собравшимся.

– Господа, надеюсь, вы не будете против, если на совещание я приглашу поручика Евсеева? – и, не дожидаясь ответа, сказал: – Вот и прекрасно. Пусть войдет.

Поручик Евсеев вошел в кабинет и представился.

– Садитесь, поручик, на любое понравившееся вам место, – сказал князь Андронников и продолжил: – Итак, господа, начнем с начальника штаба. Прошу вас, подполковник Циммерман, докладывать. Только учтите сразу – отсиживаться в крепости мы не будем.

Подполковник Циммерман неопределенно кивнул головой. По всей видимости, заявление князя Андронникова в какой-то мере сбило его с толку.

– Ваша светлость, по данным, которые штаб успел собрать, – начал докладывать Циммерман, – Али-паша выставил против нас до 8 тысяч пехоты из регулярных войск, около 3-х тысяч кавалерии и около 7-и тысяч пешей и конной милиции. Однако это не значит, что сведения, о которых я доложил, исчерпывающие. Мы не можем исключить наличие у Али-паши

и резерва, который может быть на подходе... – подполковник Циммерман выжидающе глянул на князя Андронникова.

– Продолжайте, – сказал тот. – Мы вас внимательно слушаем.

– Основная позиция, которую вчера занял неприятель, – продолжил Циммерман, – проходит по высотам на правой стороне реки Посховчай. Она тянется от селения Суплис, где Алипаша расположил свой штаб, до селения Садзель.

Князь Андронников обвел взглядом присутствующих.

– Вопросы к начальнику штаба есть? – спросил он и, выждав немного, сам же ответил: – Вопросов нет. Хорошо, – затем обратился к Циммерману: – Как я сказал, отсиживаться в крепости мы не станем. А посему готов выслушать ваши предложения на тот случай, если мы предпримем выход из крепости.

На этот раз подполковник Циммерман начал говорить уверенно, что сразу было всеми замечено.

– Наиболее выгодным, ваша светлость, может быть наступление на селение Суплис двумя колоннами. Одна в составе 4-х батальонов Горского полка и 2-х батарей поведет наступление с фронта с задачей занять высоты против селения. Другая колонна в составе тоже 4-х батальонов Белостокского полка с батареей горных орудий и отрядом милиции в это время должна скрытно спуститься к реке у села Кунджи и, сделав марш-бросок, атаковать неприятеля в Суплисе с тыла. Казачьим сотням и гурийской милиции в ходе атаки надлежит выйти на дорогу, ведущую на Ардаган с задачей не допустить подхода резерва неприятеля. У меня все, ваша светлость, – сказал подполковник Циммерман.

– Вопросы к начальнику штаба есть? – снова спросил князь Андронников.

В кабинете повисла напряженная тишина. Так прошло, наверное, с минуту.

– Вопросов нет. Прекрасно, – сказал князь Андронников, и тем самым словно подвел итог всему сказанному. – Прежде веку все равно не померем. Итак. Командование войсками первой колонны я поручаю генералу Ковалевскому. Второй колонны генералу Бруннеру. Господа, прошу всех быть готовыми выступить завтра на рассвете. Точное время до вас доведет подполковник Циммерман. Все. За дело и с богом.

... Уже на выходе из штаба генерал Ковалевский придержал генерала Бруннера за локоть.

– Как вам все это нравится? – спросил он.

– Что именно? – уточнил генерал Бруннер.

– С семью тысячами выступить против 20-ти тысячного турецкого корпуса, – уточнил генерал Ковалевский.

– Все во власти божьей. Поживем – увидим, – ответил генерал Бруннер.

Генерал Ковалевский нервно передернул плечами. Ответ генерала Бруннера ему явно не понравился.

– Не ведает царь, что делает псарь. Иначе горе было бы и тому и другому, – не стерпел он.

Генерал Бруннер сразу не понял, о чем идет речь, а когда догадался, ему стало неловко. Он знал князя Андронникова еще с того времени, когда они вместе служили под начальством князя Паскевича. Андронников был потомком древнейшего грузинского рода, корни которого уходили к Византийскому императору Андроннику. Он любил Грузию, но и Россию считал своей Родиной. Правда, он не мог писать по-русски и с трудом выводил свою подпись, за что недоброжелатели за глаза называли его невеждой. Зато, в военном деле, был одарен Всевышним. Поэтому слова генерала Ковалевского Бруннер расценил как личную обиду, но не как злой умысел. И потому счел нужным заметить:

– Вы забываете про то, что один наш солдат стоит пятерых турецких. Да и князь Кобулов со своим отрядом, я слышал от подполковника Циммермана, где-то уже на подходе.

– Дай бог, чтобы все обошлось, – ответил генерал Ковалевский. – Да! Смотрите, не попадите под мои орудия. Видимость с фронта у меня будет никудышная...

4

...В 7 часов утра войска начали выходить из крепости. Было время, когда ночь еще не ушла, и темно-фиолетовое небо низко нависло над округой, а утро только рождалось где-то далеко за отрогами Наванет-Дага.

Холодный хрустально чистый воздух с гор невидимыми волнами накатывался в долину реки, превращаясь в густой туман.

Миновав старый город, сплошь построенный из низких каменных домов, войска вышли на исходный рубеж.

Князь Андронников еще раз напомнил начальникам колонн их задачу. Выглядел он спокойным, даже шутил, словно, и не предстоял бой с неприятелем, который почти в три раза превосходил числом.

Поручик князь Эрисов, командир Горийской дворянской сотни собственного конвоя Андронникова, указывая на восток, сказал:

– Иван Малхазьевич, скоро начнет рассветать...

Князь Андронников обернулся и некоторое время пристально вглядывался в кромку слегка посветлевшего неба, на котором появились розоватые проталины – предвестники утренней зори.

– Пора, – сказал он генералу Ковалевскому. – Начинайте!.. С богом!..

...Колонне войск генерала Ковалевского предстояло, по возможности, быстро преодолеть неглубокую лощину и занять высоты на левом берегу Посхов-чая на расстоянии не ближе пушечного выстрела из селения Суплиса, где на окраине стояла артиллерия противника.

Турки заметили движение русских батальонов и открыли огонь из орудий, когда они уже прошли лощину.

Ковалевский тут же приказал выдвинуть вперед все 14 орудий и открыть огонь по турецким батареям, которые просматривались как на ладони. Через полчаса артиллерийской дуэли турецкие батареи ослабили огонь, и штурмующие батальоны двинулись вперед.

Пока гремела артиллерийская канонада перед селением, войска генерала Бруннера выдвинулись к реке, преодолели ее вброд, и оказались в сотне саженей от садов с другой стороны селения.

Генерал Бруннер приказал развернуть батарею горных орудий и открыть огонь по селению.

Появление русских в тылу было для турок полной неожиданностью, как и выход их из крепости.

Услышав артиллерийский огонь за селением, генерал Ковалевский распорядился начать штурм Суплиса. И сам пошел впереди наступающей колонны егерей.

Адъютант генерала Ковалевского штабс-капитан Посальский и знаменщик прапорщик Шестерников попытались остановить его, но генерал Ковалевский с обнаженной саблей продолжал идти впереди шеренги, не обращая внимания ни на уговоры, ни на град пуль.

Когда до селения оставалось не более сотни шагов, батальоны с криком «Ура!» рванулись вперед.

Генерал Ковалевский увидел, как упал капитан Посальский в трех шагах от него. Затем упал знаменщик прапорщик Шестерников. Знамя тут же подхватили, не дав ему коснуться земли.

Рукопашная схватка началась сначала на позиции турецкой батареи, затем кровавым бесформенным комом покатились дальше, наполняясь отчаянной матерной бранью, криками раненых и беспорядочными выстрелами.

В самый разгар схватки генерал Ковалевский почувствовал сильный удар в плечо. И тут же жгучая боль пронзила предплечье. Он на ходу ощупал рукав, который стал влажным от крови. Однако не остановился. За ним были батальоны.

Опрокинув неприятеля на окраине селения, разгоряченные схваткой, батальоны егерей на плечах противника ворвались в Суплик. В центре селения у мечети генерал Ковалевский увидел толпу турок, среди которых было много солдат. От толпы отделился мулла и пошел навстречу генералу Ковалевскому, что-то выкрикивая и, возводя руки к небу.

– Ваше высокоблагородие, что он хочет? – обратился к генералу Ковалевскому один из егерей.

– Просит пощады, – ответил тот. – Говорит, что солдаты сдаются в плен и призывает в свидетели Аллаха.

Егерь с сочувствием посмотрел на мулу.

– Ишь ты... Рай на том свете обещает, а смерти, видать, и сам боится.

...Совсем по-другому сложилась обстановка на другой стороне селения. Здесь турки бились отчаянно и даже потеснили подразделения генерала Бруннера к реке.

Князь Андроников приказал связному офицеру скакать к генералу Ковалевскому с приказом направить один батальон егерей на помощь генералу Бруннеру. Однако не прошло и четверти часа, как князю Андроникову доложили о скоплении турецкой конницы на правом фланге у соседнего аула.

Князь Андронников подозвал к себе начальника штаба подполковника Циммермана.

– Что у нас осталось в резерве? – спросил он.

– Три сотни казаков...

– И горийская дворянская сотня, – добавил князь Андронников. – Передайте мою просьбу поручику князю Эристову, пусть немедленно берет казаков, свою сотню и хотя бы на время сдержит турецкую конницу под аулом.

Турки, завидев казаков, не рискнули их атаковать и укрылись за аулом.

Вскоре к аулу подошли и егерские батальоны, и турецкая конница вместе с пехотой стала отступать к высотам, находящимся верстах в трех от селения Суплис.

– Ваша светлость, – обратился к князю Андронникову подполковник Циммерман, – нельзя допускать, чтобы турки закрепились на высотах!

– Вы правы, – согласился тот. – Пока войска воодушевлены успехом, надо атаковать. О!.. И Кабулова я вижу! Прекрасно!

...Стянутыми к высотам батальонами князь Андроников поручил командовать генералу Бруннеру.

Подполковник Циммерман попросил у князя Андронникова разрешения сходить в бой во главе передовой цепи стрелков.

Князь Андронников согласился.

Однако турки стали покидать высоты, как только выстроенные колонны русских батальонов с конницей на флангах двинулись на них.

К князю Андронникову на разгоряченном коне подскакал начальник гурийского конного отряда милиции князь Кобулев.

– Разрешите догнать турок? – попросил он.

– Не возражаю, – ответил Андронников и добавил: – Только вместе с казаками.

...Было около 12 часов, когда генерал Бруннер доложил князю Андронникову о том, что неприятель отступает, однако часть его войск все же закрепились на высотах в пяти верстах от селения Памач.

– Сколько их? – спросил князь Андронников.

– Не более трех батальонов. Будем атаковать?

Князь Андронников на мгновение задумался.

– Будем, – решил он. – Где подполковник Циммерман?

– Мне сдается, ваша светлость, он уже там...

– Ну и хорошо. Отдайте приказ атаковать и гнать их до самой границы.

...Ночью выпал обильный снег. Дороги, горный хребет, соседние высоты и крыши домов – все покрылось пушистым белым саваном.

Дремотно-сонная загустевшая тишина окутала серую глыбу крепости и только изредка голоса разводящих, меняющих караулы, нарушали этот хрупкий покой.

...Утром подполковник Циммерман положил на стол перед князем Андрониковым доклад о результатах боя. В нем значилось, что у турок отбито 11 орудий, 9 зарядных ящиков, две фуры со снарядами, 5 знамен и два артиллерийских склада с зарядами, патронами и бочонком с порохом.

Захвачен также был и турецкий лагерь с канцелярией командующего турецкими войсками Али-паши.

– ... Я не стал писать о захваченных складах с мукой, ячменем и прочим, а также табунам лошадей. Полагаю это не столь важно... – сказал подполковник Циммерман.

– Но почему же? Для нас все важно, – поправил его князь Андроников. – Надо думать с таким запасом они собирались после захвата крепости идти дальше. Потери наши подсчитали?

– Да, ваша светлость. Убито 3 офицера, 48 нижних чинов и 29 милиционеров. Ранены генерал Фрейтаг, ему оторвало пулей палец на левой руке, и генерал Ковалевский получил ранение в предплечье. Также ранено 2 штаб-офицера, 2 обер-офицера, 193 нижних чинов и 48 милиционеров. Всего наши потери вместе с контуженными составляют около пятисот человек.

И подполковник Циммерман выжидающе посмотрел на князя Андроникова.

Тот поднялся из-за стола и молча заходил по комнате, которая служила ему и кабинетом и местом отдыха.

– Слава тебе, господи, – наконец произнес он. – Ангел хранитель был на нашей стороне. Для такой победы, которую мы одержали, это оправданные жертвы. – Потом остановился перед подполковником Циммерманом и поинтересовался: – А что у них?

– Пока трудно сказать, ваша светлость. Ночью выпал снег. Вчера было подобрано около тысячи раненых. Тех, кто в состоянии выжить, забрали местные жители... В плен взято 720 человек. Но в крепости держать их нельзя...

– Отпустите их, – неожиданно сказал князь Андроников. – Я думаю, после этого они разбредутся по своим горам, где их даже с собаками не сыщешь.

5

...Князь Воронцов дважды перечитывал Указ его императорского величества государя Николая I, полученный телеграфом, о награждении ахалцыхских героев и смахнул с глаз невольно набежавшую слезу благодарности. Милость его величества было щедрой.

Государь наградил князя Андроникова орденом святого Георгия 3-й степени, генералов Бруннера и Фрейтага орденами святого Станислава 1-й степени, подполковника Циммермана и штаб-капитана Пасальского орденами святого Георгия 4-й степени.

Нижним чином государь соизволил выдать по десять военных Орденов на роту, батарею, эскадрон и сотню. И всем по рублю серебром.

Этим же Указом его величество пожаловал батальонам Брестского и Белостокского пехотных и Виленского егерского полков Георгиевские знамена.

В честь победы при Ахалцыхе в Тифлисе во дворце наместника был дан праздничный обед для местной знати.

За минуту до начала обеда князь Воронцов подозвал к себе генерал-адъютанта Барятинского и, глядя куда-то выше его головы, спросил:

– Скажите мне, милостивый сударь Александр Иванович, как получилось, что имя генерала Ковалевского не попало в наше донесение его величеству?

Генерал-адъютант Барятинский, нисколько не смутившись, ответил:

– Ваша святость, оплошность произошла. В первом тексте, который я вам дал на прочтение, имя генерала Ковалевского было вписано. Затем, после вашей правки текста, штабной писарь, переписывая текст, ненароком пропустил имя Ковалевского...

Князь Воронцов недовольно поморщился.

– Ну и что мне теперь прикажете делать? Извиняться перед генералом Ковалевским или как? Я не хочу, чтобы у меня над головой подушка вертелась!..

Барятинский промолчал. Он и сам понимал, что произошло непоправимое недоразумение.

– Ну, хорошо, – подумав, продолжил князь Воронцов. – Я знаю, как его отблагодарить. А вашего писаря за такую непростительную оплошность отправьте служить в Ахалцыхскую крепость. И не писарем, а в пехоту! – строго приказал он. И добавил: – Бог не Никитка, повыламывает ему лытки. Будет знать, как службу блюсти!..

...Князь Бебутов узнал о разгроме турок под Ахалцыхом через три дня и сразу загорелся желанием не отстать от ахалцыховцев. И такой случай ему скоро представился.

16 ноября утром из Александрополя вышел рабочий отряд под охраной полусотни казаков к селению Ак-Узюм на заготовку фуража и неожиданно столкнулся там с турецким разъездом. Селение Ак-Узюм находилось в 5 верстах от Баш-Шурагеля, и появления здесь турок никто не предполагал. В Александрополе были уверены, что все турецкие войска ушли в Карс.

Князь Бебутов тут же отдал приказ на выступление из крепости.

Александропольский отряд к этому времени состоял из десяти батальонов, двенадцати эскадронов, шести сотен казаков и одной сотни милиции. В распоряжении Бебутова было две конны и три пеших батареи. Всего 32 орудия. Зато все десятитысячное войско его состояло в основном из старых и опытных кавказских служивых, на которых он надеялся, как на самого себя.

В ночь на 17 ноября Александропольский отряд занял селение Баш-Шурагель, а на рассвете двинулся по Карской дороге по направлению к селению Пирвали.

В Баш-Шурагеле князь Бебутов узнал от местных жителей, что турецкая армия стоит не в Карсе, а в Суботане лагерем и со дня на день готовится на зиму уйти в Карс.

...Мглистое неприветливое солнце уже появилось из-за горного хребта, когда Александропольский головной отряд подошел к Пирвали.

Две казачьи сотни, идущие в авангарде головного отряда, захватили в Пирвали врасплох турецкий пост в составе сорока человек. Допросили. Выяснилось, что пост состоял из шестидесяти турок. На вопрос: «Где остальные?» турки отвечали одно и то же. «Один Аллах знает...»

Стало ясно – успели ускакать.

Когда доложили об этом князю Бебутову, тот сразу помрачнел.

– Надо торопиться, – сказал он. – Через час в Суботане уже будут знать о нашем приближении.

От пленных турок удалось узнать, что в окрестностях Суботана находится 36 тысячный корпус под командованием Ади-паши.

Сам Ади-паша полагая, что боевые действия в связи с наступлением холодов уже окончены и русские не осмелятся вести в такое время года наступление в горах, 17 ноября выехал в Карс, чтобы на месте позаботиться о расквартировании своего корпуса в городе.

Начальнику штаба корпуса Ахмет-паши он приказал в 10 часов начать вывод войск из лагеря двумя переходами: сначала до селения Хадживали, что в 12 верстах от Суботана, затем в Карс.

Однако в 9 часов утра Ахмет-паше сообщили, что на пост в Пирвали напали русские и что их отряд движется по дороге к Суботану.

– Русские либо с ума сошли, либо упились своею поганою водкой! – раздраженно ответил Ахмет-паша. – Если это так, слава Аллаху! Приготовьте побольше веревок, чтобы я мог связать всех русских генералов. Я отправлю их в Константинополь, чтобы показать Сутану!

Через полчаса Ахмет-паше снова доложили, что русские уже переправились через Карсчай!

Ахмет—паша, не сдерживая восторга, приказал поднять войска по тревоге и немедленно выступить с развернутыми знаменами, барабанами и музыкой.

...Этот день выдался на редкость солнечным. И хотя с раннего утра подмораживало, к 10 часам потеплело и вскоре все засияло в лучах яркого солнца ослепительным блеском.

Князь Бебутов в сопровождении своего заместителя генерала Индрениуса и командиров частей генералов Кашинского, Багратиона, Чавчевадзе и Багтовута под охраной казачьей сотни следом за авангардом переправился через неглубокую хрустальной чистоты речку Карсчай и выехал на одну из высот, которые тянулись вдоль берега, и сразу перед ним открылась небольшая долина. Она еще сохранила местами яркий зеленый цвет и радовала глаз своей первозданной красотой.

Справа долина упиралась в подножье горы с пологим спуском и вершиной похожей на верблюжьей горбы, слева просматривался крутой спуск к реке.

С высоты как на ладони была видна Карская дорога с расположенным рядом селением, в центре которого стояла армянская церковь.

– Как называется это селение? – поинтересовался князь Бебутов.

– Угузлы, – ответил генерал Индрениус. И добавил: – В основном живут в нем армяне...

– Господа, турки! – прервал рассказ Индрениуса генерал Кашинский.

Все разом повернулись в ту сторону, куда указал генерал Кашинский и увидели, как со стороны дороги в долину входит колонна турецких войск.

Решение князю Бебутову пришло мгновенно.

– Господа, – обратился он к сопровождающим его командирам, – по-моему, втянувшись в эту долину, турецкие войска лишают себя простора для маневра. И этим грешно не воспользоваться!

Князь Бебутов распорядился построить войска в две линии. Генерал Кашинский возглавил первую основную линию. В центре приказал поставить две батареи. Для прикрытия батарей были выделены батальон Куринского и два батальона Ширванского полков и сводный отряд стрелков. На правом фланге линии посоветовал генералу Кашинскому поставить три дивизиона Нижегородских драгун с четырьмя конными орудиями. Подводы после того как будут разгружены ящики с боеприпасами вернуть к переправе. На левом фланге поставить два дивизиона Нижегородских драгун, батарею конных орудий и три сотни казаков.

– Если нет вопросов, действуйте. Не теряйте времени! – сказал князь Бебутов, обращаясь к генералу Кашинскому.

Кашинский сразу же поскакал к батальонам, которые уже выстроились на равнине.

– Вторая линия, – князь Бебутов обернулся к генерал-майору князю Багратиону. – Иван Константинович, возглавите ее вы. В ваше распоряжение поступают 3 батальона Эриванского полка, батальон Грузинского гренадерского полка, батарея из 6 орудий. Выстройте свои войска за первой линией на удалении не более трехсот сажений в готовности не допустить прорыва турок в тылы. Все, Иван Константинович. С богом. Теперь ваша задача, господа, – обратился Бебутов к генералам Чавчевадзе и Багтовуту. – Быть в готовности при первой же возможности нанести удары во фланг неприятеля. Генерал Чавчевадзе – на правом фланге, генерал Багтовут – на левом.

Князь Бебутов перекрестил Чавчевадзе и Багтовута.

– Все, господа. За дело.

Не прошло и получаса, как войска заняли свои позиции. А турецкие колонны все подходили и подходили, разворачиваясь в тесной долине в плотные боевые порядки на расстоянии пушечного выстрела от передовой линии русских войск.

Генерал Кашинский тут же решил воспользоваться оплошностью турок и распорядился всем орудиям первой линии открыть шрапнельный огонь по противнику, не успевшему закончить построение.

В ответ со стороны подножья горы с двумя округлыми вершинами загремела турецкая артиллерия, но сразу же смолкла после сильнейшего взрыва на позиции батареи, с которой к небу поднялся огромный черный столб дыма. По всей видимости, там взорвался пороховой склад.

«...Для начала неплохо, – отметил про себя князь Бебутов, наблюдая в подзорную трубу за происходящим».

С высоты хорошо было видно, как турки расположили свои войска, выдвинув правый фланг вперед и выставив там около двух десятков пушек. В центре выстраивались, невзирая на сильный огонь русских батарей, несколько пехотных батальонов и не менее полка кавалерии. На левом фланге просматривался овраг. Он был естественной защитой и не позволял неприятелю провести здесь быстрое наступление.

Мысль нанести удар по неприятелю в центре и по правому флангу и, таким образом еще больше стеснить его действия пришла в голову князя Бебутова сразу, как только он увидел построение турецких войск.

Князь Бебутов подозвал к себе генерала Индрениуса и поделился с ним своими соображениями. Тот согласился, однако добавил:

– У меня есть предложение, Василий Осипович. Для надежности дела поставить в центре ещё и гренадеров князя Орбелиани. Они и начнут атаку.

...Получив приказ атаковать неприятеля, князь Орбелиани вывел свой полк на исходную позицию. Впереди была неглубокая ложбина с пологими склонами и местами заросшая низким кустарником. На какое-то время она могла скрыть из поля зрения неприятеля наступающие батальоны гренадеров. Этим и решил воспользоваться Орбелиани.

Командирам 1-го и 2-го батальонов майору Турчановскому и майору барону Врангелю князь Орбелиани сказал:

– Господа, вы начинаете первыми. От того, как вы начнете, зависит успех не только нашего полка, но всего дела. Поэтому я прошу вас быстро сблизиться с неприятелем и атаковать его так, чтобы у него не оставалось даже малейшей надежды, что он уйдет отсюда победителем. За вами пойдут остальные батальоны. Я пойду с батальоном майора Турчановского.

Последние слова князя Орбелиани слегка смутили майора Турчановского.

– Ваша светлость, извините меня, однако первая линия несомненно удобное место для командования полком, – сказал он.

Князь Орбелиани усмехнулся.

– Спасибо за совет, однако, со мной ничего не случится. А иду я вместе с вами для того, чтобы у солдат не было сомнения в успехе.

...Было около двух часов дня, когда батальоны егерей майора Турчановского и майора барона Врангеля ускоренным шагом спустились в ложбину.

Турки обнаружили движение русских егерей уже на выходе их из ложбины и открыли огонь из пушек. Однако снаряды их ложились на середине между егерями и первой линией турецких батальонов, до которых было сажень триста.

После нескольких залпов турки прекратили огонь, видимо опасаясь попасть по своим войскам. Зато по егерям открыли огонь штуцерные.

Князь Орбелиани выхватил из ножен саблю и, не оборачиваясь, крикнул:

– Братцы, за мной!..Ура!..

Сначала, грозное «Ура!» подхватили гренадеры. Затем оно загремело слева и справа, и позади тысячекратным разноголосием, идущих навстречу смерти людей.

Невзирая на убийственный огонь турецких стрелков, гренадеры, неся потери, сблизилась с неприятелем и коротким штыковым боем заставили турок попятиться.

– Ай да молодцы! – в запальчивости повторил князь Орбелиани, пробивая саблей себе дорогу. Он только один раз оглянулся, чтобы увидеть майора Турчановского.

– Где командир батальона? – спросил он у пробегающего мимо него рослого гренадера.

– Убит, ваша светлость, – на ходу ответил тот.

Турки, опешив в первые минуты от яростной атаки гренадеров, вскоре опомнились и, подтянув резервные батальоны, оказали гренадерам ожесточенное сопротивление.

Подход еще двух батальонов, следовавших за гренадерами, тоже не принес успеха. Турки вводили в бой все новые и новые войска.

К князю Орбелиани пробился командир первой роты, взявший на себя командование батальоном вместо майора Турчановского. Он подтвердил, что Турчановский действительно убит и сообщил, что тяжело ранен и майор Врангель.

– Что делать? – обратился командир роты к князю Орбелиани.

– Атаковать! – ответил тот. Он хотел еще что-то сказать, но не успел. Совсем рядом разорвался снаряд, выпущенный из батареи, стоящей в глубине турецкой обороны.

Князь Орбелиани почувствовал сильный толчок в грудь и упал навзничь. Попытался подняться, но не смог...

...Бебутов, наблюдая с высоты за атакой гренадерского полка, заметил, что на какое-то время среди атакующих появилось замешательство.

Взяв из резерва 2 роты Эриванского полка и 4 пеших орудия, князь Бебутов сам повел их на помощь гренадерам.

Весть о том, что князь Бебутов в рядах сражающихся, мгновенно облетела полк. Гренадеры усилили натиск на неприятеля.

Одновременно князь Багратион с двумя полными и одним неполным батальонами Эриванского полка второй линии скрытно прошел по дну оврага и ударили туркам по левому флангу. Не выдержав яростного натиска русских, турки стали отходить в глубину своей обороны. Однако их отход был прерван атакой линейцев и драгун генерала Багтовута. Воспользовавшись замешательством турок, линейцы и драгуны зашли им в тыл и, установив сходу конную батарею, открыли огонь картечью с близкого расстояния.

Стремительная атака гренадерских батальонов и кавалерии генерала Багтовута принудила турок смешать свои боевые порядки и начать беспорядочный отход.

Тем временем и войска генерала Кашинского, потеснив турок в центре, стали охватывать их правый фланг.

Генерал Кашинский приказал развернуть знамена и ударить в барабаны.

– Вперед! – крикнул он. – За царя и за Россию! За мной!

Ощерившись штыками, батальоны егерей бросились вперед, увлекая за собой все наступающие войска.

После яростного штыкового боя турки не выдержали натиска русских батальонов и, опасаясь за свой правый фланг, отступили частью войск к селению Угузлы, частью по Карской дороге в сторону Суботана.

...Было уже около трех часов пополудни, когда турки полностью оставили долину с дымящимися рваными ранами, изуродованными телами убитых и ошалело мечущихся по ней лошадей.

Спустя полчаса войска Александропольского отряда подошли к селению Угузлы и взяли его в кольцо.

К генералу Бриммеру подъехал князь Бебутов.

– Ну что, приказывайте батареям открыть огонь.

– С удовольствием, – ответил тот и поскакал на позицию батарей, установленных на дороге.

После нескольких залпов картечью из селения показалась группа всадников с белым флагом.

Князь Бебутов, уже давший приказ генералу Кашинскому на атаку, остановил его.

– Ну-ка, ну-ка. Подождите! – сказал он. – Что это за гости?

– Ясное дело, – ответил генерал Кашинский. – Парламентеры...

– Переговорщиков встречаете вы. Условие одно – сдача в плен. Других условий не будет, – заявил князь Бебутов и, крутнув коня, ускакал к расположению войск князя Багратиона.

Переговоры длились не долго. Генерал Кашинский предъявил парламентам ультиматум: или в течение часа турецкие войска складывают оружие и выходят на дорогу, или начнется штурм.

Через час из селения начали выходить толпами турки, складывать оружие на обочине дороги и строиться в колонну под руководством своих офицеров.

Князь Бебутов со стороны наблюдал за происходящим.

Поручив прием пленных генералу Индрениусу, он оставил ему три сотни казаков, а сам с отрядом двинулся по дороге в сторону Суботана, где находился лагерь турецкого корпуса, выслав вперед авангард под командой князя Багратиона.

...Когда авангард подошел к лагерю, его встретила настороженная тишина. В лагере не было ни одной живой души. По всей видимости, турецкие войска, не заходя в лагерь, направились в Карс.

6

Известие о поражении турок под Суботаном и бегство корпуса Абди-паши в Карс долетело до Тифлиса быстрее, чем пришло донесение от Бебутова.

Князь Воронов ликовал.

С получением же донесения от Бебутова Воронцов облачился в парадный мундир, вызвал к себе начальника штаба генерала Барятинского и приказал:

– Садись, Александр Иванович, на мое место и пиши!

– Ваша светлость, я могу и рядом сесть, – смутился тот.

– Садись и пиши! – повторил князь Воронцов. – Готов? Вот и хорошо. Заглавие сам составишь на имя государя... Значит так – князю Бебутову Орден Святого Георгия 2-й степени, генералам Багтовуту, Багратиону, Чавчавадзе – тоже по Ордену святого Георгия 3-й степени и ходатайство о производстве их в генерал-лейтенанты. Генералу Кашинскому и Индрениусу по Ордену Святого Станислава первой степени. Нижним чинам по 10 военных орденов на роту, батарею, эскадрон, сотню. И просьбу выделить из казны серебром по 2 рубля на каждого человека. Ничего не пропустил? Чтобы не вышло как в прошлый раз! Теперь вставай с моего места, а то еще понравится кресло наместника, – пошутил князь Воронцов. – Ну что, Александр Иванович? Разве не молодец Бебутов? – и он указал на донесение Бебутова, которое лежало у него на столе. – Взял лагерь Абди-паши, обозы, артиллерию! Шесть тысяч убитых, раненых и пленных! После такого поражения Абди-паша не скоро оправится. Мне думается, предстоящая зима доведет армию Абди-паши до полного развала. И что не менее важно: теперь ждать выступления против нас курдов, аджарцев и прочих туземцев нам не придется. Вот так, Александр Иванович. Одним махом двух зайцев ухлопали!..

Генерал Барятинский сдержанно кивнул головой.

– Я согласен с вами, Михаил Семенович, – ответил он и тут же добавил: – Однако с началом лета все может измениться...

Князь Воронцов вяло махнул рукой.

– До лета, может, и война кончится, друг мой!.. – сказал и тяжело вздохнул. – А, впрочем, ты прав. Такие войны скоро не кончаются. Не за земли. За веру. Тут никто и никому не уступит... Грозную тучу Бог пронес. Теперь нам остается молиться и молиться, – князь Воронцов вдруг как-то странно посмотрел на Барятинского, словно, намеревался выведать у него что-то потаенное. Немного подумал и неожиданно спросил: – Александр Иванович, скажи мне только честно, мог бы Бебутов еще решительнее действовать против Абди-паши?

Генерал Барятинский даже растерялся от такого вопроса.

– Ваша светлость, Бебутова трудно упрекнуть в чем-либо. Вступить в бой с 36-и тысячным корпусом, имея у себя всего 10-ть тысяч и заставить неприятеля обратиться в бегство...

Князь Воронцов часто закивал головой.

– Да... да... Это верно, – согласился он. – Я имел в виду преследование турок до Карса.

Генерал Барятинский с легким недоумением посмотрел на князя Воронцова. Тот не мог не знать, что несмотря на большие потери у Абди-паши оставалось еще сильное войско. К тому же отряд Бебутова шел перед этим ночь и почти целый день, вел бой. Преследовать турок 40 верст до Карса было бы неблагоприятно.

– Михаил Семенович, я полагаю, князь Бебутов поступил правильно, – повторил Барятинский. – А если учесть, что у него было около пятисот человек раненых и столько же убитых...

Князь Воронцов сокрушенно вздохнул.

– Все верно, Александр Иванович... Это я размечтался по-стариковски, – признался он. И, словно, оправдываясь, продолжил: – Человек так устроен: если хорошо, то побольше. Ты не задерживай с донесением его величеству. Железо куй – пока горячо. Ну, ступай с богом, мне еще туземную делегацию принимать надо.

Воронцов посмотрел в спину удаляющемуся генералу Барятинскому и, вдруг, усмехнулся. На ум ему пришли его же собственные слова, которые он произнес только что в качестве шутки. «Теперь вставай с моего места, а то еще понравится кресло наместника...»

«...А что?.. Тоже князь... – подумал он. – И не известно усидел бы я в этом кресле, если бы великая княжна Ольга Николаевна вышла замуж за Барятинского...»

О влюбленности Ольги Николаевны в князя Барятинского, когда он еще служил в Петербурге, ходили легенды. Однако Николай I решил по-своему: выдал свою дочь Ольгу за наследника вертембергского престола, а князь Барятинский получил назначение на Кавказ под негласный надзор самого Воронцова. И, насколько было известно Воронцову, ни Барятинский, ни великая княжна Ольга Николаевна, не нашли свое счастье.

Став уже королевой, Ольга Николаевна так и не полюбила своего супруга, ибо король был падок на садомский грех. А князь Барятинский, женившись потом, так и не переставал любить Ольгу Николаевну...

Вспомнив сейчас об этом, Воронцов на какое-то время погрузился в невольное уныние. Что-то не то происходило вокруг...

«...Долго мы покоились в самодовольном упоении нашими прежними победами, славой и могуществом, – подумал он с тихой грустью. – И не увидели как Европа отвернулась от нас... и все потому, что мы сеяли добро силой... Но как поступить по-другому, ежели по Европе уже какой год летает дух бунтарства, непредсказуемого своеволия и революций?..»

Князь Воронцов был далек от мысли винить в случившемся государя Николая I. Он не просто уважал, он любил его.

Еще до восшествия на престол, Николай Павлович, будучи командиром гвардейской дивизии и исполняя обязанности инспектора по военно-инженерной части, успел много сделать для армии. Это при нем открылись военно-учебные заведения: ротные и батальонные школы, главное инженерное училище и высшая школа гвардейских подпрапорщиков.

В тоже время Воронцов не мог понять, как случилось, что войска по-прежнему были вооружены устаревшими ружьями и орудиями. Не хватало даже пороха, не то что снарядов...

И все победы добывались русским штыком, безудержной храбростью солдат и офицеров и их кровью.

Воронцов прошел в угол, где стояла на столике икона Божьей Матери в золотом обрамлении, подаренная ему на 70-летие офицерами Кавказского корпуса, с трудом опустился перед ней на колени и еле слышно прошептал.

– Святая Матерь-божья, дай мне силы с достоинством пройти до конца свой путь, не пасть духом и не убоиться невзгод, кои еще предстоит пережить не мне одному, а всему русскому народу. И не взъщи строго с меня, твоего раба божьего, за то, что я проливаю людскую кровь не по своей воле, а во славу земли русской и ее веры вечной и нерушимой...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Императрица Александра Федоровна не на шутку встревожилась, когда к завтраку Николай Павлович вышел бледный и в подавленном настроении.

Александра Федоровна знала: расспрашивать сейчас о причине подавленного настроения не было смысла. Все равно не скажет. И оставлять супруга в таком состоянии она не могла.

– А можно я сегодня за вами, сударь, поухаживаю? – спросила Александра Федоровна и сама разлила чай по чашкам.

Николай Павлович улыбнулся одними губами.

– Что у нас прислуги не хватает? – Поинтересовался он.

– Хватает – ответила Александра Федоровна – Однако мне приятно поухаживать за вами, сударь. – И тут же продолжила. – На днях мне принесли шкатулку с письмами твоей покойной сестрицы. Письма как письма, а вот одно, адресованное Гриммеру, меня просто поразило. Оно небольшое, и я его запомнила почти дословно: «...Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него – бас, длиною он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизни моей впервые вижу такого рыцаря...» Это она о вас, сударь, писала.

Николай Павлович с усмешкой посмотрел на супругу, затем отхлебнул из чашки чай и только после этого произнес.

– И охота, вам сударыня, в чужих письмах рыться...

– А от чего она умерла? Сестрица-то молодая была... – спросила Александра Федоровна и выжидающе посмотрела на супруга.

– Не знаю, – ответил Николай Павлович. – Говорили только, что отошла она через полтора года после моего рождения. И матушка, царствие ей небесное, тут же поручила мое воспитание англичанке Евгении Лайон. Чудная была женщина. Мы с братом Михаилом души в ней не чаяли...

– Я слышала о ней и от твоей матушки, – сказала Александра Федоровна. – А правда, что она была протестантка?

– Говорили... Однако для нас это ничего не значило. Она исправно учила нас креститься и читать «Богородицу»... Вот только старый пес граф Ламсдорф не давал ей покоя со своей прихотью. Однажды я даже хотел ударить его ружьем. Он начал при нас приставать к ней!..

Императрица Александра Федоровна не сдержалась.

– Боже мой!.. Не из ума ли выжил этот Ламсдорф?

Николай Павлович слегка пожал плечами.

– Может быть... Я припоминаю, как он не раз хватал меня за воротник и бил головой о стену за какую-либо провинность, а она смело бросалась и защищала меня от разъяренного старца. Родительнице, царствие ей небесное, было не до нас. Этим и пользовался Ламсдорф, чудовище о двух ногах...

Такое откровение супругу Александру Федоровну удивило. Он никогда не говорил с ней о своем детстве, а она не спрашивала, боясь потревожить его память. Александра Федоровна знала, что Николаю Павловичу не было и пяти лет, когда убили его отца – императора Павла, и, что его матушка, Мария Федоровна, была причастна к смерти мужа.

Николай Павлович тем временем допил чай и собрался, было встать из-за стола, однако Александра Федоровна остановила его вопросом.

– Ты можешь мне сказать, зачем твой канцлер дожидается тебя с раннего утра?

Николай Павлович взял пустую чашку, покрутил ее в руках и поставил на место.

– Дело неотложное появилось, – произнес он после минутной паузы. – Князь Воронцов сообщил, что с разгромом турок на границе, они возобновили снабжение оружием Закавказских племен по морю. Я намерен пресечь эти действия. А Нессельроде мне нужен для совета...

– Может пора уже других иметь советчиков, – и Александра Федоровна вновь выжидающе посмотрела на супруга.

Николай Павлович слегка удивился. Однако вида не подал и только спросил:

– А это чем тебе не угодил?

– Стар и труслив. И много советов дал тебе, от коих не было пользы, – ответила императрица. – Ну да бог с тобой... Воля твоя. Иди. Вижу ты уже мыслями со своим Нессельроде.

Александра Федоровна действительно угадала. Николаю Павловичу не терпелось скорее встретиться с канцлером Нессельроде. Донесение князя Воронцова не давало ему покоя. Он твердо решил наказать турок за их вероломство и уже распорядился вывести в море из Севастополя эскадру под командованием вице-адмирала Нахимова с указанием крейсировать у турецких берегов и перехватывать неприятельские суда, идущие к берегам Кавказа.

Однако уже на следующий день граф Титов доложил, что в Босфоре появились английские пароходы и купеческие шхуны, загруженные оружием и боеприпасами для кавказских горцев. Николай I тут же приказал послать еще одну эскадру под командованием контр-адмирала Новосельского в составе 7 кораблей с задачей войти в подчинение вице-адмиралу Нахимову и действовать объединенной эскадрой в зависимости от условий.

Эскадра вице-адмирала Нахимова имела в своем составе семи фрегатов, два корвета и один шлюп. Еще четыре военных парохода стояли в Севастополе и находились в распоряжении вице-адмирала Корнилова в готовности выйти в море, если понадобится, на помощь эскадре вице-адмирала Нахимова.

Делиться своими тревогами с императрицей Николай Павлович не стал. «Не женского ума это дело...» – решил он.

...Вызов к государю в неурочное время встревожил Нессельроде не на шутку.

О том, что он будет приглашен во Дворец, ему стало известно еще с вечера. Нессельроде передумал все. Первым делом прикинул в уме: «Не Титов ли что донес?» Хотел вызвать к себе Титова и аккуратно узнать, но решил, что слишком много чести будет для него. Ночь спал плохо, а утром попросил супругу, чтобы она перекрестила его в спину, и поехал в Зимний. Уже по дороге вдруг вспомнил о письме, отправленном накануне Венскому правительству. В нем он спрашивал, как отнесутся в Вене, если Россия провозгласит независимость сербов, болгар и Дунайских княжеств.

Нессельроде видел в провозглашении независимости этих территорий единственная возможность заручиться поддержкой славян и обеспечить России военный Союз на все случаи жизни.

Государь о письме не знал. Мог знать только Титов...

Николай I принял Нессельроде в своем рабочем кабинете. Предложил ему присесть в кресло, стоящее рядом со столом, сам не сел, а прошел к окну и с минуту смотрел на серую пустынную площадь перед Дворцом затем, не оборачиваясь к канцлеру, неожиданно спросил.

– Карл Васильевич, контр-адмирал Новосельский отплыл из Севастополя?

– Да, ваша светлость.

– Я вот о чем подумал, – проговорил государь, отойдя от окна. – Если Нахимов, к примеру, атакует неприятельский флот, не вызовет ли это раздражение у англичан и французов?

Нессельроде об этом и сам уже думал.

– Если вызовет только раздражение – это полбеда, ваше величество. – осторожно ответил он.

Николай I остановился напротив Нессельроде и сверху вниз как-то странно посмотрел на него. От этого взгляда Нессельроде стало не по себе.

– Вы полагаете, они вмешаются в наше дело без объявления войны? – уточнил он. Немного подумал и продолжил. – Вызовите сегодня же к себе графа Титова и вместе подготовьте послание европейским правительствам, в котором сообщите о нашем твердом решении не допустить вмешательства в Кавказские дела кого бы там ни было. И еще, Карл Васильевич, я вот о чем хотел вам сказать. Ваше беспокойство о будущем Дунайских княжеств, сербов и болгар похвально, как и ваше желание приобрести союзников среди славян. Однако не все так просто. – Государь прошел по ковру и снова остановился у окна. – Я полагаю, вы не хотите вдохнуть в них революцию? Ибо результат может быть обратный задуманному.

От этих слов государя у Нессельроде на лбу выступили холодные капельки пота.

«Значит, донес все же Титов, – мелькнуло у него в голове тревожная мысль. – Вот стервец!..»

Нессельроде хотел было встать и объяснить государю, что было в письме, однако тот вяло махнул рукой.

– Сидите, Карл Васильевич. Я не прошу от вас объяснений. Я предлагаю вам подумать над тем, что вам сказал.

Государь немного подумал и продолжил:

– Кто не знает, что на зло надо отвечать добром, принимая смиренно все искушения, посылаемые нам Господом. Отвечая злом на зло, мы только приумножаем его.

Нессельроде совсем растерялся, когда Николай I продолжил с чуть заметной усмешкой.

– Вот видите: в углу стоит книжный шкаф. Он знает больше, чем я. Однако я государь, а он просто книжный шкаф. Теперь что касается Вены. Есть у меня все основания не доверять австрийскому императору Францу Иосифу и его кабинету, – и добавил. – Если бы у свиньи выросли рога, она бы точно всех на свете забодала.

Николай I умолк и долго на этот раз смотрел в окно на серое пасмурное небо над Петербургом. О чем он думал, Нессельроде не мог даже предположить. Лицо государя было отрешенным. Казалось, он даже забыл о присутствии в его кабинете канцлера. Наконец Николай I заговорил снова.

– ..Еще до возвращения Меншикова из Константинополя Вену посетил известный вам лорд Пальмерсон и имел встречу с Францем Иосифом, в ходе которой лорд предложил Францу Иосифу план войны против России, убеждая его в том, что русские не имеют исторического права владеть территориями в пределах Российской империи. Лорд Пальмерсон, я полагаю, предлагал это не от себя лично. После поражения России в войне, по мнению лорда, Финляндия будет возвращена Швеции, а Эстония, Литва, Лифляндия и Курляндия отойдут Пруссии. Польша провозгласит независимость. За ней отойдут Белоруссия и Украина, таким образом, Польша станет барьером, который должен изолировать нас от Европы. А Австрия получает устье Дуная, Бессарабию, Молдавию и Валахию. Крым и Грузия отходят, естественно, Турции, а Черкесия объявляется независимым исламским государством, которое должно будет постоянно искать конфликты с Россией на Кавказе. Вот так, дорогой мой Карл Васильевич.

Все это государь произнес тихо и с горечью в голосе, не отрывая взгляда от мрачных небес, словно, пытался увидеть в них ответ на мучившие его вопросы.

Нессельроде был настолько подавлен услышанным, что даже не смел шелохнуться. Во все это с трудом верилось. И, чтобы развеять свои сомнения, он спросил.

– Ваше величество, надеюсь, вы все это узнали от самого Франца Иосифа?

И Нессельроде затаил дыхание в ожидании ответа.

Николай I повернулся к нему.

– Нет, милостивый сударь, – сказал он. – Франц Иосиф промолчал об этом даже тогда, когда мы с вами были его гостями... Однако меня сейчас волнует другое, – продолжил он и заходил по кабинету. Высокий, худощавый, широкий в плечах, он показался Нессельроде

в эту минуту демоном, в котором вместились все: добродетель и зло, сила и бессилие, надежда и страх перед будущим, которого даже он, государь, божий помазанник не мог знать...

От этих мыслей Нессельроде стало не по себе, и он мысленно трижды перекрестился.

– Вот такие дела в нашем царстве-государстве... – продолжил Николай I, нетерпеливо прошёл в дальний угол кабинета, где висел портрет Павла, некоторое время молча постоял перед ним, затем повернулся к Нессельроде и произнес.

– С сегодняшнего дня вместе с морским министром постоянно держите связь с Севастополем. В случае чего – докладывать мне немедленно, будь то день или ночь! – и добавил.

– У семи нянек дитя без глазу, чтоб и у нас так не вышло...

2

Турецкий флот в Синопской бухте вице-адмирал Нахимов обнаружил в ночь на 16 ноября. До этого несколько дней дул сильный юго-восточный ветер, и море начало штормить. По всей видимости, опасаясь непогоды, командующий турецким флотом Осман-паша приказал всем кораблям войти в Синопскую бухту и бросить там якорь. К тому же бухта была надежным укрытием. Шесть береговых батарей могли в любую минуту прикрыть своим огнем, стоящие в бухте суда.

...Командир флагманского корабля «Императрица Мария» капитан 2-го ранга Барановский, на котором поднял свой флаг вице-адмирал Нахимов, с капитанского мостика в подзорную трубу разглядел на горизонте силуэты каких-то судов. Он тут же спустился в каюту Нахимова и доложил о замеченных на горизонте судах.

– Это Новосильский! – ответил Нахимов. – В такую погоду больше некому быть в море. А, впрочем, я сам посмотрю.

Они вдвоем поднялись на капитанский мостик и Нахимов стал внимательно просматривать линию горизонта, которая уже начала сливаться с поверхностью моря, но ничего не увидел.

– Павел Степанович, спускайтесь в каюту, – предложил капитан 2-го ранга Барановский. – А я подежурю на мостике...

Он не договорил дальше. На некоторое время ветер разорвал тучи над горизонтом, и там отчетливо показались белые паруса

– Новосильский! – воскликнул Нахимов. – Точно он!..

Интуиция Нахимова не подвела. Эскадра контр-адмирала Новосильского подошла, когда уже стемнело, и стал накрапывать холодный дождь.

Нахимов так и не ушел с капитанского мостика, пока последний фрегат из подошедшей эскадры не занял место в строю.

– Командирам прикажите просигналить, – обратился Нахимов к капитану 2-го ранга Барановскому. – Через полчаса всем прибыть на «Императрицу Марию», – и спустился в свою каюту, чтобы переодеться.

...Через полчаса Нахимов вошел в кают-компанию. Все командиры кораблей были в сборе. Нахимов тепло пожал руку контр-адмиралу Новосильскому.

– Если бы вы знали, как я рад вашему приходу!.. – сказал он. Затем поздоровался за руку с каждым из командиров. Почти всех он знал. И, тем не менее, каждый из командиров представлялся ему:

– Командир корабля «Чесма» капитан 2-го ранга Микрюков...

– Командир корабля «Ростислав» капитан 1-го ранга Кузнецов...

– Командир корабля «Париж» капитан 1-го ранга Истомин...

– Командир корабля «Великий князь Константин» капитан 2-го ранга Ергомышев...

– Командир корабля «Три Святителя» капитан 1-го ранга Кутров...

Нахимов подошел к двум новым командирам фрегатов «Кагул» и «Кулевчи». Внимательно всмотрелся в молодые лица, открытые, мужественные, решил про себя: «Эти тоже не подведут».

Оба командира фрегатов представились:

– Командир корабля «Кагул» капитан – лейтенант Спицын...

– Командир корабля «Кулевчи» капитан – лейтенант Будищев...

– Рад знакомству, – произнес Нахимов и прошел на свое место.

– Прошу садиться, господа офицеры – сказал он. – Настал час выполнить волю его императорского величества государя России Николая I. Послужить Отечеству и приумножить Славу нашего флота. Завтра, 18 числа, с рассветом мы идем с Синопской бухте, где укрылся турецкий флот с задачей уничтожить его на месте стоянки, – Нахимов на мгновение умолк, словно хотел убедиться, что его слушают, затем продолжил: – Нам будут противостоять: Фрегаты «Низамин» – 64 орудия, «Навек-Вахри» и «Несими-Зефер» – по 60 орудий, «Дамиад» – 56 орудий, «Каиди-Зефир» – 54 орудия. Флагман турецкого флота «Ауни-Аллах» – 64 орудия. «Фазли-Аллах» – 64 орудия. Это наш бывший корабль «Рафаил». Если вы не забыли, в 1829 году он спустил флаг перед турками и был пленен. Напоминаю вам высочайшее повеление нашего государя предать огню этот корабль, как недостойный носить морской флаг.

Повеление это остается в силе и по сей день, – напомнил Нахимов и продолжил: – Корветы: «Неджи-Фешаж» и «Фейзи-Меабур» – по 24 орудия, «Гюли-Сефид» – 22 орудия. Пароходы: «Таиф» – 20 орудий, «Эрекли» – 4 орудия. И шесть крепостных батарей на берегу... Государь император, Россия ожидают славных подвигов от черноморцев. От нас теперь будет зависеть, оправдаются эти ожидания или нет. Теперь, с вашего позволения, я перейду к постановке задач.

Было уже далеко за полночь, когда командиры кораблей покинули флагман «Императрица Мария». Вице-адмирал Нахимов попросил остаться только контр-адмирала Новосильского.

– Вот что еще я хотел сказать, – продолжил Нахимов, когда они остались вдвоем. – Вести бой придется в необычных условиях, и хорошо бы иметь по одному офицеру на грот-марсе для наблюдения за точностью ведения огня. И еще: фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» должны оставаться под парусом и следить за турецкими пароходами.

– Павел Степанович, может все же следует подождать Корнилова? – задал вопрос Новосильский.

– Нет, нет! – горячо возразил Нахимов. – Пока подойдет Корнилов со своими пароходами, мы упустим момент. Погода может восстановиться, и турки выйдут в море, тогда их ищи-свищи, как ветра в поле.

Утро 18 ноября началось с мелкого морозящего дождя и ветра. Море все больше набиралось свинцовой тяжестью. Волны крепчали и с глухим стоном бились о борта кораблей.

В половине 11-го на кораблях отслужили молебен. Эскадра, подняла паруса, полным ходом пошла к Синопу. Это был один из старейших городов на побережье Анатолийской области, некогда насчитывающей более 80 тысяч жителей. Постепенно город из-за недостатка торговли стал приходить в упадок, однако бухта оставалась самой защищенной на всей береговой линии Оттоманской империи.

Дождь тем временем усилился. Низкие свинцово-сизые тучи, казалось, цеплялись за лохматые гребни волн, которые пенились и срывались порывами ветра.

Было ровно 12 часов, когда с флагмана «Императрица Мария» Нахимов в подзорную трубу различил силуэты турецких кораблей, укрывшихся в бухте. Они были выстроены в виде дуги, состоящей из семи фрегатов и трех корветов, стоящих на расстоянии не более мили от берега. За ними расположились два военных парохода и два транспорта, а у причала стояло еще три брига. Скорее это были купеческие суда.

Дерзкая мысль войти в бухту и прорваться между линией турецких кораблей и береговыми батареями, таким образом, не дать возможности береговым батареям вести огонь, дабы не попасть в свои же корабли, пришла в голову Нахимова сразу, как только он увидел построение турецкого флота.

Нахимов тут же приказал капитану 2-го ранга Барановскому просигналить второму флагману контр-адмиралу Новосильскому, чтобы он занимал позицию перед фронтом турецких кораблей.

С «Парижа», где находился Новосильский, ответили, что приказ понят.

В половине первого часа «Императрица Мария», «Великий князь Константин» и «Чесма» на всех парусах вошли в бухту и стали обходить первую линию турецких кораблей с левой стороны. За ними последовали остальные корабли.

На «Императрицу Марию» сразу обрушился град ядер. В первую же минуту была перебита большая часть рангоута и стоячего такелажа. На грот-мачте уцелела только нижняя ванта.

Капитан 1-го ранга Барановский приказал одним бортом открыть огонь по турецкому флагману, а другим бортом по береговым батареям, с которых было сделано несколько неверных выстрелов по «Императрице Марии».

После двадцатиминутной дуэли, на турецком флагмане вспыхнул пожар, и команда, обрубив якорь, повернула корабль к берегу, где он, продолжая гореть, спустя несколько минут, с оглушительным треском сел на мель.

Нахимов тут же приказал перенести огонь по фрегату «Фазли-Аллах», что означало данный богом.

В одно мгновение ядра снесли добрую половину всех надстроек корабля, потом рухнула грот-мачта.

«Фазли-Аллах» яростно отстреливался. Одно из ядер с фрегата ударило в нижнюю часть капитанского мостика.

Нахимов почувствовал, как мостик под ним шатнулся. Он ухватился за перила, чтобы не упасть. Машинально оглянулся на капитана 2-го ранга Барановского. Тот сидел на полу и одной рукой держался за бок, а сквозь его пальцы сочилась кровь.

Подбежал боцман с двумя матросами и, несмотря на протест Барановского, снесли его на руках в каюту.

Тем временем турецкий фрегат получил несколько серьезных пробоин ниже ватерлинии и стал крениться на бок.

Нахимов приказал дать залп изо всех сил бортовых орудий. Фрегат дрогнул, словно, от смертельной раны и загорелся. Спустя минуту его сорвало с якоря и стало сносить к берегу напротив городских причалов. Оба фрегата горели на глазах у всего турецкого флота и города.

Нахимов перекрестился.

– Слава тебе господ, – прошептал он. – Повеление государя, отданное 25 лет тому назад, выполнено...

У контр-адмирала Новосильского тоже наметился успех. На воде горел еще один фрегат, а с другого фрегата, грозящего вот-вот опрокинуться, турецкая команда прыгала в воду. Нахимов приказал открыть огонь по турецким береговым батареям, которые возобновили стрельбу по русским кораблям.

Командир «Великого князя Константина» капитан 2-го ранга Ергомышин, расправившись с тонущим турецким фрегатом, открыл батальный огонь ядрами и картечью сразу по двум 60-пушечным фрегатом, стоящим на левом фланге боевой линии, которые пытались, сменив позицию, зайти к флагману «Императрица Мария» со стороны кормы.

Не прошло и пяти минут, как один из фрегатом «Навек-Вахри» взорвался, осыпав обломками и телами убитых матросов стоящие рядом корабли.

Картина была жуткая, и Нахимов даже на какое-то время закрыл глаза.

Второй турецкий фрегат поспешил отойти за линию своих кораблей.

«Великий князь Константин» последовал за ним и почти вплотную оказался перед другим фрегатом «Несими Зэфер» и 24 пушечным корветом «Неджи-Фешан», которые появились из облаков порохового дыма.

Капитан 2-го ранга Ергомышев отдал команду развернуться правым бортом и из всех пушек открыть огонь сначала по фрегату. После нескольких залпов фрегат сорвало с якоря и стало относить на мол. Корвет спешно снялся с якоря, но потерял управление и тоже стал сноситься ветром к берегу.

Тем временем жаркая дуэль разгорелась между «Парижем», на мачте которого развеялся флаг контр-адмирала Новосильского, с корветом «Гюли-Сефид» и фрегатом «Дамиад».

Было начало второго часа, когда страшной силы взрыв разнес на куски турецкий корвет.

После этого командир «Парижа» капитан 1-го Истомин сосредоточил огонь своих пушек против фрегата «Дамиад», где сразу же были снесены бизань-мачты. Не прошло и нескольких минут, как на турецком фрегате вспыхнул сильный огонь в кормовой части. Пламя быстро стало распространяться по верхней палубе и экипаж фрегата, опасаясь взрыва, стал покидать корабль, кто как мог.

В тяжелом положении оказался командир корабля «Три Святителя» капитан 1-го ранга Кутров. Ему пришлось вступить в бой с 54-х пушечным фрегатом «Каиди-Зефир» и 64-х пушечным фрегатом «Низами». На «Трех Святителях» был перебит шпринг, и его развернуло на ветру. Экипаж корабля с великим трудом смог снова повернуть корму и в упор расстрелял «Каиди Зефир».

В это время командир «Ростислава» капитан 1-го ранга Кузнецов, заметив, в какое трудное положение попал капитан 1-го ранга Кутров, поспешил на помощь «Трем Святителям» и с близкого расстояния, что называется, разворотил фрегату «Низамин» левый борт.

Фрегат медленно накренился и стал тонуть.

Но не обошла беда и «Ростислас». На нем взорвалась пушка от попадания в нее турецкого снаряда. Взрывом разнесло часть палубы. Начался пожар. Пламя стало подбираться к крюк-мерам, где хранился порох. И, когда уже казалось, взрыва не избежать, несколько матросов во главе с мичманом Колокольцевым бросились с брезентовым пологом к огню и накрыли его.

...В пылу боя Нахимов не обратил внимания на движение парохода «Таиф». Он начал медленно обходить турецкие корабли с явным намерением выскользнуть из бухты в море. Зато это движение заметили с фрегатов «Кагул» и «Кулевчи». Оба фрегата бросились на перехват пароходу, однако, тот, отстреливаясь, дал полный ход и стал уходить от преследования.

«Таиф» был уже возле мыса, за которым открывалось море, когда впереди показались черные шлейфы густого дыма. Прошло еще некоторое время, и на виду показался пароход «Одесса» под флагом генерал-адъютанта Корнилова. За ним на одинаковом расстоянии шли еще три парохода.

С «Таифа» заметили русские пароходы и сменили курс. Пароход стал уходить вдоль береговой линии.

...Вице-адмирал Корнилов, услышав гул боя и, затем, увидев турецкий пароход, который пытался скрыться бегством, приказал командирам пароходов «Крым» и «Херсон» начать преследование беглеца. Однако успеха это не принесло. 20-ти пушечный «Таиф», огрызаясь на ходу, все дальше и дальше уходил в море, пользуясь преимуществом в скорости.

...Около 3-х часов дня судьба боя была уже предрешена. Турецкие корабли один за другим выбрасывали белые флаги.

Из всех береговых батарей только две продолжали еще стрелять калеными ядрами по русским кораблям, не причиняя им особого вреда.

Вице-адмирал Нахимов отдал приказ командирам кораблей «Парижу» и «Ростиславу» заставить замолчать береговые батареи. Не прошло и получаса, как береговые батареи были разрушены.

Около 4-х часов дня в бухту вошли пароходы под командованием генерал-адъютанта Корнилова и были встречены громким «Ура!!!» матросами всей эскадры, изрядно пострадавшей, но по-прежнему грозной.

Перед глазами Корнилова предстала жуткая картина полного разгрома турецкого флота. Купеческие суда и два транспорта затонули у причалов от попадания в них ядер. Пароход «Эрекли» горел и, когда «Одесса» входил в бухту, турецкий пароход взорвался. Его горящие обломки долетели до городских строений, и в Синопе начался пожар. Держались на плаву только фрегаты «Дамиад», «Ауни-Аллах» и «Несими-Зефер», а также корвет «Фейзи-Меабур», с которых уже начали свозить раненых и пленных турецких матросов.

По прибытию на флагман «Императрица Мария» вице-адмирала Корнилова и контр-адмирала Новосильского, было принято решение направить в город парламентаров и сообщить городским властям, что русская эскадра пришла для истребления военного флота. Городу не будет принесен вред.

Затем Нахимов пригласил Новосильского и Корнилова к скромно накрытому столу.

Однако не прошло и получаса, как в кают-компанию вошел адъютант Нахимова и доложил, что на «Императрицу Марию» доставили пленного командующего турецким флотом Осман-пашу, а также командиров фрегата «Фазли-Аллах» и корвета «Файзе-Меобур».

– А где остальные? – спросил Нахимов.

– Убиты, или в тяжелом состоянии, Павел Степанович, – ответил адъютант.

– Ну, бог с ними... Осман-пашу ко мне. Остальные меня не интересуют... – и чему-то усмехнувшись, добавил, обращаясь к Корнилову и Новосильскому: – Вот как выходит... Жизнь даёт один только бог, а отнимают её кому не лень.

...К ночи, прибывшие из Севастополя пароходы, отбуксировали в море горящие турецкие корабли, чтобы с переменой направления ветра, пылающие костры не нанесли на русскую эскадру.

А с утра экипажи кораблей притупили к ремонту поврежденных ренгоутов и такелажей и заделке пробоин в бортах и на палубах.

Нахимов приказал перенести свой флагманский флаг на корабль «Великий князь Константин»

Фрегат «Императрица Мария» сильно пострадал, было решено, что в Севастополь он пойдет на буксире парохода «Одесса».

В ночь на 19 ноября погода устоялась. Разорвались тучи, на смену им пришли редкие облака, через которые проливался холодный свет луны, отражаясь тусклым блеском на поверхности бухты.

Пожар в Синопе, начавшийся еще днем, никто не тушил, и он разгорался, пожирая дома один за другим...

На рассвете 20 ноября русская эскадра снялась с якоря и покинула Синопскую бухту и горящий город...

3

Во второй половине дня 22 ноября эскадра Нахимова стала входить в Севастопольскую бухту. Встречать корабли вышел весь город. Толпы людей теснились на причалах, а самые отчаянные на баркасах и рыбацких лодках плыли навстречу кораблям, израненным и смертельно усталым.

За двое суток перехода море изрядно потрепало эскадру, словно проверяло ее еще раз на прочность.

Сразу после выхода из Синопской бухты море встретило русские корабли спокойной зыбью. Однако к ночи поднялся сильный ветер. К утру заштормило и пришлось отдать буксиры и на парусах идти к родному Севастополю. К утру 22 числа ветер стих также внезапно, как и начался, и пароходы снова взяли израненные корабли на буксир.

Невзирая на несносную погоду, люди на причалах были одеты по-праздничному. У некоторых в руках оказались даже цветы.

Когда корабли выстроились на внутреннем рейде, с пристани грянул духовой оркестр, а из крепостных орудий прогремело три залпа в честь победителей.

До глубокой ночи и весь следующий день Севастополь ликовал.

Утром 23 числа вице-адмирал Нахимов проехал по госпиталям, в которых разместили раненых. Первым делом нашел госпиталь, где находился капитан 1-го ранга Барановский. Шрапнелью ему пробил бок, однако повреждение получили только мягкие ткани. Рядом с Барановским лежал штурман штабс-капитан Родионов. Ему оторвало правую руку. Состояние офицера было тяжелое, и Нахимов попросил доктора сделать все, чтобы облегчить страдания раненого.

– У нас есть еще один такой же, – сказал доктор. – Только с ним еще хуже. Ему оторвало ногу.

– Как его фамилия? – спросил Нахимов.

– Прапорщик Плонский.

– Я запомню, – сказал Нахимов. – Им больше, чем кому-либо принадлежит слава нашей победы и оставить их без внимания и заботы – это грех перед богом.

– Павел Степанович, только в нашем госпитале таких около трех сотен, – ответил доктор. – И всех их нельзя обделять вниманием, потому как у каждого из них есть родители, жены, дети. И хорошо, если мы их поднимем на ноги.

Нахимов согласился с доктором. Пообещал все сделать для поддержания и выздоровления раненых и уже в конце дня приехал в штаб флота.

Надо было подготовить донесение о результатах Синопского боя на имя генерал-адъютанта князя Меншикова, в подчинении которого находился Черноморский флот и войска Азово-Черноморской береговой линии.

Нахимов собственноручно составил донесение, чтобы нигде не было упомянуто его имени, и приказал отправить в Варшаву.

И сразу начались будни. Корабли эскадры требовали ремонта. Одновременно на корабли завозились ядра, шрапнельные снаряды, порох, продовольствие. Командирам кораблей Нахимов отвел неделю, по истечению которой эскадра должна была выйти в море на патрулирование в территориальных водах России.

...Как-то, уже в конце дня, когда Нахимов, устав до изнеможения, возвращался домой, у подъезда его встретила пожилая просто одетая женщина. В руках она держала небольшой сверток из полотенца.

Завидев Нахимова, женщина пошла ему навстречу.

– Павел Степанович, простите ради бога за то, что тревожу вас, – сказала она, – ни мое имя, ни моя фамилия вам ничего не скажут. Я пришла к вашему дому по велению сердца и прошу не отказать мне – примите этот образ Николая Чудотворца. С ним я много лет тому назад посетила святые места в Иерусалиме и хранила как зеницу ока. Теперь же, во славу вашего подвига, хочу передать эту икону вам.

Все это было настолько неожиданно, что Нахимов даже растерялся. Принять икону, с которой эта женщина побывала в святых местах и, которая для него много значила, он был не вправе. Но и не принять – значит обидеть доброго человека.

– Я не знаю, имею ли я право взять вашу икону, стоившую вам таких испытаний. Ибо весь наш подвиг был ничем иным, как выполнением воинского долга перед православной верой и Отечеством. Это слишком дорогой подарок... – взволнованно ответил Нахимов.

– Павел Степанович, – мягко прервала его женщина, – вам судить о важности того, что сделали вы. Однако и я уверен, что поступаю правильно.

Нахимов бережно взял в руки сверток.

– Я благодарю вас, – сказал он, с трудом сдерживая волнение.

– Павел Степанович, образ Николая Чудотворца имеет большую силу, – продолжала незнакомка. – Послушайте моего совета. Этот образ повесьте в своей каюте и сделайте список для ношения на груди. Пока он будет с вами, бог защитит вас и сохранит вам жизнь на долгие годы.

Нахимов не сдержался и развернул полотенце. На него глянул суровый лик Николая Чудотворца, однако в этой суровости не было того, что вызвало бы чувство страха или опасения. Взгляд внушал спокойствие и уверенность. Он, словно, притягивал взор, и от этого из души уходила тревога.

Нахимов поднял глаза. Он хотел еще раз поблагодарить незнакомую женщину, однако на месте ее не было...

Через два дня Нахимову матрос-умелец сделал точную копию иконы Николая Чудотворца с обрамлением из серебряной нити. Все два дня Нахимов был под впечатлением этой странной встречи у подъезда своего дома. И как-то сразу успокоился, когда надел на себя эту маленькую иконку.

...8 декабря в Севастополь прибыл генерал-адъютант князь Меншиков.

Первым делом он побывал на кораблях, принявших участие в Синопском бою, и от имени государя вручил награды экипажам, затем посетил госпитали и тоже вручил награды героям сражения и только после этого поехал в штаб флота. Обнял вице-адмирала Нахимова и с улыбкой произнес.

– Ну что же, Павел Степанович, ваше имя уже произносят по всей России наравне с именами Лазарева, Ермолова, Кутузова и Суворова. Вы теперь народный герой! А посему позвольте выполнить волю государя-императора нашего и зачитать при всех Высочайшую грамоту на ваше имя.

Князь Меншиков взял из рук своего адъютанта царскую грамоту и стал читать. – «Вице-адмиралу Нахимову. Истребление турецкого флота при Синопе, вы украсили летопись русского флота новой победой, которая навсегда останется в морской истории. Статус военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия указывает награду за ваш подвиг. Исполняя с истинною радостью постановление статуса, жалую вас кавалером Святого Георгия второй степени большого креста, пребывая к вам Императорской милостию нашего благосклонны».

Князь Меншиков закончил читать, передал грамоту вице-адмиралу Нахимову и расцеловал его.

– Павел Степанович, это уже я от себя, – произнес он растроганно. – Вы все молодцы! А теперь ведите к столу. Знаю, что накрыли. И правильно сделали. Поздравить я всех поздравил, однако помянуть надо тех, кого уже не вернешь.

...В это же день князь Меншиков намеревался отплыть в Одессу на пароходе «Херсон». Перед тем, как попрощаться, сказал.

– Если бы вы знали, Павел Степанович, какой шум поднялся в Европе по поводу разгрома эскадры Осман-паши! Достается и командованию англо-французской эскадры. Почти все газеты Европы винят их в том, что у них под самым носом вы разбили турок.

– Александр Сергеевич, однако, позвольте... Англия и Франция не в состоянии войны с нами! – возразил Нахимов.

Князь Меньшиков качнул головой.

– Наивные вы люди, моряки, – сказал он. – Осман-паша знал о вашем намерении. Еще 17 числа он депешей сообщил в Константинополь лорду Редклифу о появлении близ Синопа русских кораблей и просил помощи у него. Однако лорд Редклиф поступил чисто по-английски. Он заверил Осман-пашу, что союзный флот не допустит нападения русских кораблей на турецкие суда да еще в ее территориальных водах. Однако ничего не предпринял.

– Это хорошо или плохо? – усмехнулся Нахимов.

– Судите сами, Павел Степанович, – ответил князь Меньшиков. – Что касается моего мнения, я полагаю так: коли убоялись – значит, уважают. Обидно за другое, – продолжил он. – Почти всё европейские борзописцы в один голос, словно по команде, утверждают, будто русские из-под тишка напали на слабого противника и, что мы, якобы нарушили какую-то конвенцию, несуществующую на самом деле. И вместе с тем умалчивают о том, что турки уже более месяца, как объявили нам войну, а до этого напали на наш пост Святого Николая и устроили там кровавую резню. В Петербурге тоже сначала отнеслись к случившемуся в Синопской бухте настороженно. Но после того, как государь выразил свое восхищение вашим успехом, все стало на свои места.

Последние слова князя Меньшикова поразили Нахимова больше, чем, если бы прямо сейчас у него из-под ног ушла земля.

– Александр Сергеевич, а разве могло быть по-другому? – спросил он.

Князь Меньшиков, видимо, понял, что сказал лишнее. Однако слово – не воробей.

– У нас все может быть, Павел Сергеевич. Есть тактики, есть стратеги. А еще есть мудрецы. Вы только не принимайте это близко к сердцу. Вы моряк! К тому же у вас здесь все ясно и просто, не то, что при Дворах... А, впрочем, зачем я вам обо всем этом говорю, – и, князь Меньшиков, сменил тему разговора: – Вы знаете, кто командовал турецким пароходом «Таиф», который удрал от вас? Англичанин капитан След. Он первый начал рассказывать газетчикам о вероломном нападении русских. Так что привыкайте. Сдается мне, не то еще будет. Прощайте, Павел Сергеевич.

Князь Меньшиков обнял Нахимова, попросил не провожать его и уехал на пристань, где его ожидал катер, чтобы доставить на пароход «Херсон».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

В начале декабря князь Горчаков принял неожиданное решение: вместо генерала Фишбаха начальником Мало-Валахского отряда назначить генерал-адъютанта графа Анрепа.

В ставке главного штаба тут же прошел слух, что смена командующего войсками Мало-Валахского отряда связана с назначением подполковника Эрнропа начальником штаба 4-го корпуса. По мнению тех, кто поддерживал этот слух, у генерала Фишбаха в свое время не сложились отношения с Эрнропом и князь Горчаков при назначении Эрнропа на должность начальника штаба корпуса, в подчинении каждого находился Мало-Валахский отряд, принял это во внимание. Другие утверждали, что причина в другом, генерал Фишбах с началом военных действий не проявил себя решительно и теперь, в преддверии главных событий уходящего 1853 года, смена начальника Мало-Валахского отряда была необходима.

В Бухаресте уже было известно, что турки успели собрать в Калафате около 25 тысяч регулярных войск и большое количество артиллерии.

Одновременно напротив Видино они заняли остров и соорудили на нём четыре батареи по три орудия в каждой. Казачьи разъезды обнаружили и скопление лодок с двумя буксирными пароходами между Калафатом и Видино.

Мелкие отряды турок были замечены в селениях Пояны и Голенцы.

Всё говорило о готовящейся переправе турецких войск на левый берег Дуная.

...Генерал Анреп прибыл в Крайово, где в это время находился штаб Мало-Валахского отряда 10 декабря. На прием должности и ознакомление с обстановкой времени много не ушло. Ещё в Бухаресте князь Горчаков ввел его в курс дела.

Уже на следующий день после прибытия в Крайово Анреп распорядился сформировать авангард из трёх эскадронов гусарского Ахтырского полка и трех сотен 38-го Донского казачьего полка. Командование авангардом поручил флигель-адъютанту князю Васильчикову с задачей выдвинуться по дороге на Капафот, но не далее селения Радована и пресекать любые попытки турок вести заготовку фуража и продовольствия на левобережной стороне Дуная.

Уже прощаясь с флигель-адъютантом князем Васильчиковым, генерал Анреп предупредил

– ... Я прошу вас, князь, будьте осторожны. Насколько мне известно, большинство жителей селений находятся под влиянием валахских дворян и настроены не в нашу пользу. Вероятно, они забыли о той помощи, которая им была оказана Россией не так давно. Так что смотрите в оба. Бережёного и бог бережет.

Генерал Анреп слегка обнял князя Васильчикова и пожелал ему удачи.

Через два дня после выхода авангарда из Крайова, генерал Анреп получил от князя Васильчикова первое донесение. В нем говорилось, что жители многих селений действительно крайне возбуждены и не повинуются местным властям. Грабят греческих и прочих купцов и отправляют их в Калафат. Возбудителями населения являются бывшие дворяне Аполлонии и Могера, бежавшие в 1848 году из Валахии от русских войск в Турцию.

Спустя сутки пришло второе донесение. Князь Васильчиков сообщал о появлении турок в районе села Скрипетул и о захвате казачьим разъездом нескольких турок, среди которых оказался один офицер. На допросе пленные рассказали о скором подходе новых войск в Калафат.

Генерал Анреп тут же доложил об этом в Бухарест.

Князь Горчаков в ответной депеше сообщил, что в ближайшие дни направит в распоряжение генерала Анрепа дополнительные войска в составе Одесского и Украинского егерских полков, а также Азовский и Днепровский пехотные полки и три саперные роты.

...17 декабря утром дежурный офицер по штабу доложил генералу Анропу, что в селениях Сальчи и Кушмире местные жители напали на казачьи разъезды и пытались отобрать у казаков оружие. Однако те отбились плетками и ускакали. И тогда вслед казакам раздались ружейные выстрелы.

Генерал Анреп спросил, с трудом сдерживая гнев.

– Казаки все целы?

– Все, – ответил дежурный офицер.

– Тогда этим сукиным детям повезло.... Если бы они убили хотя бы одного казака, я бы приказал повесить каждого десятого из числа смутьянов!

Генерал Анреп тут же распорядился вызвать к нему командира Тобольского полка полковника Баумгартена и приказал ему выступить в направлении сел Сальчи и Кушмира для умирения местного населения.

– Если окажут сопротивление, сами знаете что делать. Мы на войне, – потом добавил: – Заодно проведите разведку вверх по Дунаю вёрст за. Не нравится мне всё это. Я уверен, что-то придаёт им смелости.

Полк Баумгартена с преданными ему гусарским эскадронам, сотней казаков, гренадерской ротой и штуцерной командой выступил из Крайово около восьми часов утра. Ночью выпал мокрый глубокий снег, и дорога стала труднопроходимой.

Чтобы ускорить движение, полковник Баумгартен приказал впереди двигаться гусарскому эскадрону и казакам, а за ним уже пехотным батальонам. На версту впереди колонны был выслан казачий разъезд во главе с есаулом Прокопенко.

Был уже полдень, когда казачий разъезд подъехал к селению Четати. На окраине селения казаков остановили граничары-добровольцы числом до полусотни человек и все при оружии. Стали допытываться у казаков, куда они едут. Затем слышались угрозы.

Появление эскадрона гусар, а за ним двух пехотных батальонов остудил пыл граничар.

Выяснив в чём дело, полковник Баумгартен приказал забрать у граничар ружья. С десятка самых горячих зачинщиков Баумгартен распорядился закрыть в пустой амбар и выставить часовых.

– Один выстрел – и я прикажу сжечь всё село! – предупредил он остальных. – Расходитесь по домам!

На ночевку отряд остановился в Четати, выставив усиленные наряды на выходе в сторону Сальчи и Кушмира.

...Вечером в дом, где поселился Баумгартен, привели главу селения. На вопрос, откуда у жителей появилось оружие, глава упал на колени и взмолился:

– Ваше благородие, пощадите!... Сельчане не виноваты... За два дня до вашего прихода здесь были турки и с ними английский офицер. Ружья привезли они, раздали людям и сказали, чтобы они охраняли село от русских заготовителей сена. Сказали, если русские придут, заберут все!.. Чем тогда скотину кормить?

– И вы поверили? – спросил Баумгартен, – Встань с колен! Не гоже главе ползать по полу. Свое слово я сказал. Ежели что... Я его исполню. А теперь ступай. Противно мне смотреть на вас, хриstopродавцев.

Видя, что глава не собирается уходить, спросил:

– Ну что еще?

Глава обернулся на дверь, у которой стоял часовой.

– Я могу говорить при нём? – спросил он.

– Говори, – разрешил полковник Баумгартен.

– Ваше благородие, турки, которые были в селе, сказали, что со дня на день сюда придёт много их конницы...

– Не говорили сколько? – спросил Баумгартен.

– Говорили, много, – повторил глава.

– Не врешь?

– Вот вам крест, не вру, ваше благородие, – и глава размашисто перекрестился.

– Ну хорошо... Ступай. И помни, что я сказал, – предупредил еще раз Баумгартен.

...Ночь прошла спокойно. К утру небо вызвездилось и стало заметно примораживать.

Однако с рассветом заиграло яркое солнце и с крыш домов, украшенных длинными ледяными сосульками, стали падать звонкие капли, похожие на живые алмазинки. Прошло еще немного времени, и засеребрилась вся округа до самого Дуная, берега которого уже сковало молодым льдом, прозрачным и хрупким словно стекло.

Оставив в Четати один пехотный батальон с двумя орудиями и полсотни казаков полковник Баумгартен выступил в половине одиннадцатого часа по дороге на Сальчи. К концу дня прошли Кушмир и остановились на ночь в селении Брачешти. И нигде не встретили препятствия со стороны местных жителей. В Брачешти люди даже выносили из домов хлеб и молоко и кормили солдат.

...Утром, 20-го числа, несмотря на разыгравшуюся непогоду: ветер со снегом полковник Баумгартен решил выслать на дорогу к селениям Груе и Изворели головной отряд во главе с подполковником Костанду в составе эскадрона гусар и полсотни казаков с задачей провести разведку.

Сам же намеревался выступить с основными силами следом через час.

Однако не прошло и получаса, как в Брачешти прискакал связной от полковника Костанду с донесением, в котором говорилось, что селение Изворели занято турецкой конницей в количестве не менее тысячи человек.

Баумгартен приказал передать подполковнику Костанду, немедленно возвращаться в Брачешти.

...Остаток дня прошел спокойно. Наступила ночь. Перед самым рассветом полковника Баумгартена разбудил ординарец.

– Ваше благородие, вставайте! – сказал он.

Баумгартен приподнялся и глянул в окно. На улице только начинало сереть, и в комнате еще стоял полумрак.

– А сколько времени? – поинтересовался Баумгартен. – Что-то нынче ты, братец, меня раньше времени поднял...

– Ваше благородие, только что приходил местный глава и сказал, что турки идут...

Баумгартен вскочил с постели и стал одеваться.

– Где этот глава? – спросил он.

– Ушел... Не захотел задерживаться. Боится, наверное...

– Вот черт! – ругнулся Баумгартен. – Ну да ладно, быстро к начальнику штаба, капитану Хомякову. Пусть поднимает всех по тревоге!

В 7 часов утра Баумгартен вывел свой полк из Брачешти и занял оборону за селом на месте старых турецких укреплений. Позиция была выгодная. Впереди-вал, пред валом, хотя и не глубокий, ров. Левый фланг обороны прикрывал тоже ров, не доступный для конницы. Правым флангом оборона упиралась в крутой спуск к Дунаю. На ближайшей высоте Баумгартен распорядился оставить в засаде гренадерскую роту и штуцерную команду под руководством капитана Грицадя, чтобы огнем во фланг расстроить атаку турок на основную позицию.

Было около половины девятого, когда к селению подошёл головной отряд турецкой конницы в количестве около двух сотен. За ним появилась основная колонна, растянувшаяся на целую версту.

Наблюдая за движением турецкой конницы, Баумгартен покачал головой.

– Не обманул глава... – проговорил он... Ну что же... Посмотрим, – и обратился к начальнику штаба капитану Хомякову.

– Сейчас многое будет зависеть от штабс-капитана Грицайя. Если гренадёры и штуцерные продержатся хотя бы с час, мы еще будем жить. – И, словно в подтверждение его слов с высоты, занятой гренадерами и штуцерными дружно ударил залп, который протяжным эхом, похожим на стон, отразился в морозном воздухе. За первым залпом последовал второй, затем третий!

Турецкий головной отряд, словно, ветром сдуло с дороги. По всей видимости, они не ожидали засады на фланге и жестоко поплатились за своё легкомыслие.

С занимаемой позиции Баумгартену было хорошо видно, что у турок произошло замешательство. Однако ненадолго.

Неприятель тут же стал выстраиваться в боевой порядок поэскадронно, съезжая с дороги по обе стороны.

Ружейный огонь с высоты тем временем не прекращался.

– Молодец капитан Грицай! – довольно проговорил Баумгартен. – Шуму наделал как будто там, в засаде, целый батальон!..

Прошло не менее получаса, прежде чем турки пошли в атаку на высоту. Но получалась она не совсем удачно.

Гренадеры и штуцерные плотным огнём наносили коннице ощутимый урон. Особенно пострадала первая линия атакующего неприятеля. На белом искрящемся снегу остались лежать десятки убитых и раненых. Лошади, оказавшись без всадников, оглушенные пальбой и видимо не привыкшие к выстрелам, с испугом носились вдоль линии обороны, занимаемой полком Баумгартена.

Через некоторое время турки повторили атаку на высоту, пытаясь обойти ее через сады, примыкавшие к окраине селения. И это им удалось.

Чтобы не оказаться отрезанными, капитан Грицай приказал оставить высоту и отступить по прикрытием штуцерных на линию обороны полка.

... В 11 часов турки пошли в атаку на основную оборону полка. Однако после нескольких залпов картечью турецкая конница сбилась в кучу перед рвом и повернула назад.

В полку сразу поднялось настроение.

– Они на этом не успокоятся – сказал капитан Хомяков – пока есть время, давайте выдвинем в ров на левом фланге сотню застрельщиков и тем самым предупредим заход турок с левого фланга. Полковник Баумгартен согласился.

Время шло, а турки не появлялись.

Полковник Баумгартен даже стал беспокоиться.

– Неужели ждут подкрепление? – высказал он свое опасение капитану Хомякову – Тогда нам не устоять...

– Смотрите!.. Парламентер!.. – воскликнул в это время капитан Хомяков.

Парламентера заметили и с левого и с правого флангов, и вскоре весь полк с интересом наблюдал за появившемся на дороге турецким офицером, который держал в руках белый флаг.

– Не стрелять! – распорядился Баумгартен. Когда по линии обороны осталось около сотни шагов, навстречу парламентеру вышел штабс-капитан Грицай!

Турецкий офицер сошёл с лошади и отдал честь капитану Грицаю. Тот ответил тем же. Турок передал Грицаю конверт и сказал на хорошем английском языке.

– Вашему командиру...

– Что это? – спросил капитан Грицай.

– Ультиматум, – ответил тот. – Если вы не сдадитесь через полчаса, мы уничтожим вас всех. У нас на подходе артиллерия.

– Бог вам в помощь, – спокойно ответил капитан Грицай. – А у нас на подходе дивизия. Знаете, как у нас на Украине говорят? Не кажи гоп, пока не перепрыгнешь.

Развернулся и неторопливо пошел назад.

Турок посмотрел ему в спину и покачал головой.

Ровно через полчаса, минута в минуту, турецкая конница пошла в атаку. На этот раз основная ее масса, как и предполагал капитан Хомяков, ринулось вдоль рва с явным намерением обойти оборону полка с левого фланга.

Когда неприятельская конница приблизилась на достаточно близкое расстояние из рва по ней открыли дружный огонь застрельщики и сразу нанесли коннице ощутимый урон. Подоспевшая к застрельщикам на помощь гренадерская рота, тоже открыла огонь и заставила турок отказаться от намерения обойти оборону полка с левого фланга. На какое-то время перед всей линией обороны наступило затишье.

– Ну, чего теперь нам ждать? – спросил полковник Баумгартен у капитана Хомякова.

Тот слегка пожал плечами.

– Все будет зависеть от того, кто подойдет первым. Если наша несуществующая дивизия, о которой сказал туркам капитан Грица дело одно. Если их артиллерия...

– Это будет другое дело... Не весело. Усмехнувшись, проронил Баумгартен... – С дивизией Грицай переборщил.

Время тянулось медленно. К полудню заметно потеплело, солдаты оживились и даже стали подшучивать друг над другом. Кто-то из умников предложил даже сбежать в селение за хлебом и молоком. На что ему ответили.

– А зачем тебе хлеб с молоком? Вы, ростовцы, лапшееды.

– Тишина-то какая, – сказал капитан Хомяков. – Даже слышно как шуга по Дунаю идет...

– Вы романтик, капитан, – заметил полковник Баумгартен.

– Я не романтик. Просто я люблю жизнь. И радуюсь тому, что вижу и что слышу. Даже на войне не все уж так безрадостно...

– Смотрите! Кто-то торопится к нам! С левого фланга!

Услышал полковник Баумгартен чей-то голос за своей спиной. Он посмотрел влево и увидел бегущего к ним прапорщика Солодовникова. Оказавшись рядом с полковником Баумгартеном и капитаном Хомяковым, прапорщик Солодовников, с трудом переводя дыхание, выпалил.

– Ваше высокоблагородие, турки уходят!

– Как уходят?.. – не понял полковник Баумгартен. – Куда?

– По дороге на Изворели!..

Полковник Баумгартен с облегчением перекрестился.

– Слава тебе, господи!.. Знать и вправду у страха глаза велики...

– Вы о чём? – не понял полковника Баумгартена капитан Хомяков.

Баумгартен усмехнулся:

– Ну, Грицай пригрозил же туркам дивизией. Иначе, почему они уходят?..

2

Событие, которое произошло под Брачешти, заставило генерала Анрепа принять срочные меры по недопущению распространения действия турок на левом берегу Дуная.

22 декабря он распорядился перевести свой штаб из Крайова в Быйлешти. Здесь же расквартировал три батальона Екатеринбургского пехотного полка, одну конно-пешую батарею, эскадрон гусар и две сотни 38-го донского казачьего полка.

Читати заняли батальоны Тобольского пехотинского полка с шестью легкими орудиями, эскадроном гусар и двумя казачьими сотнями под общим командованием полковника Баумгартена.

В селении Моценей, расположенном между Читати и Быйлешти под командованием генерал-майора бельгарда, были расквартированы Одесский егерский полк, эскадрон гусар и сотня донских казаков. Это был резерв. В задачу генерала Бельгарда входило выступать в случае нападения турок на Быйлешти или Читати для оказания поддержки.

А для того, чтобы перекрыть туркам дорогу, ведущую в Малую Валахию, генерал Анреп приказал занять селение Синешти-Круг, разместив там пять эскадронов гусар. Ещё один эскадрон гусар распорядился разместить в селении Ковейде-суд в качестве аванпоста.

Пять гусарских эскадронов с артиллерией заняли селение Чароя. Генерал Анреп понимал, что командующий турецкой армией Осман-паша, недовольный своей неудачей под Ольтеницей, постарается взять реванш под Калафатом, где по сведениям лазутчиков к середине декабря уже собралась 40-тысячная турецкая армия.

Генерал Анроп понимал, что у него недостаточно сил и он попросил князя Горчакова найти возможность пополнить его отряд, учитывая растущую численность турецких войск в районе Калафата и Видин.

Прошло три дня, и Анреп получил из Бухареста от полковника Эрнропа депешу, в которой сообщалось, что для усиления войск в Малой Валахии Главнокомандующий распорядился направить туда 12-ю пехотную дивизию под командованием генерал-лейтенанта Липранди, четыре сапёрные роты и Бугский уланский полк с артиллерией.

В штабе Мало-Валахского отряда воспряли духом. Отряд до этого считывал всего 7 тысяч человек и был растянут на тридцать верст по левобережью Дуная.

Не ясным оставалось только одно: кто теперь будет командовать войсками отряда – попрежнему генерал Анреп или более опытный генерал-лейтенант Липранди.

Срок прибытия 12-й пехотной дивизии и Бугского уланского полка в малую Малахию был определён не позднее 30 декабря.

Генерал Анреп тогда ещё не знал, что решение князя Горчакова направить в Мадую Валахию 12-ю пехотную дивизию стало возможным после того, как государь приказал усилить Дунайскую армию и ввести в ее состав ее один пехотный корпус.

...23 декабря во второй половине дня полковник Баумгартен пригласил к себе начальника штаба капитана Хомякова.

– Вот что, Василий Петрович, завтра у нас воскресенье и праздник-день великомученицы Екатерины. Я понимаю – это не Рождество, но все же праздник. Отдай-ка распоряжение, чтобы во всех подразделениях провели молебен и приготовили праздничные обеды. Интенданты пусть не поспеют на вино и водку. Однако, при всём при этом ушки держать на макушке! Не ровен час... Сам знаешь мы тут, в Четати, на самом острие. Генерал Бельгард с резервом в 12 верстах от нас, а генерал Анреп ещё дальше. Вот такой расклад, Василий Петрович, – закончил полковник Баумгартен.

– Будет сделано, – ответил капитан Хомяков и продолжил. – Вчера я был в соседнем селении Фонтына-Банулуй. Оно обнесено хорошим валом и по сути дела прикрывает дорогу из Гунии.

– И что ты предлагаешь? – спросил полковник Баумгартен, хотя и сам уже догадался, о чём идет речь.

– Я предлагаю основную оборону организовать в этом селении. Позиция очень выгодная. Влево от селения сплошные виноградники. Коннице там не развернуться. Справа – низменное пространство круто уходит к Дунаю, хорошо просматриваемое и удобное для обстрела. Если вы не возражаете, я сегодня же подготовлю план диспозиции для каждого подразделения.

Полковник Баумгартен задумался. Действительно, предложение начальника штаба сулило выгоду. Имея в своём распоряжении немногим больше 2-х тысяч человек, надо было подумать, как устоять в случае нападения турок, хотя бы до подхода главных сил отряда.

– Ну, хорошо, Василий Петрович, я согласен, – ответил полковник Баумгартен.

– Только и здесь мы должны сохранить за собой позицию. На всякий случай, чтобы не получилось: от волков ушли, а на медведя нарвались.

...Уже в конце дня полковник Баумгартен пришел в распоряжение 3-го батальона. Поговорил с солдатами и командиром батальона майором Коломийцевым и остался доволен. Убе-

дился: хотя грядущий день и был праздничным, настроение в батальоне чувствовалось боевое. Потом заехал в 8-й гусарский эскадрон к ротмистру Ерасия и застал у него штабс-капитана Грицаца, командира 4-й гренадерской роты, которого называли Грицаем-первым, вторым был его брат, тоже капитан, командир 3-ей гренадерской роты.

– Что, господа? Готовитесь к празднику? – шутливо спросил полковник Буамгартен, увидел на столе бутылку вина. И жестом руки показал, чтобы офицеры не поднимались.

– Сам бог велел, – ответил ротмистр Ерасия. И пояснил: – У брата моего напарника по застолью, сегодня день рождения. Решили отметить...

– А где же сам виновник? – поинтересовался полковник Буамгартен. – Почему его тут нет?

– Он со своей ротой уже занял позицию на окраине селения, название которой сразу и не выговоришь.

– Фонтына-Банулу, – усмехнулся полковник Буамгартен. – Ну, что ж, отмечайте. Только не забудьте и именинника поздравить, – напомнил он и направился в штаб.

День таял быстро. В начале пятого часа округа поблекла, снег стал наливать тёмной синевой, и над Дунаем появилась белая полупрозрачная дымка.

Ночь приближалась тихо, словно, боялась вспугнуть погружающуюся в настороженную тишину землю.

... Было около 10 часов вечера, когда к полковнику Буамгартену зашел капитан Хомяков.

– Я только что получил донесение сразу от двух разъездов... – сообщил он. – Замечено движение турецких войск на дороге из Гуници в нашу сторону.

Полковник Буамгартен встал и заходил по комнате, чувствуя, как и его охватывает нервное волнение.

– Это уже хорошо, что заметили... – произнес он задумчиво. – Знать бы сколько их...

– Много, – ответил Хомяков. – Каждый разъезд в течение четверти часа наблюдал за движением на дороге. Если судить по докладам, то можно предположить: у турок не менее 15 тысяч пехоты и до 3-х тысяч кавалерии. Что будем делать.

– Как что? – удивился полковник Буамгартен. – Во-первых, разъезды определили на глазок. Значит, может быть и не столько...

– А больше... – заметил капитан Хомяков.

– Черт! Все может быть... – полковник Буамгартен остановился и потер ладонями виски. – Ну что теперь гадать?.. Больше... Меньше... Атаковать нас они, скорее всего, намерены по утру в надежде захватить врасплох... Значит так, Василий Петрович, передать всем командирам: занимаем участки обороны немедленно! И чтобы тихо было сделано, – предупредил он. – Пусть думают, что на Руси все караси. А мы им докажем, что есть и ерши!

... К полуночи войска полковника Буамгартена заняли оборону на окраине селения Фонтына-Банудуй.

По обе стороны от дороги на Гуницу на закрытой позиции были поставлены четыре орудия, а за ближайшими строениями укрылись две мушкетерские роты. За внешней стороной вала капитан Хомяков ещё днём заметил глубокую канаву с насыпью, которая тянулась вдоль вала. Её гребень заняли штуцерные 1-го и 4-го батальонов. Отсюда хорошо просматривалось все пространство на подходе к селению.

Левее Фонтына-Банулуй полковник Буамгартен приказал установить еще четыре орудия, а за рвом позицию заняла 3-я мушкетерская рота.

3-й батальон, 4-ю гренадерскую роту и батарею из четырех орудий полковник Буамгартен распорядился оставить в селении, как резерв на самые непредвиденные случаи.

... За час до рассвета по дороге на Гуницу вышел эскадрон гусар для разведки. Было половина восьмого утра, когда вернулась разведка и полковнику Буамгартену доложили, что турецкая колонна уже на подходе.

Ровно в 8 утра на дороге появилась кавалерия. Она двигалась угрюмо-серой массой.

Утренняя убаюкивающая тишина лишь изредка нарушалась тревожным ржанием лошадей. В двух верстах от окраины селения колонна остановилась и стала разворачиваться для атаки.

Вскоре подошла турецкая пехота и тоже стала выстраиваться побатальонно по обе стороны от дороги.

На ближайший курган турки установили батарею из шести орудий. Еще одну батарею из шести орудий установили справа от дороги.

Одновременно густая цепь турецких штуцерных выдвинулась вперед и открыла огонь по валу.

– Василий Петрович, а они знают свое дело, – сказал полковник Буамгартен, наблюдая за действием турок. – И батареи удачно поставили...

– Все равно, они у нас как на ладони, – ответил капитан Хомяков. – Мы их видим, а они нас нет.

Полковник Буамгартен усмехнулся.

– Ну, хотя бы, в этом наше преимущество. Ну что начнем?

– Рановато, – сказал капитан Хомяков. – Вот как выйдут на линию виноградников, тогда и начнём. Иначе мы их шрапнелью не достанем.

Полковник Буамгартен не стал возражать, но все же заметил:

– Смотри – не прозевай... А то как бы штыками не пришлось отбиваться... Пуля, хотя и дура, однако своего турка найдет.

Тем временем под прикрытием штуцерных турецкие батальоны двинулись вперед. Одновременно их кавалерия попыталась сходу прорваться на правом фланге, но и конница и

батальоны были встречены огнем из орудий стрелков, засевших за гребнем канавы. Ряды турецкой пехоты стали редеть прямо на глазах. Пойдя еще саженой сто, штуцерные и батальоны остановились, а затем в беспорядке отступили назад.

По всей линии обороны грянуло «Ура!» Несколько смельчаков, встав во весь рост, стреляли стоя, однако тут же были возвращены командирами на свои места. И вовремя. Турецкие штуцерные, отступив с батальонами до виноградников, залегли там и стали поражать каждого, кто поднимет голову над валом.

Атака кавалерии в обход селения тоже не принесла успеха. Глубокий снег не позволил ей провести быструю атаку, а батальон майора Коломийцева и гренадеры, стоящие в селении, выдвинулись на окраину и встретили кавалерию убийственным огнем.

Через час турки повторили атаку. Она началась с обстрела неприятельскими батареями позиций обороняющихся в центре и на левом фланге.

Турецкие орудия гремели минут двадцать. Когда они смолкли, поднялась густая цепь стрелков, за которой двигались пять батальонов пехоты на участке обороны в центре и три батальона на левый фланг.

– На семь бед – один ответ, – сказал капитан Хомяков, наблюдая за движением противника, и пояснил, перехватив на себе вопросительный взгляд полковника Буамгартена. – Теперь без штыков не обойтись...

Когда турецкие батальоны приблизились на расстояние орудийного выстрела, все 12 пушек, которыми располагал отряд полковника Буамгартена, открыли огонь шрапнелью, однако турки, неся потери, продолжали двигаться вперед. Не остановили их и застрельщики, они вскоре отступили за вал, чтобы не оказаться отрезанными.

До вала оставалось саженой пятьдесят, когда турки ускорили шаг, а затем с криком бросились вперед.

Полковник Буамгартен перекрестился.

– Ну что, Василий Петрович? – обратился он к Хомякову. – Господня воля – наша доля? Командуй: «В штыки»!

Леденящее душу слово «В штыки!» молнией пронеслось по всей линии обороны.

Уже можно было видеть лица турецких пехотинцев. Тридцать саженей... Двадцать... Десять... Первая волна турок преодолела ров и стала взбираться на вал. И тогда он вдруг ожил, поднялся, ошестинившись холодно блеснувшими штыками.

Первая волна турецкой пехоты была переколота. За ней накатилась вторая... затем третья...

На левом фланге турки, казалось, уже начали теснить обороняющихся, однако в дело вступили подоспевшие 4-я гренадерная и 11-я мушкетерская роты и турки попятнулись.

Штабс-капитан Грицай-первый, увлекшись боем, начал преследовать противника, но вдруг, почувствовал страшной силы удар в голову, затем невыносимую адскую боль и стал терять сознание.

Как сквозь сон до него донеслись чьи-то слова: «Братцы! Да у него дырка в голове!»

На правом фланге, несмотря на то, что оборона примыкала к обрывистому берегу Дуная, турки проявили упорство и, невзирая на потери, не прекращали атаковать.

...Капитан Хомяков прибыл на правый фланг в самый разгар боя с двумя ротами от 3-го батальона и после получасовой ожесточенной рукопашной схватки заставил турок отступить.

Хомяков подошел к капитану Грицко-второму, чтобы передать распоряжение полковника Буамгартена отвести роту гренадеров в Читати, занять там позицию и ожидать отвода туда всего отряда, как вдруг, откуда-то из-за его спины раздался выстрел.

Капитан Грицай-второй вздрогнул, недоуменно посмотрел на Хомякова и стал медленно падать на бок.

Хомяков подхватил его на руки. Подбежали еще несколько гренадеров и уложили капитана Грицай-второго на солдатскую шинель. Другие гренадеры бросились к раненому турку, который выстрелил в их капитана и штыками добила его.

Хомяков наклонился над капитаном Грицаем-вторым, который пытался что-то сказать, однако вместо слов изо рта у него хлынула кровь...

3

В 11 часов полковник Буамгартен приказал начать отход войск к Читати на позицию, которую они занимали 19 декабря.

Решение полковника Буамгартена было связано с надеждой на скорый подход подкрепления из селения Моцецей, где находился отряд генерал-майора Бельгарда. Замысел у Буамгартена был простой: закрепившись под Читати. Он создавал, таким образом, условия для удара войскам генерала Бельгарда в тыл туркам и возможность отрезать им путь для отступления по направлению к Гуними.

Отвод войск полковник Буамгартен поручил начальнику штаба капитану Хомякову, а сам с третьим батальоном ускоренным маршем двинулся занимать старые позиции на окраине Читати.

Для прикрытия отходящих войск были оставлены две мушкетерские роты с двумя орудиями.

Сам Хомяков рассчитывал отойти с последней 12-ой пехотной ротой поручика Калакутского.

Однако все вышло по-другому.

12-я рота при отходе была внезапно атакована турецким батальоном.

– Ну что, поручик, придется отбиваться, – сказал капитан Хомяков. И усмехнулся: – Не хотелось бы в такой день умирать...

– Не умрем! – ответил Калакутский. – Свинья не съест, бог не продаст, – и тут же приказал взводным командирам приготовиться к открытию огня.

Когда турки приблизились саженой на пятьдесят, первый взвод дал залп по неприятелю и быстро расступился в стороны, освободив место для второго взвода.

Прогремел еще один залп, однако турки, переступая через убитых и раненых продолжали двигаться вперед.

Таким же образом отстрелялись еще пять взводов. Пока очередь дошла до последнего, 8-го взвода, турки были уже рядом.

Завязался рукопашный бой.

Поручик Калакутский с ружьем наперевес бросился навстречу здоровенному пехотинцу и, изловчившись. Проткнул его штыком.

Рота с криком «Ура!» последовала за командиром. Капитан Хомяков, не раз участвующий в таких схватках, скорее почувствовал, чем понял, если сейчас они не отобьют натиск турок, то погибнут. Атака противника была настолько яростной, что в какое-то время капитану Хомякову даже показалось невыносимым устоять. Однако рота билась, не уступая туркам ни шагу, несмотря на многократный перевес сил в пользу неприятеля. Капитан Хомяков отбивался штыком и прикладом плечом к плечу с поручиком Калакутским, который неистово матерился и тут же просил бога о прощении.

– Ваше благородие, берегись! – услышал капитан Хомяков чей-то голос. Он обернулся и увидел прямо перед собой турецкого офицера с саблей. Однако турок не успел опустить саблю на голову Хомякова. Солдат, который предупредил его об опасности, прикладом сбил турка с ног и затем штыком проколол его.

– Спасибо, братец, – поблагодарил Хомяков солдата.

– С днем рождения вас, ваше благородие, – ответил тот и бросился дальше.

Не выдержав такого отпора, турки стали отходить.

...В это же время 1-я и 2-я мушкетерские роты были атакованы кавалерией неприятеля. Командиры рот капитан фон Вригт и капитан Бантыш построили роты в каре и заняли круговую оборону, чем сразу стеснили действия конницы. Залп за залпом, производимым мушкетерами, не давал кавалерии приблизиться к каре и пустить в ход сабли.

Тем временем полковник Буамгартен, войдя в Читати с батальоном, вдруг обнаружил, что их позиция уже занята турками, которые обошли селение по глубокому снегу со стороны равнины.

На валу турки устанавливали батарею из шести конных орудий:

– Да-а-а... – проговорил полковник Буамгартен. – Определи все-таки нас... Ну, что будем делать? – обратился он к командиру 3-го батальона майору Коломийцеву.

Тот слегка пожал плечами.

– Двум смертям все равно не бывать....

– А одной не миновать, – продолжил полковник Буамгартен. – Тогда вперед!

Наступление 3-го батальона было настолько стремительным, что турки не успели сделать ни одного выстрела из орудий. Работая штыками и прикладами, пехотинцы через четверть часа очистил позицию от неприятеля. Турки бежали, бросив четыре орудия. Однако вскоре появилась турецкая кавалерия и попыталась отбить их.

Турки отчаянно рубились и уже были на позиции батареи, когда в тыл им зашли подошедшие два гусарских эскадрона и сотня донских казаков во главе с есаулом Марченко. Опасаясь окружения, турецкая кавалерия после короткой схватки отступила за овраг. В овраге казаки нашли ещё два орудия и восемь зарядных ящиков.

...Расположив свои войска в Читати, полковник Буамгартен, не надеясь на скорую помощь, приказал организовать круговую оборону. По валу заняли позицию штуцерные и охотники, умеющие метко стрелять.

Используя короткое затишье, полковник Буамгартен разрешил выдать войскам по две нормы обеда сухим пайком. И по чарке водки.

– Праздник все же, – сказал он капитану Хомякову и улыбнулся. Но тут же, спрятав улыбку, продолжил: – Ну, вот... День прошёл, а мы живы...

– Значит, богу так угодно, – ответил капитан Хомяков. – Надо полагать, скоро наши подойдут...

– Подойдут. Обязательно подойдут, – согласился полковник Буамгартен. – Такую пальбу за сто вёрст можно услышать...

Дальше он не успел договорить.

Со стороны Фонтына-Банулуй раздались пушечные выстрелы.

– Никак наши!.. – неуверенно произнёс полковник Буамгартен и осенил себя крестом.

– А если турки? – Не то спросил, не то возразил капитан Хомяков.

– Нет, это наши! – ответил Буамгартен.

Тем временем артиллерийская стрельба со стороны Фонтына-Банулуй нарастала как волна в весенний паводок и становилась все отчетливее. Грозный спасительный грохот на какое-то мгновение затихал, затем снова усиливался, переходя порой в сплошной гул.

...Над позицией, которую занимали теперь войска полковника Буамгартена, повисла такая тишина, что казалось, было слышно биение сердец. И вдруг эту пугливую тишину взорвал крик «Ура!». В нем слышалось все: и отчаяние, и радость.

Солдаты вскакивали на ноги и обнимались. У многих на глазах были слезы.

Полковник Буамгартен обернулся к стоящим за его спиной капитану Хомякову и майору Коломийцеву и глухим от волнения голосом произнес:

– С праздником вас, господа офицеры!..

4

В 8 утра 25 декабря в Моцецей слышали интенсивную оружейную пальбу со стороны Читати, и генерал Бельгард приказал играть тревогу.

В половине девятого войска были выстроены на дороге.

В 9 часов выступили из селения.

Генерал Бельгард с 1-м и 2-м батальонами егерей и конной батареей двинулся ускоренным маршем по дороге по направлению на Гунию. Командиру Одесского егерского полка, генералу Жигманту, приказал с 3-м и 4-м батальонами и с другой конной батареей двинуться по дороге на Фантына-Банулуй.

Утро выдалось на удивление ясное. Слегка подмораживало. Устоявшаяся за ночь тишина сыхла в прозрачном воздухе, нарушаемая лишь хрустом снега под ногами движущихся батальонов.

Из Моцецей войска вышли налегке, оставив все имущество под охраной караульного взвода.

...Полковник Костанда с тремя сотнями донских казаков и двумя эскадронами гусар выступил на четверть часа раньше отряда генерала Бельгарда в сторону Гунии для разведки.

Тем временем гул артиллерийской канонады со стороны Читати все усиливался.

Генерал Бельгард торопился, он понимал – каждая потерянная минута будет стоить чьей-то жизни, а может и не одной.

На полпути до селения Гуния, где дорога расходилась – одна на Гунию, другая на Читати, колонну встретил полковник Костанда и сообщил, что селение Гуния занято небольшим турецким отрядом. Генерал Бельгард приказал полковнику Костанда выбить турок из Гунии своими силами, а сам повернул отряд на дорогу к Читати.

...Было около двух часов пополудни, когда 1-й и 2-й егерские батальоны подошли к Фантына-Банулуй.

Генерал Бельгард сразу оценил обстановку, Он распорядился открыть огонь по туркам из орудий с временной позиции и выстраивать батальоны в ротные колонны. Вскоре к Фонтына-Банулуй подошёл и генерал Жигмант с 3-м и 4-м батальонами.

Посоветовавшись с ним, генерал Бельгард принял решение на правый фланг отряда выставить шесть рот: четыре роты в первой линии и две роты, карабинерские, во второй с двумя орудиями. Командовать правым флангом поручил генералу Жигманту.

Шесть рот взял под своё начальство и приказал построить их в центре тоже в две линии: четыре орудия расположил на соседней высоте.

На левый фланг поставил две роты. Одну егерскую, другую карабинерскую. Командовать левым флангом поручил полковнику Костанду.

Когда построение было закончено, генерал Бельгард подъехал к Жигмонту.

– Если вы готовы, начнем, – сказал он.

– Я готов, – ответил Жигмонт.

Турки, заметив подошедшие русские войска, сразу же открыли огонь из орудий, хотя русские батальоны были еще далеко и ядра явно не долетали до них.

«Занервничали – отметил про себя генерал Бельгард. – Это хорошо»...

Он приказал своей артиллерии сделать не более двух залпов по турецким батареям и став во главе первой линии ротных колонн, верхом на своем кабардинце повел их в наступление.

Когда до неприятеля оставалось не более сотни сажений, турки выдвинули против правого фланга наступающих конную батарею и почти в упор ударили по ним гранатами. Одна из гранат разорвалась за спиной генерала Жигмонта. Он почувствовал сначала тупую боль под лопаткой, затем в глазах стало темнеть.

Наверное, он упал бы с коня, однако его подхватили на руки.

Теряя сознание, генерал Жигмонт успел услышать чей-то голос.

– Братцы! За командира полка!..

Больше он ничего не слышал. Он только чувствовал, что медленно проваливается в какую-то черную бездну...

Обозлённые егеря, невзирая на потери, рванулись вперед, пуская в ход штыки и приклады.

Турки, отчаянно отбиваясь от наседающих егерей, страшных в своей ярости и, казалось, бессмертными, потому, как они и сраженные, поднимались с земли и шли вперёд, поддерживая один другого. Не давая туркам опомниться, егеря выбили их с первой позиции. Сюда же принесли генерала Жигмонта. Временами он приходил в себя, требовал, чтобы его не уносили с поля боя и снова терял сознание. Осколок гранаты пробил Жигмонту лопатку и глубоко засел в теле. Ему сделали несколько перевязок, однако кровь все сочилась и сочилась.

Очистив от турок первую позицию, егеря двинулись дальше, но были атакованы неприятельской кавалерией.

Став в каре, егеря с близкого расстояния открыли по коннице огонь с колен и стоя.

После короткой схватки турецкие кавалеристы развернули коней и скрылись за строениями Фантына-Банулуй.

В центре атаки ротные колонны 1-го и 2-го батальонов тоже, ворвавшись на позицию неприятеля, были встречены сильным огнём штуцерных и понесли ощутимые потери.

...2-я егерская рота штабс-капитана Веделя начала отходить. Капитан Ведель, будучи тяжело раненым, нашёл в себе силы остановить егерей и снова повести вперед. Однако турецкая пуля оборвала его жизнь.

Командир 1-го батальона полковник Захаров увидел, что егеря 2-ой роты остались без ротного командира, сам повёл роту вперёд и оттеснил турок к самой окраине Фантына-Банулуй.

Тем временем стрельба под Читати постепенно стала стихать. Генерал Бельгард посчитал, что главную свою задачу он выполнил. И чтобы избежать лишних потерь, распорядился отвести свои войска от Фантына-Банулуй. По его расчетам с часу на час из Быйлешти, где стояли главные силы Мало-Валахского отряда до него было подойти подкрепление.

Командиры батальона полковник Захаров и майор Стефанский согласились с ним. И только командир 4-го батальона подполковник Борщев возразил:

– А если они снова пойдут на Баумгартена? Мы даже не знаем, сколько людей у него осталось...

Генерал Бельгард на минуту задумался.

– Тем не менее, я считаю необходимым отвести батальоны на безопасное расстояние, – сказал он. – А посему считайте это приказом.

Отход егерей от Фантына-Банулуй прикрывал эскадрон гусар с сотней казаков и двумя ротами егерей под командованием полковника Констанду.

Турки заметили отход русских и в тот же час выдвинули на фланги кавалерию для атаки, однако неожиданно стали спешно отходить от Фантына-Банулуй по двум дорогам: на Молдавию и Голецы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.